

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

Периодический научный сборник

2016 № 3-5
ISSN 2413-0869

ПО МАТЕРИАЛАМ
XII МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
Г. БЕЛГОРОД, 31 МАРТА 2016 Г.

АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(АПНИ)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

2016 • № 3-5

Периодический научный сборник

*по материалам
XII Международной научно-практической конференции
г. Белгород, 31 марта 2016 г.*

ISSN 2413-0869

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

2016 • № 3-5

Периодический научный сборник

Выходит 12 раз в год

Учредитель и издатель:

ИП Ткачева Екатерина Петровна

Главный редактор: Ткачева Е.П.

Адрес редакции: 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а

Телефон: +7 (919) 222 96 60

Официальный сайт: issledo.ru

E-mail: mail@issledo.ru

Информация об опубликованных статьях предоставляется в систему **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)** по договору № 301-05/2015 от 13.05.2015 г.

Материалы публикуются в авторской редакции. За содержание и достоверность статей ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте: **www.issledo.ru**

По материалам XII Международной научно-практической конференции «Современные тенденции развития науки и технологий» (г. Белгород, 31 марта 2016 г.).

Редакционная коллегия

Духно Николай Алексеевич, директор юридического института МИИТ, доктор юридических наук, профессор

Васильев Федор Петрович, профессор МИИТ, доктор юридических наук, доцент, чл. Российской академии юридических наук (РАЮН)

Тихомирова Евгения Ивановна, профессор кафедры педагогики и психологии Самарского государственного социально-педагогического университета, доктор педагогических наук, профессор, академик МААН, академик РАЕ, Почётный работник ВПО РФ
Алиев Закир Гусейн оглы, Институт эрозии и орошения НАН Азербайджанской республики к.с.-х.н., с.н.с., доцент

Стариков Никита Витальевич, директор научно-исследовательского центра трансфера социокультурных технологий Белгородского государственного института искусств и культуры, кандидат социологических наук

Ткачев Александр Анатольевич, доцент кафедры социальных технологий НИУ «БелГУ», кандидат социологических наук

Шаповал Жанна Александровна, доцент кафедры социальных технологий НИУ «БелГУ», кандидат социологических наук

Трапезников Сергей Викторович, начальник отдела аналитики и прогнозирования Института региональной кадровой политики (г. Белгород)

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ»	5
<i>Ватлина Т.Н.</i> СОВРЕМЕННАЯ ВЫСШАЯ ШКОЛА РОССИИ: ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?	5
<i>Гусева И.Е.</i> ФЕМИНИЗМ В ЖЕНСКИХ ЖУРНАЛАХ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА	8
<i>Исмаилова А.М.</i> ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ БЮДЖЕТНОГО УПРАВЛЕНИЯ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ В КОНЦЕ XIX – В НАЧАЛЕ XX ВВ.	10
<i>Карпенкова Т.В.</i> ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ И ПУТИ ЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ	14
<i>Крыжняя А.В.</i> КНЯГИНЯ ЕЛЕНА ПАВЛОВНА: ИСТИННО РУССКИЙ ХАРАКТЕР	18
<i>Моисеев В.В.</i> ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ В РОССИИ	21
<i>Моисейченко Л.А.</i> «БОЛЬШОЙ ТЕРРОР» 1937-1938 гг. В САРАТОВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ	23
<i>Савинченко Т.И.</i> ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЙ ХАРАКТЕР РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА	27
<i>Федорова Т.В.</i> ОТРАЖЕНИЕ ПРОБЛЕМ РЕГИОНАЛИЗМА В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ СИБИРСКИХ ВОЙСКОВЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА	31
<i>Якимов В.А.</i> РОССИЙСКОЕ КАЗАЧЕСТВО И ГОСУДАРСТВО В 1990-е гг.: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	37
<i>Яковлева Ж.В.</i> ПОСТАНОВЛЕНИЕ О РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ 1929 г. И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В САРАТОВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ	43
СЕКЦИЯ «ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ»	49
<i>Воробьева Н.П.</i> ОТ ДЕГУМАНИЗАЦИИ К ГУМАНИЗМУ: ВОЗМОЖНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ	49
<i>Инейкин А.С., Осипов А.В.</i> ОСНОВНЫЕ СРЕДСТВА МАНИПУЛЯЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫМ СОЗНАНИЕМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	51
<i>Киселёв С.А.</i> ЛОГИКА НАГЛЯДНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И ИХ СВЯЗЬ С ЗАКОНАМИ ДОСТАТОЧНОГО ОСНОВАНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ШОПЕНГАУЭРА	53
<i>Лазуркевич И.Ф.</i> РИСКИ СЕТЕВОГО ТЕРРОРИЗМА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ	56
<i>Мухамедьярова Л.В.</i> МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	62
<i>Назарова Ю.В.</i> КОДЕКСЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ ДЕЛОВОЙ КУЛЬТУРЕ	66
<i>Сидоренко Н.С.</i> ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И. ВАХА	69
<i>Эльмукова Е.В.</i> ОСОБЕННОСТИ ОСМЫСЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ	72
СЕКЦИЯ «ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ»	75
<i>Аль-Хуссейни Имад Салман Али, Калашникова Н.Н.</i> СОЦИАЛЬНО- ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ И ОСОБЕННОСТИ АКТЕРА КАК УЧАСТНИКА ТЕАТРАЛЬНОГО ПРОЦЕССА	75

<i>Балонова М.Г.</i> АНТИЧНЫЙ МИФ В ЖИВОПИСИ ПОЛЯ ДЕЛЬВО.....	78
<i>Кособуцкая Н.Ю.</i> ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В КОНЦЕПЦИИ М. ХАЛЬБВАКСА	81
<i>Костюков Ю.В.</i> К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ЦЕНТРА ДЕКОРАТИВНОЙ КОМПОЗИЦИИ	84
<i>Панкова К.С.</i> ДРАКОН (龙) В КИТАЙСКОЙ МИФОЛОГИИ	87
<i>Попова Е.О.</i> ИННОВАЦИИ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ	91
<i>Сибгатуллин И.Ш.</i> К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ».....	93
<i>Сидоренко И.А., Менкеева Е.Э., Вагина В.О.</i> ПРАВОСЛАВНЫЕ СВЯТЫНИ ДОНА	98
<i>Царёва Г.В.</i> РУССКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ О МУЗЫКЕ	100
СЕКЦИЯ «СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»	103
<i>Бабанина А.А., Давтян Д.В.</i> РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ КООПЕРАЦИИ В РОССИИ	103
<i>Железнёва Р.Г.</i> СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНЩИНЫ В СОЦИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ	105
<i>Ларин О.Н.</i> АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИОЛОГИИ А.А. ЗИНОВЬЕВА.....	107
<i>Новиков А.В., Кожемякина А.П.</i> АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ИЗУЧЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ РОССИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ	114
<i>Ревазов В.Ч., Гогаева Л.Б.</i> КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ РОССИИ	120
<i>Резник Л.В., Мурзатаева А.К.</i> ЭТИОЛОГИЯ ЗАБОЛЕВАНИЙ И ДИНАМИКА СОСТОЯНИЯ БОЛЬНЫХ, ПОЛУЧАЮЩИХ ЛЕЧЕНИЕ И РЕАБИЛИТАЦИЮ В ПСИХОНЕВРОЛОГИЧЕСКОМ МЕДИКОСОЦИАЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ.....	123
<i>Урбанаева Е.Г.</i> ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В КОНЦЕПЦИЯХ КАПИТАЛИЗМА ВЕРНЕРА ЗОМБАРТА И МАКСА ВЕБЕРА	126
СЕКЦИЯ «ВОЕННОЕ ДЕЛО».....	129
<i>Пиунов В.В., Хайбуллин И.Ф., Макаров Д.В., Дмитриев А.С.</i> УПРАВЛЕНИЕ КАРЬЕРОЙ ОФИЦЕРА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ.....	129
<i>Солод А.А., Солод С.А., Фоломеев Ю.Н., Капустин С.И.</i> ЭКСПЕРТНЫЕ СИСТЕМЫ И БЕЗОПАСНОСТЬ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ	131
<i>Хайбуллин И.Ф., Макаров Д.В., Дмитриев А.С., Григорьев С.М.</i> ОСОБЕННОСТИ ЧАСТЕЙ И СОЕДИНЕНИЙ КАК ОБЪЕКТОВ УПРАВЛЕНИЯ.....	134
<i>Хайбуллин И.Ф., Макаров Д.В., Дмитриев А.С., Чумаченко А.П.</i> ТРЕБОВАНИЯ К ВОЕННЫМ РУКОВОДИТЕЛЯМ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ.....	137

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ»

СОВРЕМЕННАЯ ВЫСШАЯ ШКОЛА РОССИИ: ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?

Ватлина Т.Н.

доцент кафедры иностранных языков, канд. ист. наук,
МТУ (МГУПИ), Россия, г. Москва.

В статье рассматривается вопрос о модернизации современного инженерного образования в России, которое должно происходить на основе собственного, уже имеющегося потенциала и опыта. Не следует слепо копировать западные образцы, необходимо учитывать национальные особенности страны. Только в этом случае возможно осуществить прорыв в технологическом развитии и экономическом росте.

Ключевые слова: модернизация системы образования, эффективная модель университета, социокультурные и национальные особенности, интеллектуальный потенциал.

На заседании Совета при Президенте РФ по науке и образованию 21 января 2016 г. В.В. Путиным был заявлено о том, что глобальные тенденции и вызовы требуют выработки конкретных практических инструментов, позволяющих гибко реагировать на запросы общества и экономики, на новые технологии, научные знания, образовательные компетенции. К настоящему времени сделано достаточно много для укрепления научно-технического потенциала страны; направлены значительные средства. За последние 10 лет почти в 4 раза увеличилось финансирование научной сферы, в результате в 2014 г. РФ оказалась на 5-м месте в мире по объёмам бюджетной поддержки, к этому году около половины всего научного оборудования было моложе 5 лет. Возросло число молодых учёных, работающих в организациях, которые занимаются прикладными и ориентированными на конкретную задачу фундаментальными исследованиями. Московский и Санкт-Петербургский университеты, федеральные и национальные исследовательские университеты всё более активно участвуют в научных изысканиях. Однако одновременно Президент отметил, что к числу активных и значимых для науки можно отнести лишь около 150 сильных государственных научных институтов, центров, вузов. Именно они обеспечивают 80 % цитирований и научно-значимых публикаций. Но это лишь 10 % всех государственных образовательных и научных организаций страны. В.В. Путиным было предложено: поддерживать лучшие организации и приоритетные направления; создавать специальные советы, координирующие работу; определять компетенции, которые будут востребованы через 10 и более лет, и осуществлять подготовку соответствующих специалистов и преподавателей. Наконец, им было предложено всему научно-педагогическому сообществу и представителям бизнеса включиться в подготовку просветительских проектов, популярных научных мероприятий, ориентированных на подрастающее поколение [2].

Необыкновенно важным в этой связи представляется выбор эффективной модели университета. Наиболее адекватной требованиям времени счита-

ется американская модель, которая известна в двух вариантах: «предпринимательский университет» и «исследовательский университет мирового класса». Университеты предпринимательского типа функционируют за счет многоканального финансирования, которое обеспечивается самостоятельным поиском источников средств; инициирования всё новых и новых видов деятельности; ориентации на прикладные исследования и производство инноваций; трансформации внутренней среды и модификации взаимодействия с внешней средой, в частности, поддерживая развитие стартапов. Исследовательские университеты мирового класса основаны на принципах превосходства в глобальных масштабах. Речь идет о наиболее высоких качестве и результатах исследований, об уровне подготовки обучающихся, квалификации преподавателей, размерах привлекаемых финансовых средств. Примером слияния этих вариантов в одну модель является, например, Стэнфордский университет. Одновременно эксперты указывают на весьма сложный процесс переноса подобной модели в иную социокультурную среду. России требуется разработка своей университетской модели, которая позволила бы сохранять и развивать «идею университета» как института с особой социокультурной миссией. И, одновременно, – достойно отвечать на вызовы глобализации. Простое копирование готовых моделей без учета социокультурных особенностей чревато кризисами цивилизационного характера [1]. В этой связи представляет интерес, что ректор Оксфорда Луиза Ричардсон, предлагая искоренить образование для элиты и изыскивать возможность для привлечения, прежде всего, талантливой молодежи, утверждает: «Университет – это не рынок: система образования работает на других принципах» [6].

В целом приходится с сожалением констатировать, что в России, действительно, пока не наблюдается значительного прогресса в инновационном развитии университетского образования. О функционировании науки в высшей школе чаще говорят только как о средстве, обеспечивающем подготовку специалистов, научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре и докторантуре, естественно, с достижением при этом и определенных научных результатов. К возможности прямого серьезного воздействия большей части вузов на ускорение инновационного развития страны отношение в целом достаточно скептическое, так как их недостаточное финансирование и устаревшая материально-техническая база не позволяют развернуть крупномасштабную инновационную деятельность. Это в полной мере относится и к техническим вузам, где в достаточной мере отсутствуют необходимые условия для создания и передачи новых технологий в промышленность (их передачи как конкретным адресатам, так и, тем более, на внешний и внутренний рынки в виде серийно выпускаемой инновационной продукции). В большинстве вузов отсутствуют структуры и специалисты, целенаправленно занимающиеся продвижением научных исследований и разработок, что объясняется нацеленностью в основном на образовательную деятельность.

Выход из создавшегося положения видится в преобразовании технических университетов в инновационные университеты предпринимательского типа, представляющие собой научно-инновационно-образовательные ком-

плексы, в которых органично соединены научно-образовательные, производственные и бизнес-структуры [5]. Именно такие технические университеты могут рассматриваться как центры научного и инновационного развития регионов и национальной инновационной системы. Научно-инновационная деятельность играет решающую роль в повышении конкурентоспособности предоставляемых университетом образовательных услуг, в формировании интеллектуального потенциала России и, как следствие, в обеспечении импортозамещения и технологического прорыва. Главные задачи научной деятельности университетов – тесное взаимодействие науки и образования, максимальное развитие инновационного потенциала ученых и педагогов, концентрация средств целевой поддержки фундаментальных и приоритетных направлений науки на выполнении конкретных задач, вытекающих из концепции модернизации российского образования. Обладая значительным научным потенциалом, передовые технические вузы способны генерировать научные и бизнес идеи, которые могли быть реализованы на практике в технопарках.

В настоящее время возможно осуществить прорыв на качественно новый уровень технического развития и экономического роста, но необходима опора на интеллектуальный потенциал и использование рыночных механизмов. Добиться реального укрепления интеллектуального потенциала, который является показателем развития нации, возможно лишь с учетом национальных особенностей страны, и будет чрезвычайно печально, если реформирование системы образования сведется лишь к копированию уже существующих образцов.

Список литературы

1. В поисках своей модели университета. Ректор ТГУ Эдуард Галажинский об университете в современном мире и о России в мире университетов// 24.01.2016 Ведомости электронный ресурс <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/01/25/625274-svoei-modeli-universiteta>
2. Заседание Совета при Президенте РФ по науке и образованию (21 января 2016 года, г. Москва, Кремль) Электронный ресурс <http://www.uies.ru/news/0/25196.html>
3. Гоник И.Л. Формирование инновационной системы подготовки инженерных кадров в России: проблемы и противоречия // Вестник высшей школы. 2008. № 4. С. 20-25.
4. Тихомирова Н.В. Университет как центр научного и инновационного развития региона // II Всероссийская конференция «Профессиональные кадры России XXI века: опыт, проблемы, перспективы развития» // <http://www.edu.meks-info.ru/index.shtml>.
5. Ильшев А.М. Проблемы трансформации крупного технического вуза в инновационный университет предпринимательского типа (взгляд изнутри) / А.М. Ильшев, Н.Н. Ильшева, И.Н. Воропанова // Инженерное образование. 2004. №2. С.12-23.
6. Ричардсон Л. «Университет – это не рынок, тут другие принципы» // 19.01.2016 Financial Times Электронный ресурс <http://www.vedomosti.ru/management/characters/2016/01/19/624525-universitet-eto-ne-rinok-tut-drugie-printsipi>

ФЕМИНИЗМ В ЖЕНСКИХ ЖУРНАЛАХ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Гусева И.Е.

аспирант кафедры отечественной истории, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет», Россия, г. Москва

В данной статье рассматривается зарождение феминизма в России на примере женских журналов в начале XX века.

Ключевые слова: феминизм, активность, равноправие, женская журнальная периодика.

Женская журнальная периодика в России начала XX века переживала бурный расцвет, освещая на своих страницах различные стороны жизни женщин, в том числе и общественно-политические. Героинями традиционных женских журналов были женщины-домохозяйки, жены и матери. Что касается журналов феминистской направленности, то они старались сформировать новый женский образ – образ гражданки. Первая мировая война способствовала появлению на страницах журналов нового образа – женщины-воина. Женские журналы имели схожую структуру, включающую разделы домоводства, рукоделия, моды, литературы, театра и др. Такая структура стала ориентиром для создания новых женских журналов, которые актуальны и в настоящее время.

Периодика начала XX века в России включала множество женских журналов: «Дамский мир», «Женщина», «Журнал для хозяек», «Женская жизнь», «Союз женщин», «Женский вестник» и т.д. Так, журнал «Женщина» видел свою задачу в укреплении семьи, «Дамский мир» стремился сделать мир прекрасным (журнал печатал модные новости с выкройками), «Журнал для хозяек» хотел помочь женщинам в ведении домашнего хозяйства и воспитании детей. При журнале работали различные курсы: модисток, курсы кройки и шитья, что давало возможность женщинам открывать свои мастерские и зарабатывать. В целом, журнал способствовал воплощению в жизнь некоторых феминистских идей.

В 1914 году издание «Журнал для хозяек» получило название «Журнал для хозяек и женская жизнь». Оно не рассматривало ведение домашнего хозяйства как единственное женское занятие. Женская жизнь стала освещаться с общественной точки зрения. Новый журнал хотел вывести женщину из пассивного состояния, пробудив у нее сознательность и вдумчивость. В обращении редакции к читательницам отмечалось: «Мы убеждены, что все, что доступно мужчине, может быть и должно быть доступно женщине. Мы верим в скорое осуществление равноправия полов» [4, с. 1-2].

Вскоре отдел «Женская жизнь» вышел из состава «Журнала для хозяек и женская жизнь» и стал самостоятельным изданием. Причиной этому была Первая мировая война, которая явилась стимулом развития женской активности. Задачей журнала «Женская жизнь» было давать советы не только по ве-

дению домашнего хозяйства, но и воспитывать женщину «...будить женскую мысль, развивать женское самосознание, возбуждать живой интерес женщины по всевозможным общественным вопросам» [3, с. 1]. Авторы журнала «Женская жизнь» призывали женщин к кооперации, к созданию организации взаимопомощи, тем самым стремясь сделать женщину более самостоятельной. По мнению авторов роль женщины как жены, матери и хозяйки становилась недостаточной.

С началом Первой мировой войны в женских журналах появились новые направления публикаций: обзоры информации о ходе военных действий и об участии в них женщин, сообщения о содействии женщин русской армии (открытие лазаретов, пошив белья для военнослужащих, благотворительные акции и т.д.). «Мир женщины», «Журнал для хозяек» особо отмечали М.С. Морозову, открывшую лазарет, бесплатную столовую, организовавшую концерты для раненых. Один из номеров журнала «Мир женщины» сообщал об открытии в Москве курсов по уходу за ранеными и больными при Лиге Равноправия.

«Журнал для хозяек» писал, что в связи с войной изменилось экономическое положение женщин, изменились и условия труда. Многие из них взяли на себя заботу о семье, отправив мужей на фронт. Женщины начали занимать освободившиеся места на производстве, осваивая мужские профессии. «За последнее время жизнь выдвинула и ввела женщину во многие области труда, бывшие ей до тех пор чуждые, поставила их наравне с мужчинами» [1, с. 10]. «Журнал для хозяек» обсуждал на своих страницах вопросы самообразования женщин, так как для работы необходимы знания. Рубрика «Самообразование» давала советы по подбору соответствующей литературы на ту или иную тему. Печатались материалы о работе сестер милосердия, женщин-врачей, о деятельности благотворительных обществ, и особо отмечая женщин-добровольцев, женские журналы инициировали общественную деятельность женщин в помощь русской армии.

Надо отметить, что Первая мировая война дала толчок развитию феминистского движения в России. Феминистские организации выступали с требованиями о проведении митингов, посвященных участию женщин в войне. «Журнал для хозяек» сообщал об открытии Всероссийского съезда женских организаций. Женские журналы обратили внимание, что во время войны женщина становилась самостоятельной личностью, преодолевая свою ограниченную роль домохозяйки и заслужила право быть наравне с мужчиной. Таким образом, одной из актуальных тем женской прессы стало изменение положения женщины в обществе.

Об этом же и о распространении феминистских идей говорило появление таких общественно-политических журналов как «Союз женщин», «Женский вестник». Основной целью этих изданий являлось: пропаганда идей феминизма, агитация, формирование нового женского мировоззрения. Эти издания отличались от основной массы других женских журналов тем, что заставляли задуматься над ущемленным положением женщин в семье и обществе и искать выход из данной ситуации. Авторские коллективы рассматривали женщину как социальный субъект, имеющий свои собственные интере-

сы. «Союз женщин» и «Женский вестник» печатали хронику женского движения в России и за рубежом, тексты речей зарубежных феминисток, стенограммы заседаний Государственной Думы, касающиеся женских вопросов в России, а также художественные произведения о судьбах женщин. Эти журналы не содержали разделов мод, кухни и т.д. Поэтому они не попадали под категорию традиционных женских журналов. «Женский вестник» и «Союз женщин» сосредоточили свое внимание на следующих проблемах: расширение допуска женщин к образованию, наделение их избирательными правами, создание женских союзов для представления своих интересов в политических и общественных структурах. А. Кальманович (феминистка, общественная деятельница) в своей статье «Несколько слов о феминизме» объясняла за что необходимо бороться женщинам России: «Противники представляют себе под женским движением нечто вроде вооруженного восстания. Пора понять, что женское движение направлено не на борьбу с мужчинами, а на организацию женщин... Время безучастных существ прошло и всякий взрослый человек, трудящийся на общую пользу, имеет право на участие в делах общества и государства» [2, с. 24]. Несмотря на то, что немногие современники воспринимали новые мысли, авторы журналов надеялись, что когда-нибудь они будут услышаны.

Подводя итог, можно сказать, что начало XX века было отмечено в России выпуском большого количества женских журналов. Среди них выделялся журнал «Женская жизнь», носивший умеренно-феминистскую направленность, в отличие от «Союза женщин» и «Женского вестника», считающимися единственными феминистскими изданиями в тот период времени. Но постепенно и другие женские журналы приобретали феминистскую окраску. Главной мыслью женских изданий было отражение того, что женщина становилась гражданкой своего отечества, выходила из тени домашней обстановки. Одной из причин тому стала Первая мировая война, пробудившая женщину и заставившая ее по-иному взглянуть на мир, проявив свою жизненную позицию.

Список литературы

1. Грей. Женщина сегодняшнего и завтрашнего дня // Мир женщины. 1916. №4. С. 10.
2. Кальманович А. Несколько слов о феминизме // Союз женщин. 1907. № 5. С. 24.
3. От Редакции // Женская жизнь. 1915. №1. С. 1.
4. От Редакции // Журнал для хозяек и женская жизнь. 1914. №1. С. 1-2.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ БЮДЖЕТНОГО УПРАВЛЕНИЯ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ В КОНЦЕ XIX – В НАЧАЛЕ XX ВВ.

Исмаилова А.М.

к.и.н., доцент, Дагестанский государственный
университет народного хозяйства, Россия, г. Махачкала

Статья посвящена централизации бюджетного управления на Южном Кавказе в конце XIX – в начале XX вв. Экономическое развитие в этом регионе имело свои особен-

ности. Избранная правительством к концу XIX века модель централизации не соответствовала задаче сглаживания региональной асимметрии и не способствовала развитию областей, поэтому на Южном Кавказе следовало применять методы, характерные именно для данной территории.

Ключевые слова: централизация, бюджет, промышленный капитал, финансовый капитал, наместник.

История, экономика и политика тесно и неразрывно связаны друг с другом. Именно поэтому при комплексном подходе к изучению истории Южного Кавказа значительное внимание следует обращать на экономические проблемы, разрешение которых оказывало существенное влияние на ход исторического процесса. И сегодня для России, нет задачи более актуальной, чем поиски конкретных путей возрождения экономической стабильности страны [1, с.178].

Изучение досоветского периода развития финансового капитала имеет важное значение для решения многих проблем Кавказа. Финансовый капитал возник на основе соединения, взаимного проникновения, сращивания монополистического промышленного и монополистического банковского капиталов. Эти процессы привели к переплетению собственности, взаимному владению акциями и т.д. Постепенно два разных типа монополистических капиталов прочно срослись в один капитал, с едиными интересами и целями. Финансовый капитал – это исторически новая форма организации капитала, в которой невозможно отделить производство, обращение товаров от производства и обращения денег.

Финансовый капитал был одним из тех факторов, под влиянием которых происходило интенсивное хозяйственное освоение региона и его вовлечение в единый общероссийский рынок. Приток финансовых капиталов в значительной степени усиливал динамику и интенсивность протекавших на Южном Кавказе социально-экономических процессов. Плодородные земли и благоприятный климат Южного Кавказа издавна определили специализацию региональной экономики, формирующейся на сельскохозяйственном производстве [2, л.111]. Выход к Черному и Каспийскому морям способствовал активизации торговли с другими странами. Интенсивное развитие экономики всей Российской империи после эпохи великих реформ привело к подъему производства на Южном Кавказе.

В 1905 г. по сугубо политическим причинам было принято решение о восстановлении наместничества на Кавказе. Возвращение к существовавшей до 1882г. системе взаимоотношений между Министерством финансов и администрацией Закавказья стало для финансового ведомства неприемлемым. Указом 26 февраля 1905 года о восстановлении наместничества на Кавказе наместнику было предписано подготовить проект положения об управлении краем, а до тех пор во взаимоотношениях с гражданскими ведомствами, в том числе Министерством финансов, руководствоваться статьями «Учреждения Управления Кавказского и Закавказского края» Свода законов 1876 г.

Возможно, законодатели и не планировали полного восстановления системы финансового управления регионом. Вряд ли, например, кто-либо всерьез допускал возможность выделения бюджета Закавказья в отдельную смету. Однако сама идея воссоздания старой системы, проскользнувшая в указе, была встречена Министерством финансов в штыки. Буквально все департаменты министерства представили отзывы, в которых категорически выступили против такой перспективы [3, л.113].

Предложения самого Коковцова состояли в том, чтобы наделить наместника полномочиями по управлению финансами края, но предоставить министру финансов право непосредственных сношений с подчиненными ему учреждениями «по всем предметам, входящим в круг их ведомства». Это означало, что все финансовые учреждения должны были получать распоряжения непосредственно от министра, а также представлять в центр отчетность. Единственное исключение состояло в том, что все циркуляры по Министерству финансов, касавшиеся только Кавказа, должны были издаваться «по соглашению с наместником». Это правило касалось всех органов финансового ведомства, и прежде всего казенных палат и казначейств [4, с.223].

Вне компетенции наместника находилась и деятельность Государственного банка, Государственного земельного банка и Крестьянского поземельного банка. Наместник мог лишь косвенно участвовать в процессе внесения изменений в их уставы. Министр финансов потребовал, кроме того, предоставления ему права назначать и увольнять члена от Министерства финансов в Совете наместника по согласованию с самим наместником.

Эти и другие замечания финансового ведомства были учтены при составлении Учреждения об управлении наместничеством. Сложившаяся система управления краем представляла собой не только итог эволюции принципов взаимоотношений между Министерством финансов и администрацией Южного Кавказа. Она свидетельствовала и об общей тенденции централизации финансового управления окраинами, коснувшейся не только Южного Кавказа, но также и других регионов, таких, как Сибирь или Финляндия. Власть наместника образца 1905 года представляла собой в большей степени политический институт, а не институт управления. В восстановлении наместничества мотивы политические преобладали над соображениями административной и экономической целесообразности. Однако Министерство финансов добилось сохранения за собой ключевых функций управления экономикой и финансами края, инкорпорированного, по крайней мере юридически, в финансовую систему империи [4, с.224].

Правительство, прежде всего Министерство финансов, периодически ревизиями и посредством централизации управления ресурсами пыталось препятствовать «приватизации» ресурсов окраин и восстановить иерархию связей. Споры и «торги» о хозяйственных полномочиях нередко приводили к конфликтам между местной администрацией и центральным финансовым ведомством [5, с.87].

Реформы финансовой централизации стали побочным продуктом двух процессов: рационализации финансового управления (кассового устройства,

ревизии и т.д.) и централизации политической власти. Нельзя сказать, что политический мотив был преобладающим, в частности для Министерства финансов.

Была ли централизаторская политика эффективной с точки зрения поставленных правительством целей – политической интеграции, экономического развития и выравнивания региональной асимметрии? Централизация финансового управления, во-первых, лишала оперативности деятельность местных администраций и снижала их возможности реализовывать свои инициативы. В стремлении окраинных губернаторов и наместников к большей свободе распоряжения ресурсами просматривается не только желание «приватизировать» богатства края и хозяйничать там в своих интересах.

Таким образом, избранная правительством к концу XIX века модель централизации не соответствовала задаче сглаживания региональной асимметрии и не способствовала развитию областей. Но едва ли не более важным было то, что современникам казалось, что она категорически противопоказана экономике государства многонационального. Финансовая централизация, которая характеризует каждое недемократическое государство, особенно остро чувствуется и сознается эксплуатируемыми областями в государстве, состоящем из многочисленных наций. Каждая этнографическая область стремится к большей или меньшей эквивалентности между государственными доходами от нее и расходами в ней и рассматривает перевес доходов над расходами как невознаградимый ущерб местным интересам, как эксплуатацию местного населения

Итогом политики финансовой централизации по отношению к национальным окраинам стало не сглаживание, а усугубление противоречий. Поэтому споры о бюджете к концу столетия оказались столь вовлечены в националистический дискурс, важное место в котором занял тезис об эксплуатации центра окраинами и о так называемом «бремени империи».

Финансовый капитал играл чрезвычайно важную роль в налаживании и успешном развитии экономики Южного Кавказа. Успешное функционирование деятельности кредитно-банковских учреждений являлось залогом хозяйственного и промышленного расцвета региона. Кредитно-банковская система региона формировалась длительный период с 60-х гг. XIX в. до первой мировой войны. Строительство железной дороги явилось основой капиталистической модернизации сельского хозяйства и начала роста промышленности региона. Разветвленная железнодорожная сеть в конце XIX в. и в начале XX в. положительно влияла на развитие региональной экономики. К концу XIX в. экономика Южного Кавказа была в основном интегрирована во всероссийский рынок, здесь сложился один из наиболее развитых районов земледельческого производства страны.

Список литературы

1. Народы Кавказа. Т. 2 / Под ред. С. П. Толстова. М., 1966.
2. Начальник Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей. Записка по вопросу об изъятии Кавказских Акцизных управлений из порядка подчинения власти наместника ЕИВ на Кавказе // РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 503.

3. Министр финансов – наместнику М.И. Воронцову-Дашкову, 15 сентября 1905 г. // Там же.
4. Институт генерал-губернаторства и наместничества в России / Под ред. В.В. Черкесова. Т.1.СПб., 2001.
5. Всеподданнейший отчет Государственного контролера за 1876 г. СПб., 1877.

ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ И ПУТИ ЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Карпенкова Т.В.

зав. кафедрой гуманитарных дисциплин, д-р ист. наук, профессор,
Международный институт экономики и права, Россия, г. Москва

Возрастание роли гуманитарных наук в обществе. Осознание приоритетности гуманитарных наук. Формирование антропоцентристской ориентации всей познавательной деятельности. Поворот к человеку. Повышение роли гуманитарных знаний в инновациях. Гуманитарные науки и компьютеризация. Возрастание интегративной функции гуманитарных наук. Гуманитарные науки и продвижение в общество принципа «диалогизма». Негативные тенденции в развитии гуманитарных знаний.

Ключевые слова: гуманитарные науки, тенденции, вызов-ответ, человек.

Выявление тенденций в любой области современного развития связано с известными трудностями, сопряженными с тем, что человеческое общество вступило в период стремительных, многоаспектных изменений, информационных технологий, информационного взрыва, переплетения и взаимообогащения идей, теорий и концепций, новых невероятных научных открытий, не все из которых ещё осмыслены, и т.д. Всё это определяет и обилие тенденций, и сложную их взаимосвязь, переплетение, в связи с чем не так просто вычленишь основные, устойчивые соотношения, свойства, признаки, присущие развитию гуманитарных наук. Тем не менее, мы предпримем такую попытку, стремясь опираться не только на самостоятельный анализ и прогнозы, но и на некоторые идеи других исследователей. В качестве критериев выбора именно основных, а не второстепенных тенденций, нами определены следующие:

- наличие реальных и наиболее распространённых и наиболее значимых фактов, свидетельствующих о проявлении устойчивых соотношений, свойств, признаков, закономерностей, присущих современным гуманитарным наукам и той среде, в которой они развиваются;

- гипотетическая возможность гуманитарных наук развиваться в некоем направлении (гипотеза – форма и метод теоретического знания), что с большой долей вероятности может привести к значительным последствиям как для самих гуманитарных наук, так и для современного общества.

Одной из наиболее зримых тенденций развития гуманитарных наук следует считать резкое возрастание их роли в науке, культуре и образовании. Это не просто основная, это главная тенденция, потому что важнейшая тенденция развития современного общества – гуманизация.

Важно отметить, что предназначение гуманитарных наук было изначально совершенно особым, ведь гуманитарное знание, появившись, сразу же заняло центральное место в мире наук. В нем скрещиваются потоки информации, идущие от всех других отраслей знания человек принадлежит ведь и природе, и обществу, и культуре, и в его существовании, функционировании и развитии особенно ярко проявляются общие законы бытия, рассматриваемые философией и математикой. Формально гуманитарные науки всегда уделяли внимание человеку, что интуитивно выразил ещё великий греческий философ-гуманист Протагор: человек является «мерой всех вещей». Статус гуманитарного знания традиционно был высок, в том числе и в России [3, с. 34-35].

Тем не менее раньше гуманитарные исследования были почти полностью подчинены политическим и производственным интересам, религиозным доктринам или личным пристрастиям властителя.

Только на рубеже XX-XXI вв. человек осознал свое истинное место в мире и устремил свою познавательную деятельность на то, что до сих пор было в ней второстепенным. Становится не только возможной, но исторически необходимой новая смена ориентации в мире наук – формирование антропоцентристской ориентации всей познавательной деятельности [3, с. 47].

Поворот к человеку стал более решительным (вообще XXI век, как известно, провозглашён «веком человека»). Причём эта тенденция проникла даже в правовую науку, которая изначально была призвана служить интересам государства, где непрерывно растёт число таких оригинальных систем научных знаний (новых наук), как юридическая антропология, антропология права, социология права, права и свободы человека и гражданина, ювенальное право и т.д.

Возобладала иная направленность – общество осознало приоритетность гуманитарных наук, их значение и ценность для адаптации человека в современном обществе. Именно на этом направлении и происходит наиболее интересный, хотя и не без противоречий, «ответ на новый вызов». Приоритетным стало развитие образования и культуры, как системообразующих духовного потенциала страны, что непосредственно связано с духовным и социально-экономическим возрождением ряда стран мира, в том числе России и стран Ближнего зарубежья. Во всём мире стала проявляться тенденция к стимулированию и поддержке гуманитарных наук со стороны государства. Отсюда устойчивая тенденция – повышение внимания к специалистам, чья профессиональная деятельность связана с взаимодействием в системе «человек-человек». Мировая практика подготовки специалистов для различных отраслей промышленности стала характеризоваться опережающей гуманитарной подготовкой спецов нового поколения с разумным сочетанием узкопрофессионального и гуманитарного знаний с опорой на идеи политкультурности, гуманизации и гуманитаризации образования.

По мнению В.А. Соломина, «гуманитарные технологии определяют сегодня перспективный вектор инновационного развития образования, потому что позволяют педагогу реализовывать профессиональные компетентности, востребованные современным обществом» [8, с. 126].

Одна из важных тенденций в развитии гуманитарных наук – их междисциплинарная, межрегиональная, межстрановая и межведомственная интеграция. Эта тенденция наблюдается уже сейчас и будет только углубляться. Наиболее зримо она проявляется в деятельности различных форумов, ассоциаций, научных конференций, постоянных семинаров и т.д.

К основным тенденциям развития гуманитарных наук, несомненно, можно отнести их стремительную компьютеризацию, информатизацию.

Информационная эпоха, несомненно, предъявляет новые требования к системе гуманитарного знания. Расширяется доступ к материалам для исследования, ученым обеспечиваются широкие возможности для тесного сотрудничества, открывается ряд новых исследовательских методов. Стремительно развивается «цифровая гуманитаристика» («цифровые гуманитарные науки», «Digital Humanities»), которая всё более становится междисциплинарной областью исследований, объединяющей методики и практики гуманитарных, социальных и вычислительных наук с целью изучения возможностей применения и интерпретации новых цифровых и информационных технологий, систематического использования цифровых ресурсов в гуманитарных исследованиях и образовании. Причём главное здесь – гуманитарное содержание знания, а не только компьютерные технологии [11].

Многие учёные считают, что роль гуманитарных наук крайне важна именно в этот исторический момент, т.к. наше культурное наследие мигрировало в цифровые форматы и наше отношение к знаниям, культурному материалу, технологии и обществу радикально изменилось. В мире стремительно создаются сети гуманитарных наук (например, в Кембридже с 2011 г.) [6, с. 77]. А в России наиболее наглядный пример – деятельность Ассоциации «История и компьютер» (АИК). Различного рода центров, где происходит сплав гуманитарных наук с виртуальной средой, становится всё больше: в их числе можно назвать сотни специализированных веб-страниц, аккаунты в социальных сетях, научные статьи, книги, журналы, серии публикаций, объединённых в исследовательские проекты.

Характеризуя данную тенденцию, следует сказать, что гуманитарные науки не только испытывают на себе воздействие новых информационных технологий, но и оказывают мощное воздействие на сами эти технологии.

Интересно мнение Е.В. Ушакова о движении гуманитарных наук «в сторону рационализирующего метода», в сторону рациональных процедур, что сближает их естественными науками [10, с. 348].

Наверно нельзя оставить без внимания и такое важнейшее предназначение гуманитарных знаний, как продвижение в умы, дальнейшее развитие, внедрение в практику жизнедеятельности общества, в человеческие отношения принципа «диалогизма» [12].

Вместе с тем ряд учёных выделяют и некоторые негативные тенденции в развитии гуманитарных наук. Например, в ряде стран мира сейчас наблюдается смена парадигмальных оснований, что приводит к кризису социально-гуманитарного знания. Первый симптом данной тенденции – снижение авторитета гуманитарных наук у населения (в наше время это особенно ярко про-

является в арабских странах, странах Средней Азии, в некоторых других постсоветских странах).

Кузнецов А.М. сделал интересный вывод о том, что ни одно из значимых социально-политических событий XX в. не было предсказано наукой, в настоящее время общество переживает явления, на которые у науки ещё нет ответа, и подобная тенденция вероятно сохранится на будущее. В СМИ сообщалось, что в ряде западных университетов студенты покидали лекции профессоров, заявляя, что те читают им положения, оторванные от реалий жизни [13].

В ближайшем будущем продолжится тенденция развития науки как разновидности массовой деятельности. Тот же Кузнецов А.М. пишет «Созданный в подобных обстоятельствах научный продукт часто уже не может удовлетворить запросы власти. Она отреагировала на подобное несоответствие созданием собственных институтов консультантов, экспертов, стратегических центров, которые активно перехватывают ресурсы, ранее предназначенные для развития науки. Представители же подобных центров теперь открыто позиционируют свой продукт как принципиально не научный. Все это рисует в драматическом свете перспективы для социально-гуманитарного научного сообщества. Тем более, что уже некоторые авторы говорят о противоречии между интеллектуалами и управленцами как одним из значимых моментов современности» [5].

Таким образом, анализ особенностей развития гуманитарных наук показывает, что здесь можно выделить ряд как позитивных, так и негативных тенденций. И те, и другие связаны с тем, что постмодернистский вызов поставил перед гуманитарными науками ряд сложных вопросов. Основные позитивные тенденции проистекают из ценности и специфики самих гуманитарных наук и развития информационных технологий, а негативные тенденции, с одной стороны, являются продолжением тенденций прошлых лет, а с другой стороны – проявлением кризиса роста. Будем надеяться, что кризисные тенденции гуманитарные науки преодолеть сумеют.

Список литературы

1. Байрамов А.М. Тенденции развития философского аспекта гуманитарных наук // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. – 2013. – № 4 (15). – С. 26-28.
2. Батюк Л.И., Зиброва А.В. Особенности развития маркетинговых интернет-коммуникаций высших учебных заведений на примере ФГБОУ АПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова». Роль науки в развитии общества: сборник статей Международной научно-практической конференции. – Уфа: АЭТЕРНА, 2015. С.106-114.
3. Карпенкова Т. В. и Вестник Международного института экономики и права. 2011. № 2. С. 133-145.
4. Каган М.С. Перспективы развития гуманитарных наук в XXI веке // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. Серия “Symposium”, Выпуск 12 / К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана. Материалы международной научной конференции. 18 мая 2001 г. – СПб.: Санкт-Петербург, 2001.
5. Кадырова Ф.М. Современные вызовы гуманитарной подготовки будущих педагогов в условиях глобализации образования // Казанский педагогический журнал. – 2005. – № 4. – С. 38-41.

6. Кузнецов А.М. Социально-гуманитарные науки в XXI в.: возможные перспективы сквозь призму проблем и угроз // <http://ifl.wl.dvfu.ru/6050>
7. Можаяева Г.В., Можаяева-Реня П.И., Сербин В.А. Цифровая гуманитаристика: организационные формы и инфраструктура исследований // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 389. – С. 73-81.
8. Роботова А.С. Гуманитарность и гуманитарные технологии // Univrsun: Вестник Герценовского университета. – 2008. – № 5. – С. 15-21.
9. Соломин В.П. Гуманитарные технологии как инновация в образовании // Вестник Томск. гос. пед. ун-та. – 2011. – № 4. – С. 124-127.
10. Соломин В.П., Митин А.Е., Верещагина Н.О. Гуманитарные технологии как новая форма функционирования гуманитарного знания // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2011. – № 132. – С. 198-206.
11. Ушаков Е.В. Введение в методологию и философию науки. – М.: Экзамен, 2005.
12. <http://www.cdh.ucla.edu/about/what-is.html> (What Is DH?)
13. http://www.yuri-afanasiev.ru/humana/tom3_1.htm (Современное гуманитарное знание. Принципы)
14. <https://istina.msu.ru/publications/article/722912/> (Почему студенты Гарварда против лекций Г. Мэнкью)

КНЯГИНЯ ЕЛЕНА ПАВЛОВНА: ИСТИННО РУССКИЙ ХАРАКТЕР

Крыжняя А.В.

Оренбургский государственный педагогический университет,
Россия, г. Оренбург

Научный руководитель – к.и.н., доцент кафедры «История России»
Оренбургского государственного педагогического университета Петрич Л.В.

В статье рассказывается о жизни русской княгини немецкого происхождения, о её мировоззренческой позиции, общественной деятельности, занятиях благотворительностью. Делается вывод, что отношение человека к государству, в котором он живёт, не зависит от его происхождения.

Ключевые слова: династический брак, благотворительность, сёстры милосердия, «четверги».

Одной из актуальных проблем XVIII – XIX века являлась проблема появления при императорском дворе особ иностранного происхождения. Династические браки заключались с целью укрепления дружественных отношений с соседними государствами. Само понятие династический брак подразумевает политическую выгоду, поэтому не трудно представить, что чувствовали женщины, переехавшие в Россию из других государств, сменившие привычный образ жизни по необходимости. Многие иностранки так и остались иностранками, даже после принятия православия, но в истории России существуют примеры того, насколько истинно русской может быть особа иностранного происхождения. Я хотела бы остановиться на судьбе женщины, ставшей истинно русской, будучи немкой по происхождению. Речь пойдёт о княгине Елене Павловне. В данной статье я попытаюсь проанализиро-

вать мировоззрение и общественную деятельность княгини, её вклад в историю Российского государства.

Княгиня Елена Павловна (немецкая принцесса Фредерика Шарлотта Мария Вюртембергская, внучка короля Фридриха I), принявшая христианство и ставшая русской княгиней, супругой Великого князя Михаила Павловича, родилась 28 декабря 1806 года в Штутгарте. Детство принцесса провела в пансионе госпожи Геруль, где отношения с воспитывающимися там дочками зажиточных вельмож не складывались, это и закалило характер принцессы. Именно в этот период происходит становление личности принцессы, так как она знакомится и начинает общение с известным французским учёным – естествоиспытателем Кювье, а также Шарлотта с отцом посещает парижский салон Кувье, где встречались учёные, дипломаты, художники, путешественники, писатели, известные в то время. Вращение в кругах знаменитых людей сказалось на мировоззрении принцессы, тяге к познанию нового. В 1822 году принцессе Шарлотте исполнилось 14 лет, и её избрали в супруги сыну Императора Российской империи Павла I – Михаилу Павловичу. В 1823 году в Санкт – Петербурге принцесса приняла православие с именем Елены Павловны, был совершён обряд обручения, а уже в 1825 году освятили Михайловский дворец, куда переехал Михаил Павлович с супругой [3, с. 47]. Душа князя не лежала к супруге, несмотря на её образованность и широкий кругозор. Великий князь всецело посвящал себя армии, супруге внимания уделял мало, избегал её общества. Со временем отношения нормализовались, Елена Павловна родила пять дочерей, но, к сожалению, две из них умерли в младенчестве. В 1849 Елена Павловна стала вдовой [2, с. 217].

В XIX веке придворным особам было положено заниматься благотворительностью, и Елена Павловна активно ей занималась. Интересен тот факт, что для неё благотворительность не была лишь обязанностью, данью моде, а являлась смыслом жизни. Об этом свидетельствуют масштабы благотворительной деятельности. В области художественной культуры Елена Павловна покровительствовала художникам, таким как Антон Рубинштейн, И.К. Айвазовский, К.П. Брюллов. Продав собственные драгоценности, способствовала учреждению Русского музыкального общества и консерватории. В Петербурге Елена Павловна основала Елизаветинскую детскую больницу. В Москве и Петербурге ею были созданы детские приюты Елизаветы и Марии, в память об умерших дочерях, реорганизована Максимилиановская больница, в которой был создан постоянный стационар. Елена Павловна понимала, что необходимо повышать квалификацию врачей, поэтому в 1885 году был открыт Клинический институт Великой княгини Елены Павловны, который существует до сих пор, с 1993 года являясь медицинской академией последипломного образования [4, с. 437]. Воспитываясь в протестантской семье, Елена Павловна стала глубоко верующей православной христианкой, она заботилась о Воздвиженском храме Московской Ямской слободы в Петербурге [3, с. 120]. В благотворительной деятельности важно обладать не только высокими духовными качествами, но и организаторскими способностями, и Елена Павловна ими обладала, основав Крестовоздвиженскую общину сестёр

милосердия с подвижными лазаретами и перевязочными пунктами в помощь больным и раненым. Княгиня предоставила помещения Михайловского дворца общине, чтобы складировать медикаменты, ежедневно посещала больницы, делала перевязки раненым. Под её началом сёстры милосердия уезжали в Севастополь, где их ожидал хирург Пирогов для обучения лечебному делу. В годы Крымской войны 1853 – 1854 в Крыму трудилось более 200 сестёр милосердия. Сегодня организация «Красный Крест» распространена по всему миру, и это благодаря примеру, который подала княгиня Елена Павловна своей самоотверженностью и решительностью [2, с. 490].

Елена Павловна интересовалась и политикой, в Михайловской дворце проводились «четверги» для обсуждения актуальных проблем, как в области политики, так и в области культуры. «Кружок» Елены Павловны являлся центром общения разработчиков Великих реформ XIX века. Огромный след в истории Российского государства Елена Павловна оставила в подготовке освобождения крестьян, самой актуальной проблеме XIX века. В 1856 году княгиня, с помощью Н. А. Милютина, выступила с инициативой освобождения крестьян в своём имении Карловка Полтавской губернии, которое включало 12 селений и деревень. И это был первый шаг в великом деле – освобождении России от крепостного права [1, с. 118].

Великая княгиня Елена Павловна умерла в 1873 году в возрасте 66 лет. Сочетание в её характере таких качеств, как сердечная деликатность, простота в общении, умение ставить себя в положение других, чуткость и сострадание к ближнему, завоевывали всенародную любовь к ней. До конца своих дней Елена Павловна оказывала помощь и содействие Академии Наук, Вольному Экономическому обществу. Благодаря Крестовоздвиженской общине сестёр милосердия сотни раненых на полях сражений остались в живых. Неумолимая заслуга Елены Павловны перед Россией – её участие в деле освобождения крестьян от крепостной зависимости. Приехав в Россию, она застала крепостное право непоколебимым, и сделала всё возможное для того, чтобы облегчить участь крепостных крестьян [4, с. 337].

Благодаря примеру княгини Елены Павловны, можно сделать вывод о том, что происхождение человека не имеет никакого значения, самое главное – это его мировоззренческая позиция, личностные ориентиры, желание не быть безучастным к судьбам других людей. Россия должна гордиться своей историей, которая полна великими людьми.

Список литературы

1. Бахрушин С. Великая княгиня Елена Павловна // Освобождение крестьян: деятели реформы. – М., 1911. С. 115-172.
2. Великая княгиня Елена Павловна // Русская старина. 1882. № 3. 785 с.
3. Милютин Д. А. Воспоминания. 1843-1856 гг. М., 2000. 161 с.
4. Оболенский Д. А. Мои воспоминания // Русская старина. 1909. № 3. 508 с.

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ В РОССИИ

Моисеев В.В.

профессор кафедры социологии и управления, Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, Россия, г. Белгород

В статье рассматриваются проблемы борьбы с коррупцией в нашей стране. Автор приводит аргументы и факты, которые свидетельствуют о росте масштабов коррупции в нашей стране, недостаточной политической и организаторской работы по реализации государственной антикоррупционной политики. Особое внимание в статье историческому опыту борьбы с коррупцией в нашей стране.

Ключевые слова: коррупция, история, антикоррупционная политика.

За последние пять лет количество выявленных в России коррупционных отношений возросло в полтора раза. Только в 2014 г. прокуратурой было вскрыто около 400 тыс. нарушений закона в сфере противодействия коррупции. О поражении коррупцией органов государственной власти и муниципального управления сегодня свидетельствуют не только результаты прокурорских проверок, но и аналитические доклады МВД и других правоохранительных органов, а также многочисленные аресты губернаторов и их заместителей, других государственных служащих. Аресты губернаторов В. Дудки (Тульская область), А. Хорошавина (Сахалинская область), Н. Денина (Брянская область), главы Республики Коми В. Гайзера, сотрудников Управления делами Администрации Президента РФ В. Корнилки, И. Ерашова, других публичных лиц – яркое тому подтверждение.

Коррупция сегодня стала основным источником дохода для определенной части руководителей федерального, регионального и муниципального уровней, представителей законодательных органов и политических партий, превратилась в главный побудительный мотив при принятии управленческих решений. В этом россияне еще раз убедились, когда стало известно об аресте миллиардных состояний главы Республики Коми В. Гайзера и губернатора Сахалинской области А. Хорошавина, изъятии многих килограммов ювелирных украшений бывшего руководителя «Оборонсервиса» Е.Васильевой. Коррупция в современной России расцвела потому, что чиновник получил возможность распоряжаться бюджетными средствами, государственной и муниципальной собственностью, госзаказами, лицензиями, льготами и т. п. Коррупционные практики тормозят развитие страны, ее экономики и социальной сферы. Поэтому не случайно Президент Российской Федерации В.В. Путин, выступая с очередным посланием 3 декабря 2015 г., назвал коррупцию «препятствием для развития России» [1].

Борьбой с коррупцией в России занимались на протяжении почти всей ее тысячелетней истории. Наличие и тем более расцвет коррупции свидетельствует о серьезных недостатках в системе государственной власти и управления, моральном разложении государственных служащих, включая членов правительства.

Истоки массовой коррупции в России уходят корнями в средневековье, когда было распространено пожалование административно-судебных должностей, ставших рассадником взяточничества и коррупции. Корни коррупции восходят к обычаю делать подарки, чтобы добиться расположения должностных лиц, решить вопрос в свою пользу. Очень дорогой подарок и в наши дни выделяет человека среди других просителей и способствует реализации его различных просьб и планов.

В качестве терминов для обозначения проявлений коррупции на Руси использовались такие слова, как «мздоимство» и «лихоимство», а также «посул» (взятка, незаконный подарок). Когда алчность государевых слуг переходила все границы, великий князь, а позднее царь давал им укорот или острастку. Так, Иван III пытался ограничить алчность наместников и воевод, думских дьяков и бояр законодательным путем: в его Судебнике, изданном в 1497 г., осуждалось мздоимство, т.е. получение взятки лицом, состоявшим на государственной службе. Однако он не предусматривал строгих мер воздействия на корыстолюбцев. И только спустя полвека за мздоимство стали наказывать. Статья 4 Судебника Ивана Грозного (1550 г.) гласила, что за «взятый посул» и совершенные после этого противоправные действия полагалось «казнить торговою казнью, бити кнутием». Наряду с политикой кнута пытались использовать и политику пряника. Борис Годунов, например, придя к власти, сменил во всей России «худых наместников, воевод и судей», назначил на государственные должности лучших людей, удвоив им жалование, чтобы они «могли пристойно жить без лихоимства» [2, с.15-16].

При Петре I борьба с коррупцией входила в обязанности прокуратуры и созданной им специальной службы – фискалов, которые надзирали за соблюдением законов чиновным людом и пресекали нарушения. Эта борьба носила системный характер и не ослабевала даже в период Северной войны (1700-1721 гг.). Для мотивации борцов с коррупцией царь установил премии: фискалам – 50%, а рядовым гражданам, сообщившим о фактах коррупции, – 25% от выявленной суммы. Пётр I жестоко наказывал коррупционеров. После того, как сибирский губернатор князь Гагарин был изобличен в коррупции, по приказу Петра I он был повешен при всем истреблишменте. Император не делал снисхождения даже своему ближнему окружению, членам своей «кумпании»: по его указу был наказан А.Меньшиков, замеченный в коррупционных схемах [2, с. 16].

Таким образом, исторический опыт учит: кто хочет бороться с коррупцией, ищет способ, как ее уменьшить, а кто не хочет, – ищет причины, чтобы не проводить настойчивую и последовательную антикоррупционную политику. В мировом рейтинге противодействия коррупции за 2015 г. Российская Федерация находится на 116 месте, что свидетельствует о неэффективности проводимой политики противодействия коррупции.

Список литературы

1. Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию РФ 3 декабря 2015 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864> (дата обращения – 04.12.2015).

«БОЛЬШОЙ ТЕРРОР» 1937-1938 гг. В САРАТОВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ

Моисейченко Л.А.

доцент кафедры отечественной истории и историографии,
канд. ист. наук, доцент СГУ им. Н. Г. Чернышевского, Россия, г. Саратов

В статье анализируется репрессивная политика местных органов власти в конце 1930-х гг., которой подверглись все слои населения, партия, государственные и общественные структуры, руководители промышленных и сельскохозяйственных предприятий, деятели науки и культуры. Создана Книга памяти жертв политических репрессий в регионе.

Ключевые слова: «большой террор», политические репрессии, «тройки», «Особые совещания», открытые судебные процессы, партийные органы, государственные и общественные организации.

Репрессивная политика местных органов власти отражала общегосударственные реалии, о чем свидетельствуют рассекреченные архивные документы ГАНИСО (Государственного архива новейшей истории Саратовской области).

«Большой террор» санкционировал Пленум ЦК ВКП(б) в феврале 1937 г. Вторая Саратовская областная партийная конференция, июльский и октябрьский пленумы обкома партии нанесли удар по кадровому потенциалу всех уровней. Были исключены и рядов ВКП(б) и репрессированы председатель облисполкома Н.И. Барышев, председатель горсовета А.Я. Гринштейн, бывший секретарь обкома ВЛКСМ М.В. Назаров, редактор газеты «Коммунист» В.В. Касперский [4, д.884, л. 188, 275; д. 963, л. 45]. С июня 1937 г. по март 1938 г. было арестовано 29 первых секретарей райкомов партии из 62 [5]. Нередко решения об исключении из партии за «преступление» по политическим мотивам выносились по спискам арестованных, присланных из НКВД, принимались опросом или узким кругом лиц.

В 1937 – 1938 гг. были репрессированы все первые секретари Саратовского обкома ВКП(б): А.И. Криницкий, К.В. Абаляев, В.Р. Калачев, П.А. Вершков [9, с. 267-281]. А.И. Криницкий родился в 1894 г. в Твери в семье служащего губернской канцелярией. В 1915 г. вступил в РСДРП. В 1921 г. работал в Совете Труда и Оборона. Известна записка Ленина, который упоминая о Криницком, подчеркивал, что «свидание с ним мне необходимо и вскоре». С 1922 по 1934 гг. Александр Иванович работал на партийной работе в Омске, Донецке, Белоруссии, Закавказье. В Москве возглавлял сельхозотдел ЦК ВКП(б), Политуправление МТС наркомзема СССР. В 1934 г. был направлен в Саратов и 7 апреля избран первым секретарем крайкома ВКП(б). Июльский пленум обкома 1937 г. обвинил Криницкого в «безнадежной слепоте к врагам народа» и освободил от должности. В действительности А.И. Криницкий умел и подбирать, и защищать кадры. «Главная ошибка моя, –

сказал он на пленуме, – в том, что я в этих людях не предполагал врагов». Продолжал высоко ценить П.Ф. Липендина, освобожденного в июне от обязанностей второго секретаря обкома ВКП(б) за связь с «врагами народа», сохранил добрые отношения с «бывшими» секретарями райкомов В.А. Чарским, К.В. Таболовым, не побоялся взять в аппарат обкома партии М.В. Назарова, отстраненного от должности секретаря обкома ВЛКСМ особым постановлением ЦК. Одновременно Криницкий безгранично верил в правильность линии партии и ее вождя. 29 октября 1937 г. Военная Коллегия Верховного суда СССР приговорила его к высшей мере наказания. 30 октября приговор был приведен в исполнение. 17 марта 1956 г. приговор был отменен за отсутствием состава преступления. КПК при ЦК КПСС приняла решение о партийной реабилитации посмертно [9, с. 267-274; 4, д. 887, л. 5; д. 889, л. 13, 16; д. 961, л. 45].

Репрессиям подверглись все слои населения, партия, государственные организации, общественные структуры, руководители промышленных и сельскохозяйственных предприятий, деятели науки и культуры. «Врагом народа» оказался директор завода комбайнов М.Л. Витчинкин, стоявший у истоков создания завода. После командировки в США, где он изучал опыт комбайностроения, был обвинен в принадлежности к троцкистской группе. Были репрессированы директор крекинг – завода В.Ф. Жданов, директор Вольского цементного завода «Большевик» И.П. Вдовин, директор Грязнушинской МТС Петровского района Г.М. Филинов [5]. С 30 июля по 6 октября 1937 г. исключено из партии и освобождено от работы 56 руководящих работников сельского хозяйства [4, д. 963, л. 3].

В области формировались печально знаменитые «тройки» (внесудебные органы), составлялись списки лиц, подлежащих расстрелу или выселению, проводились операции по ликвидации «антисоветских элементов». Власть последовательно и методично убеждала население, что новое общество рождается не только в борьбе с внешним врагом, но и внутренней контрреволюцией. В этих целях широко использовалась пресса, радиовещание, трибуны бесчисленных собраний и митингов. В Новоузенске только в марте 1938 г. проведен 51 митинг. Почти каждое партийное собрание заканчивалось разоблачением «врагов народа». Культивировались подозрительность, доносы [4, д. 238, л. 11; д. 891, л. 2; д. 1386, л. 75].

Проводились открытые судебные процессы. Только в октябре 1937 г. состоялось пять. Осуждено 48 человек, 45 из которых приговорены к расстрелу. Так, в Перелюбском районе в «диверсионно- вредительскую право – троцкистскую группу» вошли директор совхоза «Октябрьский», зоотехник, ветврач, секретари парткома. Всего десять человек. Возглавил группу секретарь райкома ВКП (б) Шепелев. Всех обвинили в сокращении и ухудшении поголовья скота, распространении инфекционных заболеваний, срыве кормовой базы, сознательной задержке использования денежных средств, двурушничестве, очковтирательстве. Секретарь парткома Ширяев на следствии «признался»: «Мои вредительские функции заключались в том, что я взял на себя самое грязное, самое плохое дело, дело двурушничества. Я, выслушав

рабочих о безобразиях в совхозе, возмущался в присутствии рабочих этими вредительскими делами, а как только рабочие уходили, я не только не принимал мер к устранению этих вредительских дел, а продолжал вместе с другими членами вредительской группы проводить эти дела. Я был своеобразным буфером между вредителями и рабочими совхоза, душил самокритику, доводил рабочих совхоза до озлобления против советской власти». Все члены группы были приговорены к расстрелу Выездной Сессией Спецколлегии Облсуда от 13- 17 октября 1937 г. [4, д. 963, л. 7, 12-17].

Невосполнимый ущерб репрессии несли науке. Как « враги народа» были освобождены от работы и в дальнейшем осуждены почти все руководители вузов: Г.К. Хворостин – ректор университета, В.В. Толкунов – ректор Коммунистической школы, Я.И. Рязанов – директор сельскохозяйственного института, И.В. Лебедев и С.И. Карпов – директора Саратовского и Балашовского педагогических институтов, Б.М. Худзик – директор института экономики сельского хозяйства, М.Г. Беленький – директор планового института, Н.М. Тулайков – директор Всесоюзного института зернового хозяйства, академик ВАСХНИЛ [5]. В Саратове арестован и умер в тюрьме первый президент Всесоюзной Академии Сельскохозяйственных наук, известный миру генетик В.И. Вавилов.

Репрессиям подверглись священнослужители и верующие. Их обвиняли в антисоветской агитации, участии в контрреволюционных группировках, распространении провокационной литературы и слухов. Так, священник В. П. Веселовский из Аткарского района получил 10 лет лишения свободы, высказавшись «против снятия куполов в соборе». В.Н. Политковский был исключен из рядов ВКП(б) по религиозным мотивам. Окончив духовную семинарию стал служителем культа в селе Песчанка Самойловского района. Был расстрелян «за нелегальное соблюдение религиозных обрядов», устроив приход у себя на дому [1]. В Пугачеве «главарями террористической организации» были объявлены председатель церковного совета Рогов и верующий Калинин. Во время обыска у них изъяли новое церковное облачение и другие предметы религиозного культа [4, д. 23, л.6].

Репрессиям подверглись и представители других вероисповеданий. Только в одну ночь в 1937 г. было арестовано 40 человек Дома молитвы Всесоюзного Совета Евангельских Христиан Баптистов, вина которых состояла в приверженности к вере [3].

Всего в Саратовском Поволжье за годы советской власти был репрессирован по религиозным мотивам 921 человек, из них 340 приговорены к высшей мере наказания. «Врагами народа» были объявлены и некоторые члены областного и районных оргбюро СВБ (Союз воинствующих безбожников) [1; 4, д. 1131, л. 15,30]. Это отражало общую тенденцию в СССР, где в 1930-е гг. было арестовано от 30 до 35 тыс. священнослужителей [6].

Репрессии носили интернациональный характер. Арестованы литовец К.И. Наунокайтис- начальник областного управления НКВД, еврей М.И. Комаровский- первый секретарь Балашовского райкома ВКП(б), рабочие- эсто-

нец А.М. Киндель, латыш А.А. Ценит, белорус В.С. Непомник, поляк Я.Ф. Жарский, татарин А. Мингазетдинов [5].

В Саратовской области чекисты арестовали десятки лиц, недавно являвшихся гражданами других государств и членами иностранных компартий. Их обвиняли в шпионаже, антисоветской пропаганде, контрреволюционной деятельности. Так, Яков Вильдгабер, подданный Швейцарии, член ее компартии, приехал в СССР в 1924 г. и вступил в РКП(б). В 1937 г. принял советское гражданство и стал «шпионом» Германии. Норвежец Ингольф Нигардт приехал в Россию вскоре после революции, окончил в Москве Коммунистический университет нацменьшинств Запада. В 1922 г. стал коммунистом. Был арестован и получил 8 лет лагерей за шпионаж, антисоветскую агитацию, участие в право-троцкистской организации. Политэмигрант Иосиф Машек был членом трех зарубежных компартий – Австрии, Чехословакии, Германии. Советское гражданство принял в начале 1938 г. и уже в феврале того же года был арестован и отправлен на 8 лет в лагеря [2]. Только в сентябре 1937 г. в области было арестовано 150 политэмигрантов [8].

11 октября 1937 г. первый секретарь обкома ВКП(б) К. Абалаев направил Сталину и Молотову докладную записку «О необходимости включения г. Саратова в число режимных городов по паспортной системе». Таким образом был сделан первый шаг к превращению Саратова в закрытый город [8].

Всего в 1930-е гг. невинными жертвами репрессий, прошедшими через внесудебные органы стали 58858 жителей Саратовского края, из них 17471 – расстреляны. Таков печальный итог пересмотра архивных дел и реабилитации незаконно репрессированных граждан, проведенный в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. сотрудниками Управления КГБ совместно с областной прокуратурой, прошедших через «тройки» при НКВД- УНКВД, «Особые совещания» при НКВД-МГБ-МВД СССР, коллегии ОГПУ [7]. Всего в СССР в 1937- 1938 гг. было арестовано свыше 1,5 млн. человек, из них 680692 – расстреляно.

Массовые политические репрессии в Саратовском Поволжье нанесли тяжелый удар по кадровому потенциалу всех уровней, унесли тысячи жизней ни в чем неповинных людей. В области создана Книга памяти жертв политических репрессий 1930-1940-х – нач. 1950-х гг.

Список литературы

1. Азеф В. До основания, а затем... // Саратовские вести. 1992. 13 нояб.
2. Азеф В. В «объятиях» НКВД // Саратовские вести. 1993. 13 мая.
3. Валеев В. Из истории Саратовских церквей. Саратов, 1991.
4. ГАНИСО (Государственный архив новейшей истории Саратовской области). Ф. 594. Оп. 1. Д. 238, 884, 887, 889, 891, 961, 963, 1131, 1386.
5. Лапин М. Не забыть, не простить, не смириться // Коммунист. 1990. 4 сент.
6. Пospelовский Д.В. Русская Православная церковь в XX веке. М., 1995.
7. Сабуров А. По долгу службы, по велению совести // Коммунист. 1990. 27 окт.
8. Саратовские вести. 1993. 12 февр.
9. Семенов В.Н. Начальные люди Саратова: От первого воеводы до последнего первого секретаря. Саратов. 1998.

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЙ ХАРАКТЕР РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА

Савинченко Т.И.

доцент кафедры истории, канд. ист. наук, доцент,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
Россия, г. Москва

В статье рассматриваются аспекты духовно-нравственного характера русской литературы XIX в.: анализируются произведения М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова, Н.В. Гоголя и их влияние на формирование национального, нравственного и всечеловеческого сознания, формирование всей русской национальной культуры.

Ключевые слова: духовно-нравственные проблемы, русская поэзия, русская литература XIX в., А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.А. Некрасов, Н.В. Гоголь.

Особенность духовно-нравственного сознания российского общества (XIX в.) в том, что ответы на насущные вопросы жизни русские люди искали и находили, прежде всего, в русской литературе – в романах, повестях, стихах, поэмах. Совокупность произведений писателей составляла самую подробную и добросовестную летопись духовных исканий общества, начиная с древних веков, но особенно в XIX в. Острое чувство драматизма жизни – одна из основополагающих черт великой русской литературы XIX в. Ей свойственно сострадание к простому народу, готовность идти на жертвы ради его блага, высокая гражданственность и нравственность, глубокое этическое начало.

Русская поэзия, проза испытывали на себе влияние европейских поэтов: Байрона, Гёте, Гейне и др. М.Ю. Лермонтов, чувствуя это, откровенно писал:

*«Нет, я не Байрон, я другой,
Ещё неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой».*

«По моему убеждению, – писал Байрон. – нет выше поэзии, чем поэзия, проникнутая этическим началом: как нет на земле ничего достойнее правды, в основе которой лежат высокие нравственные принципы» [Н.В. Колечников, Т.И. Савинченко Духовно-нравственный фактор в истории русского народа и всей России, М., 2014, с.115.].

Для русской литературы XIX в. как раз характерны высокая нравственность, воодушевлённость высокими нравственными идеалами, гражданский пафос. Таковы произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова. Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого и других великих писателей России.

А.С. Пушкин открыто симпатизировал декабристам. Его ранние произведения – Ода «Вольность», «К Чаадаеву», «Деревня» послужили основанием его высылки на юг России. Высокая гражданственность отличает его стихи, обращённые к декабристам:

*«Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадёт ваш скорбный труд
И дум высокое стремление».*

А.С. Пушкин утверждал высшее предназначение человека:

*«Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв, -
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв».*

Высокая нравственность и гражданственность поэзии характерна и для М.Ю. Лермонтова. Характерная черта его творчества – поэзия нравственного протеста и острая социальная направленность, (социальная заострённость). Вспомним его стихотворение «На смерть поэта», обращённое к властителям самодержавной России.

За это стихотворение Лермонтов был сослан на Кавказ – в действующую армию. Он храбро сражался, преодолевал все лишения и тяготы. В эти годы на Кавказе им написаны гениальные поэмы «Мцыри» и «Демон», многие стихотворения, полные нравственного протеста, критики и величия.

Чувствуя фальшь и лицемерие, имевшиеся в обществе, он писал:

*«О, как мне хочется смутить весёлость их,
Дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!»*

Лермонтову было чуждо смирение. Он бунтовщик по натуре, не желающий и не умеющий сдерживать свои страсти. Для него священны и благостны порывы творчества, пробуждающие в душе бурные чувства вспышки вдохновения, внезапно, озаряющие ум.

Лермонтов – великий патриот России. Он писал в известном стихотворении «Родина»:

*«Люблю Отчизну я, но странною любовью!
Не победит её рассудок мой».*

И верно, это любовь сердца, не ума. Глубина патриотического чувства характерна для стихотворения Лермонтова «Бородино». Не случайно, это стихотворение стало народной песней, также как проникновенное стихотворение «Выхожу один я на дорогу...». Чувства патриотизма ярко выражены и в другом стихотворении:

*«Москва, я думал о тебе!
Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!
Люблю тебя я пламенно и нежно».*

К сожалению, Лермонтов погиб на дуэли, не достигнув 27 лет. Он так же, как Пушкин, обеспечил себе бессмертие своими гениальными произведениями, преисполненными вдохновения и высоким духовно-нравственным горением. «Метеор. Из космической материи, вовсе не земной» – так о нём отозвался – философ В. Розанов.

Духовно-нравственные проблемы остро поставлены в творчестве Н.А. Некрасова. Великий русский поэт XIX века – поэт гражданин – Н.А. Некрасов – поэт гнева и печали. Его произведения преисполнены любви и сострадания к простому человеку, русскому народу. Отличительной чертой поэзии Некрасова является служение Отечеству, народу. Положением русской деревни, труд крестьянина, тяжёлая доля русской женщины, труд бурлаков, произвол «власть имущих», – все эти стороны русской действительности глубоко волновали поэта. Отсюда высокая гражданственность: «Поэтом можешь ты не быть, а гражданином быть обязан». «Кто живёт без печали и гнева, тот не любит Отчизны своей», – писал поэт.

Думы поэта были обращены к народу, к его положению. Свои мысли о долге поэта Некрасов выразил в стихотворении «Поэт и гражданин»:

*«Иди в огонь за честь Отчизны,
За убежденье, за любовь.
Будь гражданин! служба искусству,
Для блага ближнего живи,
Свой гений подчиняя чувству
Всеобнимающей Любви».*

В служении родному народу Некрасов видел цель и смысл своего творчества. В 1874 г. Н.А. Некрасов писал:

*«Я лиру посвятил народу своему.
Быть может, я умру неведомый ему,
Но я ему служил – и сердцем я спокоен...».*

В поэме «Железная дорога», рассказывая о труде народа на строительстве железной дороги, Некрасов делает вывод, что русский народ выдержит всё, выдержит и эту дорогу железную, и проложит дорогу себе в светлое будущее, и заключает: жаль только в эту пору чудесную жить не придётся ни мне, ни тебе. Поэзия Некрасова учила соединять слово с делом, воспитывала сторонников народного счастья. Честный и благородный человек должен бороться за счастье своего народа.

Вспомним в этой связи поэму «Кому на Руси жить хорошо?», особенно её концовку. «...Быть бы нашим странникам под родною крышею, если б знать могли они, что творилось с Гришею...». Имеется в виду образ Гриши Добросклонова, который находил смысл своей жизни в бескорыстной борьбе за народное благо. Народные судьбы становятся основным содержанием поэзии Некрасова, народное чувство – авторским чувством.

Огромное значение для великой русской литературы имеют произведения Н.В. Гоголя. Творчество Гоголя, обратившегося к изображению рядовых людей в их повседневной жизни, проникнутое искренним и глубоким гуманизмом, дало новое направление всей русской литературе. На идеях Гоголя воспитывались, духовно формировались поколения передовых людей России. Гоголь ввёл в русскую литературу сатирическое направление, он, по словам Н.Г. Чернышевского, «пробудил в нас сознание нас самих» [Н.Г. Чернышевский Избранные философские сочинения, М., 1950, Т.1, с.427].

Произведения Гоголя «Ревизор», «Мёртвые души» направлены на

осмеивание пороков России. «Мёртвые души» стали энциклопедическим описанием русской жизни. В «Мёртвых душах» Гоголь хотел представить жизнь всех слоёв русского общества и показать многоликость того зла, которое губит страну. Перед читателем проходит множество персонажей – помещиков, чиновников, крестьян, даже небольшие лирические отступления, такие, как «Повесть о капитане Копейкине», его поиски справедливости формируют общую картину жизни, цементируются общей идеей, точкой зрения автора, которая возводит судьбы отдельных людей и сословий к судьбе всей России [М.А. Бархота, Решение проблемы поиска справедливости: от Гоголя до Мейринка/ Гуманитарное образование в экономическом вузе Материалы IV Международной научно-практической заочной интернет-конференции, М., 2016, с. 464-469]. Перед нами сатирически заострённые образы помещиков-крепостников, для которых характерен общественный паразитизм, духовная мертвенность, социальная бездеятельность и человеческая никчёмность. От этих провинциальных помещиков Гоголь протягивает логические нити к высшему дворянскому образу, расширяя социальный смысл выведенных образов, типов. Ещё один слой общества, очерченный Гоголем именно как среда, это чиновничество губернского города Н. Оно очень напоминает чиновничество в «Ревизоре»: то же взяточничество, стремление к обогащению, невежественность, доходящая до идиотизма, безнравственность и страх перед возможностью раскрытия служебных преступлений. Сначала кажется, что «блестящая» и суетливая жизнь города противопоставлена однообразному быту помещиков. Но постепенно Гоголь раскрывает, что и здесь “возникшая до высшей степени пустота”, “сплетни”, “бездеятельности жизни”. Все-му этому страшному миру пустоты, мертвенности, застоя Гоголь противопоставляет народную Русь. В поэме нет развёрнутого изображения народных характеров, но народ присутствует везде, читатель как бы всё время соприкасается с народной стихией. Это достигается то упоминанием “бойкого” русского слова, то рассказом о судьбах замечательных умельцах – русских крестьян, то вскользь брошенными замечаниями о печальном виде русских деревень и крестьянских изб. Обобщённым образом народа и страны становится в финале поэмы образ “птицы-тройки”, созданным и управляемой “ярославским расторопным мужиком”. Это – патриотический гимн народу и Родине, чью боль носил Гоголь в своём сердце писателя – гражданина. «Мёртвые души» – самое значительное произведение Гоголя. Оно написано рукой великого мастера, знатока и хранителя народного языка. Песенным поэтическим словом выражена любовь к Родине и мечта Гоголя о её будущем.

Ф.М. Достоевский считал Гоголя гением мировой литературы и ставил в один ряд с Шекспиром и Бальзаком. Гоголь в «Мёртвых душах» не только обличил помещиков, но и показал панораму широкой духовно-созидательной жизни России XIX в. В.Г. Белинский писал о гоголевских «Мёртвых душах»: «... перед нами творение чисто русское, национальное, выхваченное из тайника народной жизни, столько же истинное, сколько и патриотическое, открывающее покров с действительности и дышащее страстною, нервистою, кровною любовью к плодovitому зерну русской жизни» [Н.В. Колеченков,

Т.И. Савинченко Духовно-нравственный фактор в истории русского народа и всей России, М., 2014, с. 120].

Именно первооткрывательский характер «Мёртвых душ» определил крупность и мощь образов, поражающих непредвзятого читателя поэмы. Это воплощено во многих лирических отступлениях, особенно в таких, как размышления о России, как летящей птице-тройке. Гоголь говорил о любви русских к быстрой езде, а быстрая езда, как говорил Дмитрий Лихачёв – это тоже стремление к простору [Д.С. Лихачёв Заметки о русском, М., 1984, с.11]. В пейзажах, лирических и публицистических отступлениях Гоголь выступает как патриот и гражданин, свято верящий в будущее своей страны и своего народа. Образ летящей вперёд тройки-России выражает это утверждающее начало.

По мнению многих исследователей, русская литература – наиболее человечная. Величие её – в исследовании человека, прославлении человека. Огромный вклад в это исследование в конце XIX в. и прославление человека внесли Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, М. Горький и другие русские писатели.

Список литературы

1. Колеченков Н.В., Савинченко Т.И. Духовно-нравственный фактор в истории русского народа и всей России, М., 2014. С. 120.
2. Бархота М.А. Решение проблемы поиска справедливости: от Гоголя до Мейринка // Гуманитарное образование в экономическом вузе Материалы IV Международной научно-практической заочной интернет-конференции. 2016. С. 464-469.
3. Чернышевский Н.Г. Избранные философские сочинения. М., 1950, Т.1. С. 427.
4. Лихачёв Д.С. Заметки о русском, М., 1984. С.11.

ОТРАЖЕНИЕ ПРОБЛЕМ РЕГИОНАЛИЗМА В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ СИБИРСКИХ ВОЙСКОВЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Федорова Т.В.

доцент кафедры истории, философии и социальных наук, канд. ист. наук,
Московский государственный лингвистический университет,
Евразийский лингвистический институт в г. Иркутске (филиал),
Россия, г. Иркутск

В статье рассматриваются проблемы подготовки Сибирских войсковых подразделений в начале XX века, организация обеспечения и функционирование вооруженных сил страны, влияние регионального фактора на процесс подготовки военных специалистов. В статье представлен комплексный анализ проблем регионализма в подготовке военных специалистов.

Ключевые слова: военный округ, войсковые подразделения, военная игра, полевые поездки.

В век острых геополитических конфликтов, а также довольно напряженных отношений в ближневосточном регионе, остро встает вопрос по воз-

возможности урегулирования конфликтных ситуаций и сохранения нейтралитета посредством слаженных действий Вооруженные сил. Которые представляют собой, сложную организационную структуру, в которой уставные отношения дополняются, а иногда подменяются отношениями, основанными на традициях, боевом опыте и реальностях условий быта. Следует отметить, что в дореволюционной Российской императорской армии существовало так называемое «старшинство» частей, которое могло влиять на их место в военной иерархии. К примеру боевые заслуги позволяли полкам занимать достаточно высокое положение. Следует сказать, что и само понятие «отличие», означавшее основание для награждения воинов и частей, способствовало тому, чтоб воинские подразделения стремились к расширению своей «особости». В начале XX в. полки русской армии имели не только номер, но и название, в котором отражались отголоски процесса их формирования и преобразования. Иногда имена частей оказывались важной составной частью мифоподобного конструкта, что в свою очередь характеризовало проблемы регионализма, которые имели важное значение в системе подготовки и формирования войсковых подразделений в России в начале XX в.

Регионализм – это явление, давно и успешно изучаемое, но именно русско-японская война дала интересный пример того, как регионализм стал дополнительным импульсом процесса «отличия» воинских частей по принципу их формирования или месторасположения. Публицистика и мемуаристика свидетельствуют о существовании разделения участников войны на «российских» и «сибирцев». Участник боев в Маньчжурии писал: «Здесь офицеры разбились на две группы: одни – российские, другие – сибирцы-омулятники, как их россияне называют... никто не говорит, что здесь Россия: Сибирь, а Россия по ту сторону Урала» [1, с. 88].

Проблемы развития регионализма в Сибирских войсковых подразделениях существовали и до начала XX в., с созданием в 1865 г. на восточной окраине России Восточно-Сибирского военного округа, территория которого включала Иркутскую и Енисейскую губернии, Якутскую, Камчатскую и Забайкальскую области, Приамурский край, здесь сложилась своя специфика комплектования войск и системы их подготовки. Окружное управление войсками размещалось в г. Иркутске. Все военные управления и подразделения в указанных местностях подчинялись генерал-губернатору Восточной Сибири, являвшемуся также командующим Восточно-Сибирским военным округом. 14 июля 1884 г. Восточно-Сибирский был разделён на два отдельных военных округа – Иркутский и Приамурский. Этот шаг был связан с происходящими в то время масштабными преобразованиями в управлении Восточно-Сибирским генерал-губернаторством. Но уже в 1899 г. Иркутский военный округ был упразднен, возможно, из экономических соображений [2, с.7]. Поражение России в войне с Японией заставило военно-политическое руководство России серьезнее отнестись к укреплению дальневосточных рубежей. Поэтому Иркутский военный округ был учреждён вновь, в соответствии с приказом по военному ведомству № 292 от 12 мая 1906 г. в составе Иркутской и Енисейской губерний, Якутской и Забайкальской областей [4, с.484].

Причины затруднений в том числе и в тыловом обеспечении войск во время Русско-Японской войны в отражены работе «Русско-японская война 1904-1905: Итоги войны» военного министра А.Н. Куропаткина. Наряду с исследованием военных операций, в своем труде он указывал на недостатки, которые имела система тылового обеспечения русской армии, анализировал новые проблемы, вскрывшиеся в ходе войны, и давал рекомендации по реформированию вооруженных сил России [5, с.19-38].

К тому времени произошли некоторые изменения в структуре регулярных войск: в их составе вновь фигурируют в качестве самостоятельной структуры местные войска. В пятой книге Свода военных постановлений издания 1907 г. приводятся следующие компоненты Вооруженных сил: «Войска регулярные разделяются: 1) по роду службы и назначению: на полевые, крепостные, резервные, запасные, местные, части и команды вспомогательного назначения» [6, с.71]. Существенно изменился состав войск Иркутского военного округа: он был насыщен полевыми войсками, а с началом первой мировой войны здесь формировались запасные части. Назначение полевых войск осталось прежним. Их рассматривали как силу, предназначенную для поражения противника: «Полевые войска имеют назначение боевое, для действий на театре войны» [6, с.71]. Не изменилось назначение резервных войск. Резервные пехотные войска имели назначение к усилению полевых пехотных войск и исполнению местной внутренней службы [7, с.20].

Специфической разновидностью регулярных войск являлись запасные войска, особенность функционирования которых заключалась в их формировании в военное время. «Назначение запасных войск состоит в подготовке, формировании и отправлении в военное время укомплектований для пополнения убыли в полевых и резервных войсках» [7, с.22]. Как следует из приведенной цитаты, резервные войска не могли заниматься боевой подготовкой призывников, как это было ранее, теперь эта задача возлагалась на запасные войска.

Разнообразные задачи решали местные войска, которые состояли из местных и конвойных команд (конвойная стража). Местные команды содержались: для отправления внутренней караульной службы в тех городах, где нет ни полевых, ни резервных войск, и для службы конвойной – по препровождению казенного транспорта и людей, следующих этапным порядком. Конвойные команды служили: а) для сопровождения арестантов всех ведомств и категорий, по искусственным сообщениям и по всем этапным трактам; б) для сопровождения всех лиц, пересылаемых этапным порядком, вместе с арестантскими партиями при следовании их от мест заключения гражданского ведомства к станциям железных дорог, к пароходным пристаням и обратно;... г) для сопровождения арестантов из мест заключения гражданского ведомства в суды, к судебным следователям, в полицейские управления и в другие присутственные места в районах городов и обратно; ж) для наружной охраны мест заключения гражданского ведомства, если бы таковая признана была необходимою» [7, с.26].

Насыщение округа войсками сказалось на численности личного состава – она многократно увеличилась. По сравнению с 1884-1899 гг. изменения были значительными. После образования в 1884 г. Иркутского округа в войсках, учреждениях и заведениях его состояло по списку: генералов – 4, штаб и обер-офицеров – 123, нижних чинов – 4975 человек, на 1 января 1887 г. в округе состояло генералов – 3, штаб и обер-офицеров – 123, нижних чинов – 4623 человека [8, л.4], что составляло приблизительно 0,6% от численности всей армии [9, л.8,28,31].

Существенный контраст представляют сведения о списочной численности личного состава Иркутского военного округа в начале второго десятилетия XX ве. Так, на 1 января 1911 г. в округе состояло, генералов – 40, штаб-офицеров – 268, обер-офицеров – 1680, нижних чинов – 58277 человек» [10, с.38-39]. Общая численность войск округа с учетом 452 классных чиновников и духовенства составила 60717 человек. Среди двенадцати военных округов империи по численности нижних чинов Иркутский округ занимал десятое место, опережая Туркестанский (49868 человек) и Омский (15732 человек) округа» [10, с.39].

Результаты Русско-Японской войны заставили военное руководство изменить свое отношение к вопросам, связанным и с организацией боевой подготовки войск. Несмотря на отдаленность от центра, в Иркутском военном округе шла напряженная работа в этом направлении. Здесь осознавали, что успех боевой учебы зависит от ее эффективной организации. Для этого офицерами штаба разрабатывались руководящие документы, в которых подробно анализировались разнообразные стороны войсковой подготовки. Эти документы ориентировали офицеров на такую деятельность, результатами которой явилось бы приобретение практических навыков руководства и управления воинскими формированиями. Широкое распространение в период «военного ренессанса», как и во всей России, здесь получили военные игры, проводившиеся на картах и планах. В «Руководстве для ведения военной игры офицеров Иркутского военного округа», изданном в 1911 г., говорилось: «Назначение военной игры – прежде всего, дать участникам практику в решении, при постоянном влиянии воли противника, тех задач, которые могут выпасть на их долю в военное время» [13, с.2].

Регулярно в округе проводились полевые поездки, как строевых офицеров, так и офицеров Генерального штаба. Эти поездки обычно продолжались 30 дней, проходили в различных местностях и руководились окружными начальниками высокого ранга. Так, для руководства полевой поездкой офицеров Генерального штаба Иркутского военного округа в июне 1908 г. в районе г. Нерчинска были назначены: начальник окружного штаба генерал-лейтенант П.С. Саввич, генерал-квартирмейстер штаба генерал-майор А.Д.Кузьмин – Караваев [15]. В 1909 г. очередная полевая поездка планировалась уже в другом месте – в районе г. Троицкосавска [16]. Цель такой практики очевидна: предоставить возможность офицерам ознакомиться с особенностями действий войск в различных условиях.

Русско-японская война показала возросшую роль связи для эффективного управления войсками. В 1904 г. каждый пехотный полк и артиллерийский дивизион, направлявшийся на Дальний Восток, был снабжен четырьмя телефонными станциями [18, с. 66]. В войне с Японией понадобилось значительное количество телефонных аппаратов. За время войны в войска было направлено 331 центральный телефонный аппарат и 6459 магнитоэлектрических телефонов. В 1912 г. были установлены нормы снабжения корпусов средствами и связи. Каждый корпус обеспечивался 193 телефонными аппаратами [19, с.147].

Для успешного проведения полевой поездки выделялись значительные силы и средства связи. Руководитель полевой поездки – начальник штаба округа генерал-лейтенант С.Д. Марков – имел в своем распоряжении телефонные команды 17-го и 18-го Сибирских стрелковых полков. Руководитель синей (северной) стороны полковник Габаев имел в своем распоряжении телефонную команду 19-го Сибирского стрелкового полка, а руководитель красной стороны полковник Михайлов – телефонную команду 20-го Сибирского полка [20, с.7]. Кроме телефонной связи, в ходе полевой поездки была использована летучая почта.

Следует отметить, что в центральной России командирская подготовка старших офицеров от командира полка до командира корпуса оставалась весьма ограниченной. Поэтому после русско-японской войны Военное министерство стало активнее решать проблему подготовки офицерских кадров в войсках. Важным этапом в деле совершенствования профессиональной подготовки офицерских кадров стало введение Наставления для офицерских занятий 1909 г. Руководство строго регламентировало организацию и проведение занятий с офицерами.

В Сибирских полках обращали особое внимание и на огневую подготовку офицеров. Более того, так называемые конно-охотничьи и охотничьи команды являлись первоначально особенностью и гордостью именно сибирских казаков.

Сибирские казачьи полки в русско-японскую войну 1904-1905 гг. были наиболее боеспособными, поскольку ещё до войны личный состав был знаком с местными условиями театра военных действий, их роты в мирное время содержались по штатам военного времени и состояли преимущественно из солдат срочной службы, а не из запасных.

Сибирская казачье войско выставило 6 полков, четыре из которых образовали Сибирскую казачью дивизию в составе 4-го Сибирского армейского корпуса. Оценивая боеготовность этого соединения, А.Н Куропаткин отмечал: «4-й Сибирский корпус готов к походу, но в офицерах ещё больший некомплект. Нижние чины – народ здоровый, крупный, мрачный несколько. В бою будет хорош» [21, с.14].

О том как воевали сибиряки, свидетельствует тот факт награждения всех полков Забайкальского казачьего войска Георгиевскими знамёнами с надписью: «За отличие в войне с Японией 1904 и 1905 годов». Знаки отличия на головные уборы получили: 1-й Нерчинский казачий полк «За поход в Ко-

рею в 1904 и 1905 годов»; 1-я, 2-я и 4-я Забайкальские конные батареи, 2-й Верхнеудинский, 2-й Читинский, 1-й и 2-й Аргунский казачьи полки «За отличие в войне с Японией в 1904 и 1905 годов». 5328 нижних чинов становятся кавалерами Знака отличия военного ордена, 15 – полными георгиевскими кавалерами, в Сибирском казачьем войске таковых было 8 человек, в Забайкальском – 25. Тот же А.Н Куропаткин 6 сентября 1904 года отметил в дневнике: «Сибирские войска, несомненно, лучше себя заявили, чем прибывшие из Европейской России...» [21, с.14].

При этом следует отметить тот факт, что действующие корпуса, пришедшие из Европейской России, были недостаточно подготовлены в России, чтобы уменьшить невыгодное для боя отношение в них срочнослужащих к запасным. Некоторые части, например, 10-й армейский корпус, прибывали на театр войны с некомплектom нижних чинов до 20 % состава и с еще большим некомплектom офицеров. В первый бой многие роты этого корпуса выступили, имея только по 30 старослужащих и по 30 молодых солдат, не прошедших даже курса стрельбы, не видавших занятий всех трех родов оружия. Все остальные были запасные, с большим числом старших сроков службы. Такие части войск приближались к резервному типу войск. Наконец, резервные войска пришли, почти не имея в своем составе кадров мирного времени, – настолько они растворились в огромной массе запасных. В первых боях запасные, особенно старших сроков службы, обнаруживали меньшую стойкость, чем срочнослужащие, и многие из них пользовались случаем с разрешения начальства (вынос раненых) или без разрешения уходить в тыл.

Поэтому наиболее надежным средством улучшить нашу пехоту является содержание ее в более сильном мирном составе. Состав мирного времени в 100 нижних чинов в роте из-за разных нарядов, командировок, с учетом больных и слабых оказался настолько слаб, что в бой выходили роты, имевшие на одну треть срочнослужащих две трети запасных. По названию это были части действующих войск, а по составу они приближались, как указано выше, более к резервным, чем к действующим. Желательно, чтобы в действующих войсках число кадровых превосходило в каждой роте число запасных [25, с. 68].

Таким образом, можно сделать вывод, что уровень подготовки офицерских кадров в Сибирских военных округах был достаточно высок. В Сибирских полках обращали особое внимание на огневую подготовку офицеров. Сибирские казачьи полки в русско-японскую войну 1904-1905 гг. были наиболее боеспособными, их роты в мирное время содержались по штатам военного времени и состояли преимущественно из солдат срочной службы, а не из запасных. Следовательно, региональный характер говорит о качестве и эффективности подготовки Сибирских войсковых подразделений.

Список литературы

1. Левицкий Н. А. Русско-японская война 1904-1905 гг. / Н.А. Левицкий, П.Д. Быков. СПб. : Terra Fantastica, 2003. 667 с.
2. Ращупкин Ю. М. Иркутский военный округ (1884-1917гг.): дис... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ю.М. Ращупкин. Иркутск, Иркутский Гос.Ун-т, 1999. 306 с.

3. Приказы по военному ведомству за 1906 г. СПб., 1906. С.484.
4. Куропаткин А. Н. Русско-японская война, 1904-1905 : Итоги войны / А. Н. Куропаткин. – СПб. : Полигон, 2002. – 527, [1] с., [16] л. ил.
5. Военное законодательство Российской империи /под ред. А.Е. Савинкина. М.: Военный ун-т, 1996. 410 с.
6. Свод военных постановлений 1869 года. СПб., 1907. Кн. 5. С. 20.
7. РГВИА. Ф. 400, оп. 2, д. 4944, л. 4.
8. РГВИА. Ф. 400, оп. 2, д. 6792, л. 8, 28, 31.
9. Военно-статистический ежегодник армии за 1910 г. СПб., 1911. С. 38-39.
10. Руководство для ведения военной игры Иркутского военного округа. Иркутск, 1911. 211 с.
11. Приказ войскам Иркутского военного округа № 247, 22 мая 1909 г.
12. Приказ войскам Иркутского военного округа № 238, 23 мая 1908 г.
13. Артиллерия русской армии в эпоху капитализма (60-е годы XIX в. – 1917 г.) // История отечественной артиллерии. М., 1970. Т. 2, кн. 5. С. 66 -75.
14. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX в. М.: Воениздат, 1973. 610 с.
15. Отчет о двусторонней учебной полевой поездке офицеров генерального штаба Иркутского военного округа, проведенной в июле 1913 года. Иркутск, 1913. с.
16. Шиловский М. В. Влияние русско-японской войны 1904-1905 гг. на внутреннюю жизнь Сибири / М. В. Шиловский // Гуманитарные науки Сибири. 2004. №2. С. 12-16.
17. Виноградский А. Н. История Русско-японской войны 1904-1905 гг. Вып. 1-4. / сост., по предложению Сов. О-ва ревнителей воен. знаний, А. Н. Виноградский. СПб.: О-во ревнителей воен. знаний, 1908-1912. 4 т. 198 с.

РОССИЙСКОЕ КАЗАЧЕСТВО И ГОСУДАРСТВО В 1990-е гг.: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Якимов В.А.

аспирант кафедры исторического регионоведения, аспирант,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, г. Санкт-Петербург

Статья посвящена такому неоднозначному процессу как возрождение российского казачества и отношению к нему государственных структур Российской Федерации. Распад Советского Союза привёл к резкому повышению активности казачьих общественных организаций, которые массово начали появляться в конце 1980-х гг. Исчезновение жёсткого контроля советских партийных структур означало необходимость выстраивания новой системы взаимодействия казачества с государством, которое формировалась на протяжении 1990-х гг.

Ключевые слова: политика перестройки, распад СССР, казачество, государство, возрождение, «Союз казаков России», «Союз казачьих войск России».

Конец 1980-х гг. стал для нашей страны временем крупных перемен. Политические шаги нового руководства СССР в лице Михаила Сергеевича Горбачёва принесли в общественно-политическую жизнь страны многочисленные новые явления. Одним из них стала возможность создания независимых общественных организаций. Это, в свою очередь, послужило толчком

для процесса возрождения казачества сначала в СССР, а затем в России. Периодом «возрождения» сами казаки называют промежуток времени, в течение которого различные казачьи организации, развернув активную деятельность, решали поставленные перед собой задачи без активного вмешательства органов государственной и политической власти. По нашему мнению, к этому периоду относится интервал времени с августа 1990 г. по январь 1996 г., то есть с момента официальной регистрации первой общероссийской казачьей общественной организации под названием «Союза казаков», до момента создания Главного управления казачьих войск (ГУКВ) при Президенте РФ [4, с. 1].

Справедливости ради надо заметить, что КПСС проявила живейший интерес к «возрождению» казачества еще в конце 80-х гг., когда были определены формы деятельности казачьих обществ и выдвинулись люди, которые долгое время играли значительную роль в руководстве массовыми общественными организациями казаков. Достаточно сказать, что такие известные деятели «возрождения» как атаманы Союза казаков России (СКР) А.Г. Мартынов и В.В. Наумов являлись членами КПСС. К тому же I Учредительный Съезд Союза казаков России готовили сотрудники ЦК И. Болдырев (бывший первый секретарь одного из райкомов КПСС в Москве) и А. Сазонов (сотрудник аппарата ЦК, а позднее администрации Первого Президента СССР М.С. Горбачёва.), что говорит о заинтересованности партийных структур в четком контроле партией процесса «возрождения» казачества [3, с. 4]. Такое пристальное внимание КПСС по отношению к возрождению казачества на наш взгляд, можно объяснить тем, что партийное руководство, в условиях кризиса официальной идеологии, делало попытку удержать под своим контролем процесс формирования общественных объединений и многопартийной системы, а также, по-видимому, рассчитывало, что казачье движение станет одним из рычагов противодействия новому руководству РСФСР, инструментом «сдерживания» Б.Н.Ельцина. Однако функционерам Коммунистической партии не удалось сделать главного – переориентировать основную часть казачества от их антикоммунистических настроений. В результате в 1991 г. Советский Союз рухнул, и поэтому новым политическим структурам пришлось выстраивать взаимоотношения с казаками заново.

В «Новой России» казачьи организации сразу заняли видное место. Казачество приняло активное участие в защите Белого Дома во время августовского путча 1991 г. когда инициативная группа казаков из московского землячества создали так называемый «походный штаб», который координировал деятельность казаков, выступивших против ГКЧП [5, с. 2]. Помимо членов московского землячества, в столицу также прибыли казаки с Дона и Кубани [3, с. 4]. Позднее они несли охрану главного входа в здание парламента. 20 августа «походного штабу» лично министром обороны РСФСР (должность упразднена 9 сентября 1991 г.), Константином Ивановичем Кобцом, был вручен Приказ № 3, согласно которому казачество признаётся реальной боевой единицей «Российского госкомитета по обороне» [3, С. 4], что говорит о значимости вклада казачества в дело защиты Белого Дома и о том авторитете,

которое оно приобрело после данных событий. Однако здесь следует отметить, что, например, другая общественная организация – «Союз казаков России» (СКР), под эгидой которого проходил I Учредительный круг в июне 1990 г., во время августовского путча как раз занял выжидательную позицию, никакими действиями не демонстрируя своего отношения ни к защитникам Белого Дома, ни к ГКЧП, что свидетельствует о растерянности её лидеров (бывших партийных функционеров). Это спровоцировало уход из СКР достаточно большого количества его членов, которые организовали новое объединение казачьих общественных организаций – Союз казачьих войск России (СКВР), что стало первым расколом внутри казачества по идеологическому признаку, на сторонников и противников сохранения СССР («красных» и «белых»).

Несмотря на это казаки широко взаимодействовали с федеральными органами власти, с властями субъектов РФ, с органами власти на местах. В СКР удавалось сохранять многонациональное единство благодаря контактам с различными конфессиями. Также были хорошо налажены отношения с Министерством по делам национальностей и региональным отношениям (в период управления такими министрами как Н.Д. Егоров и В.А. Михайлов), Министерством Обороны (П.С. Грачёв), Федеральной пограничной службой (директор А.И. Николаев), МВД (А.С. Куликов) и с некоторыми другими министерствами и ведомствами [4, с. 1].

После принятия в 1991 г. закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» и указа Президента № 632 о мерах по реализации данного закона [2, 9], казачьи организации получили официальную возможность для осуществления своей деятельности. Однако казаки повели себя немного иначе, чем рассчитывали авторы законов. Многие из казачьих объединений настолько активно включились в политическую жизнь, что оказывали серьёзное давление на местные власти, в особенности в южных регионах страны [8, с. 526]. Таким образом, Российское государство в конце 1980-х – начале 1990-х гг. столкнулось с вызовом со стороны политически разнородных и идеологически разнонаправленных казачьих объединений. Выражалось это в том, что некоторые казачьи общества, интерпретируя по своему усмотрению закон «о реабилитации репрессированных народов», используя ангажированные публикации в СМИ и политическую нестабильность внутри страны, начали требовать «своих» бюджетных денег, возврата «своих» зданий и другого имущества [8, с. 527]. Более того, через две недели после II Съезда Союза казаков России, состоявшегося в июне 1991 г. в Новочеркасске создаётся «Совет атаманов Юга России», на котором провозглашается «Союз казачьих республик и присоединившихся к ним казачеств Юга России», который в ультимативной форме потребовал от Президента РСФСР Б.Н. Ельцина признания вошедших в состав этого «Союза» пяти самопровозглашённых казачьих республик [3, с. 4]. Вдохновителем данной авантюры был один из атаманов Союза казаков России Юрий Александрович Голушкин, который, на наш взгляд, слишком буквально воспринял прозвучавшие на II Съезде требования признания СКР правопреемником дореволюционного казачества и по-

лучения (реституции) в распоряжение организации собственности, принадлежавшей до революции Всевеликому Войску Донскому.

Другим аспектом, повлиявшим на отношение Президента и его Администрации к казачеству, было противостояние Верховного Совета и Президента. В это противостояние оказалось втянуто и казачество. Наглядно свидетельствует об этом тот факт, что спустя месяц после подписания Президентом Указа № 632, Верховный Совет РФ принял Постановление «О реабилитации казачества» от 16 июля 1992 г № 3221-1, в котором Верховный Совет РФ признал за казачеством право создавать общественные казачьи объединения с исторически сложившимися названиями и разрешил их регистрацию и деятельность в общем порядке, установленном для общественных объединений граждан [9]. Из сравнения этих двух законодательных актов можно сделать вывод, что Президент и у Верховный Совет Российской Федерации использовали казачий вопрос как инструмент в междоусобной борьбе.

В ходе данного противостояния само казачество оказалось разделено на два лагеря: Союз казаков стоял на стороне Верховного Совета, в то время как СКВР поддерживал Президента Б.Н. Ельцина. Делегация СКВР принимала активное участие в поддержке изданного 12 марта 1993 г. указа Президента «о реформировании военных структур, пограничных и внутренних войск на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации и господдержке казачества» [14, с. 1]. Данное положение было воспринято некоторыми атаманами буквально, что выразилось в провозглашении в Ростовской области «атаманского правления» [1, с.1]. Реакция власти на такого рода тенденции оказалась предсказуема. После принятия первых указов Президента в 1992-1993 гг., власть резко прекратила поддержку казачьих обществ и на законодательном, и на ведомственном уровнях. Такая политика Президента вызвала негативную реакцию среди казачьих организаций. Совет Атаманов Союза казаков 30 января 1993 г. сделал жесткое заявление в адрес Б.Н. Ельцина, Р.И. Хасбулатова и В.С. Черномырдина о том, что, в связи со срывом сроков подготовки документов, казаки переходят к самостоятельному решению и реализации стоящих перед ними целей и задач [7, с. 138]. Вследствие данных обстоятельств власть подошла к позиции, заключающейся в том, что казачество в роли общественной силы практически полностью неуправляемо.

Однако, стараниями некоторых казачьих общественных деятелей (главным образом, атамана «Союза казаков России» А.Г. Мартынова), казакам удалось вернуть к себе доверие государственных чиновников. В результате, развитие молодых казачьих организаций не было пущено на самотёк. Важным достижением «Союза казаков» и лично А.Г. Мартынова является то, что им удалось мобилизовать и в короткий промежуток времени, в условиях ограниченной законодательной базы, возродить структуру исторических казачьих войск России, создать казачьи землячества в тех местах, куда выселялись казаки в годы репрессий, к их числу относятся: Амурское войско, Астраханское войско, Всекубанское, Енисейское, Забайкальское, Семиреченское, Иркутское, Оренбургское, Сибирское, Терское, Уральское, Хабаровское,

Черноморское, Казачье войско Калмыкии, Ставропольское, Якутский казачий полк, Западный, Сахалинский, Северо-западный, Северо-восточный казачьи округа, казачьи землячества в Москве, Санкт-Петербурге, Орле, Воронеже, Рязани, Твери, Калининграде, Смоленске, Воркуте и т.д [4, с. 2]. Также, при непосредственном участии А.Г. Мартынова, Президент Российской Федерации подписал указы, создававшие управленческие единые координирующие органы, содействующие процессу возрождения казачества (в 1994 г. – «О Совете по делам казачества при Президенте Российской Федерации», а в 1996 г. – «О Главном управлении казачьих войск при Президенте Российской Федерации»), и ряд указов, направленных на переход казачества к несению государственной и иной службы [12, 13].

К сожалению, данные меры не смогли объединить многочисленные казачьи организации России. Более того в 1996 г. выходит Указ Президента РФ № 562 «Вопросы Главного управления казачьих войск при Президенте Российской Федерации» [10], по которому при Администрации Президента учреждалось данное Главное Управление казачьих войск (ГУКВ). Этот указ предусматривал, что ГУКВ при Президенте Российской Федерации является самостоятельным подразделением Администрации Президента и имеет статус главного управления, в чьи задачи входила координация государством деятельности общественных казачьих организаций. Один из постоянных публицистов газеты Московского казачьего землячества «Станица» А. Серба, чьё мнение нам кажется верным, считал, что создание ГУКВ и издание связанных с ним указов [10, 11] были приурочены к грядущим в 1996 г. президентским выборам, так как в них были выработаны правовые нормы казачьей государственной службы, однако нормы казачьего самоуправления и землепользования разработаны слабо [6, с. 12].

Однако для успешного государственного становления казачества нужен был федеральный закон, а также внесение изменений в ряд действующих нормативно-правовых актов, которые регулировали государственную службу. Но из-за неразберихи во властных структурах и затянувшегося противостояния Президента с Государственной Думой, а также политической борьбы внутри самой Думы закон о казачестве не был утвержден Советом Федерации и Президентом. Свою отрицательную роль сыграло и противостояние между самими казачьими организациями, выдвигавшими свои варианты закона о казачестве, и по-разному понимавшие роль казачества в государстве. В результате закон о казачестве так и не был принят. Объясняется это тем, что вместо того, чтобы совместными усилиями разработать законопроект, который бы устраивал и Президента, и Государственную Думу, и казаков, противоборствующие стороны делали свои замечания в адрес друг друга в ультимативной форме, что не способствовало диалогу и решению проблемы.

Подытоживая взаимоотношения государства и казачества в первой половине 1990-х гг. следует сказать, что возрождение казачества на государственной основе не имело продуманной идеологии и механизма. Государство оказалось не готово к их чёткой разработке, а казачество – не способно к консолидированному формированию идеологических установок и механиз-

мов взаимодействия между своими организациями. Сказалось и разное видение места казачества в структуре Российской Федерации. Если лидеры казачьего возрождения видели себя в качестве возрождённой этнической общности (этот дискурс утверждался внутри казачества на протяжении всей первой половины 1990-х гг.), то государство, в своих правовых актах устанавливало статус казаков как некоего сообщества людей, которое находится на учёте у государства и несёт государственную службу. Противоборство этих двух точек зрения и определяло проблемы взаимодействия государства и казачества в 1990-е гг.

Список литературы

1. [Б.а.] Позиции // Станица. 1993. № 2 (9).
2. Закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. № 1101-1 «О реабилитации репрессированных народов» [Электронный ресурс] – Режим доступа – свободный. URL: <http://base.garant.ru/10200365/> яз. рус. Дата обращения: 20.04.2013.
3. Кокунько Г. Нужны ли казаки России // Станица. 1992. № 1.
4. Мартынов А.Г. [Б.н]. //Казачьи ведомости. 1997. № 3 (16).
5. Серб А. Возрождение казачества и политика // Станица. 1992. № 1.
6. Серб А. Ряд замечаний к очередным казачьим указам Президента // Станица. 1996. № 2.
7. Скорик А.П., Озеров А.А. Этносоциальный адрес донцов: научно-полемиический дискурс. Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2005. 232 с.
8. Таболина Т.В. Возрождение казачества: 1989-1994: Истоки. Хроника. Перспективы. Т.1. М., 1994. 562 с.
9. Указ Президента РСФСР от 15 июня 1992 г. № 632 «О мерах по реализации закона РСФСР “О реабилитации репрессированных народов” в отношении казачества» [Электронный ресурс] – Режим доступа – свободный. URL: <http://zakonbase.ru/content/base/13305/> яз. рус. Дата обращения: 13. 04. 2015.
10. Указ Президента Российской Федерации № 562 «Вопросы Главного управления казачьих войск России» [Электронный ресурс] – Режим доступа – свободный. URL: <http://zakonbase.ru/content/base/17334> яз. рус. Дата обращения: 13. 04. 2015.
11. Указ № 564 от 16 апреля 1996 «Об экономических и других льготах, предоставляемых казачьим обществам и их членам, взявших на себя обязанности по несению государственной и иной службы» [Электронный ресурс] – Режим доступа – свободный. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9215> яз. рус. Дата обращения: 19. 09. 2015.
12. Указ Президента Российской Федерации «О государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации» [Электронный ресурс] – Режим доступа – свободный. URL: <http://zaki.ru/pagesnew.php?id=2696> яз. рус. Дата обращения: 20. 04. 2013.13.
13. Указ Президента Российской Федерации «О порядке привлечения членов казачьих обществ к государственной и иной службе». [Электронный ресурс] – Режим доступа – свободный. URL: <http://femida.info/14/9001.htm> яз. рус. Дата обращения: 20. 04. 2013.12.
14. Указ Президента «О реформировании военных структур, пограничных и внутренних войск на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации и государственной поддержке казачества» // Станица. 1993. № 2 (9).

ПОСТАНОВЛЕНИЕ О РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ 1929 г. И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В САРАТОВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ

Яковлева Ж.В.

аспирант кафедры отечественной истории и историографии,
Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского, Россия, г. Саратов

В статье автор предпринимает попытку проанализировать события, последовавшие за принятием Постановления о религиозных объединениях 1929 г., которое стало основой для развернувшейся беспрецедентной кампании по ликвидации храмов и передачи их на нужды государства, либо варварскому уничтожению. Постановление стало отправной точкой нового витка гонений на религию, помогая творить беззакония под маской закона. В ходе кампании, широко проводившейся в Саратовском Поволжье, было закрыто и разрушено огромное количество храмов. Религиозная жизнь православного населения была подорвана, но не сломлена окончательно.

Ключевые слова: антирелигиозная кампания, Постановление о религиозных объединениях, Саратовское Поволжье, власть, религия, церковь, православие.

Сокрушительным ударом по церкви и религиозной жизни всех конфессий стало принятие 8 апреля 1929 г. Постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» [10].

Религиозная жизнь в Саратовском Поволжье в конце 1920-х годов не затихала, не смотря на притеснения со стороны власти, она, наоборот, набирала обороты. Для того чтобы борьба с церковью и религией приобрела более четкие формы, советское руководство пошло на ряд законодательных мероприятий, в том числе на издание Постановления о религиозных объединениях, благодаря которому изживать религию стало намного проще.

Теперь вся юридическая, материальная и иная ответственность за соблюдение объединением верующих советского антицерковного законодательства ложилась на конкретных граждан, заключавших договоры с государством от имени религиозного объединения. Именно они фактически должны были расплачиваться за любые «нарушения», совершенные религиозным объединением, что требовало немалого мужества и самоотверженности и материальных затрат.

В селах массовое закрытие церквей началось практически одновременно с коллективизацией сельского хозяйства. В Саратове уже к этому времени был закрыт ряд церквей, монастырей и молельных домов. Из-за нехватки помещений для детских домов и школ, в освобожденные корпуса бывшего мужского монастыря были переведены дошкольные детские дома №8 и №11 и детский дом №3 [5, Л. 64]. Комиссия по обследованию церквей докладывала 26 января 1929 г. на заседании Президиума Горсовета о необходимости передачи Маминской церкви под школу в связи с ходатайством родителей за расширение школы, а также, из-за нехватки школьных зданий в Агафоновском и Клиническом поселках, о передаче Благовещенской церкви для использования под школу [5, Л 65].

Здания церквей переоборудовались под школы и культурно-просветительные учреждения, но причиной для закрытия всегда являлось «несоответствие строительным правилам», «неудовлетворительное состояние», «нерациональность поддержания». Причиной часто служила неуплата налога на строение, в этом случае в течение 2-х месячного срока договоры с верующими на использование церковного здания расторгались. Так, например, были расторгнуты 15 ноября 1929 г. Президиумом Саратовского горсовета договоры с коллективами: церковью Спасо-Преображенского монастыря, Рождества Богородицы, Казанской, Спасо-Преображенской. Ново-Никольской, Михаило-Архангельской, Сергиевской, Покровской, Преображенской церковью [5, Л. 83-83об]. В 1930 г. планировалось закрыть церкви в г.Саратове: Благовещенскую, Троицкую, Ильинскую, Князя Владимира, Петропавловскую [5, Л. 111].

Пожалуй, самым большим потрясением для православных верующих стала ликвидация кафедрального собора города и архитектурного памятника первой половины XIX в. – Александро-Невского собора. Наступление на собор началось еще в начале 1920-х гг., когда здание было передано обновленцам, поскольку их в общине было большинство. Известны также неоднократные кампании по изъятию ценностей из собора.

Впервые вопрос о ликвидации Александро-Невского собора был поднят в декабре 1929 г. Но тогда исполком Нижне-Волжского края решил передать здание институту сельского хозяйства и мелиорации (ИСХиМу). В 1930 г. помещения храма занимал клуб кооперативных кустарей Сарпромкредсоюза; в 1931 г. – общество «Динамо». В 1932 г. строительная комиссия окончательно постановила разобрать корпус и колокольню храма. С этого времени и до начала 40-х годов собор постепенно демонтируется.

Более удачно сложилась судьба Троицкого собора, который в 1934 г. был закрыт для прихожан и превращен в граверную мастерскую, позже – в нем располагалось хранилище краеведческого музея и склад военного имущества.

Храм «Утоли моя печали» чудом уцелел в 1930-е гг. Спасением храма стали его размеры. Дело в том, что в первую очередь власти боролись с крупными соборами и приходами, так что часовня уцелела до начала Великой Отечественной войны.

В здании Крестового храма архиерейского дома (ул. Волжская) г. Саратова находился антирелигиозный музей, с 1928 г. – детская больница. В годы антицерковной кампании был уничтожен кладбищенский храм в честь Воскресения Христова (Воскресенское кладбище).

История закрытия церквей в Саратовском Поволжье демонстрирует собой непревзойденный пример цинизма, хамства, лжи и нечеловеческого отношения власти к чувствам верующих. Она дополняет общую картину полного бесправия советских граждан в эпоху строительства сталинского социализма, когда даже собственная жизнь им не принадлежала.

Например, в селе Казаков хутор Балаковского района церковь в декабре 1929 г. была закрыта, в храме все было поломано, а утварь и иконы ча-

стично сожжены, а частично вывезены в г. Балаково. Естественно все это было сделано без согласия верующих. Верующие попросили у местной власти созвать собрание, за что зачинщики были арестованы. Людей некоторое время держали в сельском совете. Верующие обратились в Вольский окружной административный отдел и к окружному прокурору за помощью, с жалобой на незаконные действия в отношении церкви и аресты, но помощи не последовало [9, Л. 33].

Чаще поводом для закрытия церкви служили такие формулировки: «грозит обвалом», «ветхая», «пришла в негодность» либо «отказ верующих» платить непосильные налоги, делать капитальный ремонт. Смету на капитальный ремонт составлял техник из райисполкома, сметы эти были сильно завышены, верующим сделать такой ремонт было просто не по карману, просьбы оплатить налоги, сделать ремонт в рассрочку либо оставались без ответа, либо в просьбах отказывали. После чего с верующими расторгался договор на аренду здания церкви или молитвенного дома, затем после определенной процедуры храм закрывался.

Опротестовать решение о закрытии церкви необходимо было в двухнедельный срок, в противном случае жалоба даже не рассматривалась. Как, например, не была рассмотрена жалоба коллектива верующих Казанско-Богородицкой церкви слободы Александров-Гай Новоузенского района Пугачевского округа [8, Л. Л. 45]. Верующие написали жалобы в крайисполком и в комиссию по вопросам культов при ВЦИК, но не успели уложиться в двухнедельный срок, поэтому ВЦИК утвердил постановление крайисполкома о закрытии недостроенной каменной церкви. Суть жалобы состояла в том, что старая церковь деревянная не могла удовлетворять запросам населения, находилась в полуразрушенном состоянии и подлежала сносу, а недостроенная каменная, могла послужить для религиозных нужд 7 000 населению слободы Александров-Гай. Строиться она начала еще до революции, уже были возведены стены до купола. Сразу суммы на достройку церкви не нашлось, и верующие просили пойти на уступки, достроить церковь в рассрочку. На что получили отказ.

Особенно рьяные партийные функционеры делали все для того, чтобы угодить вышестоящему начальству и покончить с «пережитком прошлого». Но иногда встречались честные, справедливые начальники, которые испытывали к верующим чувство сострадания. В 1934 г. прокурору Питерского района Нижне-Волжского Края было поручено разобраться в деле по закрытию церковью названного района. Верующие написали жалобу на незаконное поведение властей в деле по закрытию церкви в селе Августовка. Вот ответ прокурора Питерского района Саратовской крайпрокуратуре: «Церковь в Августовке не работала, т.к. не было священника <...> Осенью приглашали священника, но райисполком церковь не открыл» [9, Л. 305]. Затем оргкомитет ВЦИК Саратовского Края расторгнул договор с верующими, которые якобы не желали делать в ней ремонт. «Я просмотрел заявление верующих, – пишет далее справедливый прокурор Питерского района, – «...они согласны произвести ремонт...» [9, Л. 305]. Верующие Михаило-Архангельской церкви,

действительно, не отказывались от ремонта, они просили лишь об отсрочке, но им отказали. До описываемых событий церковь была разграблена, воров поймали, но, естественно, весь ущерб должны были возместить сами верующие. Прокурору Питерского района поручили взыскать с верующих большую сумму, но прокурор докладывает: «Привлекать не буду» [9, Л. 303]. Смелый по тем временам поступок.

На местах предпочитали быть подвергнутыми критике за поспешное, с нарушением закона проведенное закрытие молитвенных зданий, чем быть уличенными в отступлении от «идеологических установок» партии на «противоборство» с религией. Ведь это автоматически зачисляло «сомневающих» и «колеблющихся» в разряд лиц, отвергающих «генеральную линию» партии, грозило им зачислением в разряд «внутренних врагов» партии, проявляющих «оппортунизм» и «примиренчество» в борьбе с «религиозной идеологией» – «важнейшим препятствием на пути социалистического переустройства и преодоления буржуазного и мелкобуржуазного влияния на трудящиеся массы».

Не менее показательная история произошла в 1932 г. при закрытии Михайлово-Архангельской церкви села Малые Озерки Новобурасского района Саратовской области. Жители села написали жалобу в крайисполком о бесчинствах председателя сельсовета Протасова [6, Л. 462]. Михайлово-Архангельская церковь была занята под ссыпку зерна без всякого разрешения верующих, при этом церковь серьезно пострадала: был выломан престол, поломаны окна, кругом царило разрушение. Как писали сами селяне: «верующие приходили в церковь из жалости» и просили не уродовать дальше их церковь, готовы были своими силами все восстановить и отремонтировать, но председатель...выгонял их из церкви кнутом [6, Л. 462]. Но несчастные верующие, надеясь на справедливость, писали и писали слезные письма во все инстанции.

Другой пример, красноречиво говорящий сам за себя: дело по закрытию Успенской церкви в селе Потьма Ртищевского района Саратовского края. Жители написали жалобы во все инстанции на незаконные действия своего председателя, который «на праздник Вербного 1 апреля 1934 года» вошел в православный храм без головного убора и «стал силою их храма выгонять верующих, а затем и священника» [7, Л. 14-14об]. Председателю удалось закрыть церковь, отобрать у верующих ключи, а затем приспособить церковь под склад зерна, при этом львиную долю церковного имущества из церкви ему тоже удалось выкрасть.

Вот еще пример, от коллектива верующих Никольской церкви села Курган Ртищевского района Балашовского округа во ВЦИК 10 октября 1929 г. поступила жалоба на то, что на общем собрании решался вопрос о закрытии церкви [7, Л. 275]. Но заранее не предупредили о повестке собрания и пришло мало народу, в основном пришли Безбожники. На другой день некий Прутков из райисполкома позвал к себе председателя церковного совета и потребовал ключи от церкви и расходные книги. Церковный председатель под давлением отдал ключи, священника с семьей Прутков выгнал. Церковь

в конце концов была закрыта крайисполкомом 10 июня 1935 г., не смотря на все попытки верующих это предотвратить [7, Л. 319].

Еще пример: на общем собрании граждан села Перекопная Лука Балаковского района также решался вопрос о закрытии молитвенного здания [9, Л. 139]. «Если с вас сельский совет потребует ремонта этого дома, то вы его должны отремонтировать и так отремонтировать, как вам скажет сельский совет. А если вы в состоянии отремонтировать, то давайте – молитесь, а если нет, то сельсовет ему пустовать не даст» [9, Л. 139] – это было озвучено сельсоветом на общем собрании. Далее последовали аресты членов исполнительного органа религиозного объединения, а также «со стороны представителей местной власти были допущены действия грубого уничтожения культового имущества, оскорбляющие религиозные чувства граждан» [9, Л. 141-141об], что стало известно из жалобы верующих во ВЦИК. Грозя арестами, председатель сельсовета Букаев потребовал сдать церковное имущество, заставлял подписать какие-то бумаги. После чего заявил: «Теперь можете ехать и жаловаться в Балаково» [9, Л. 143]. Вечером председатель сельсовета снова собрал людей и потребовал ключи, грозя расправой, ключи ему удалось получить. Утром председатель снова собрал несчастных, напуганных людей и начал изъятие церковного имущества: «кололи, срывали все то, что для нас верующих считалось святыней» [9, Л. 143]. Плакали все – дети, женщины и мужчины, собравшиеся в знак протеста. В жалобе во ВЦИК люди просили «восстановить революционную справедливость», но церковь, как и многие-многие другие, была закрыта. В церкви разместилась 7-летняя школа – не самый худший вариант для молельного дома.

В Саратовском Поволжье до осени 1929 года еще были слышны колокола, Президиум ВЦИК осенью 1929 г. запретил колокольный звон. После 1917 года церковные колокола стали объектом непрерывных нападков. Такие нападки происходили по идеологической, политической и экономической причинам. Во-первых, одним из первых декретов советской власти был запрещен набатный звон, чтобы исключить возможность призыва к антисоветским выступлениям; во-вторых, колокольный звон запрещали в местах расположения заводов и фабрик, чтобы дать возможность рабочему человеку отдохнуть от дел праведных. А также причиной к изъятию колоколов стала экономическая причина: колокола призывали отдавать государству для «тракторов», а в определенные исторические отрезки для обороны страны.

Президиум Саратовского городского совета 2 декабря 1930 г. постановил в связи с запрещением в городе колокольного звона снять все колокола со всех действующих церквей г.Саратова [5, Л. 106].

Еще одной не менее дерзкой выходкой со стороны советской власти было «разоружение кладбищ» в 1930 г. Кладбищенские ограды, а также другие материалы – мрамор, памятники подлежали изъятию с кладбищ. Так, были озвучены цифры по сбору металла с кладбищ – 2 000 тонн [5, Л. 101]. Кампанию по сбору кладбищенского металла решено было начать с Воскресенского кладбища г.Саратова.

Тем не менее, религиозная жизнь в Саратовском Поволжье продолжалась, не смотря на гонения, репрессии, бесконечные притеснения, отъем храмов. Повсеместное закрытие церквей и молельных домов в Саратовском Поволжье подорвало религиозную жизнь, но такие действия не могли уничтожить веру и церковь, которая стала действовать полулегально [2, Л. 9-9об, 26-29, 35-40]. Более того, религиозное движение возросло по своей мощности и численности, переместилось на кладбища. Оставшиеся храмы продолжали посещать разные возрастные категории, в том числе молодежь [1, Л. 32]. Религиозные подвижники продолжали крестить детей, венчать молодоженов, совершать другие церковные обряды, во многих семья имелись иконы, организовывались культовые массовые ночные шествия [3, Л. 12]. А вот сведения уже за 1940-е годы: «...с.Легоши – старуха Худякова, по прозванию Мария Культяпая, читает по покойникам и «пророчествует» по Священному Писанию относительно сроков окончания войны» [4, Л. 13], «...школьники младших классов ходят с крестами на шее. Кресты насильственно надевают на них родители», «...в с.Никольском комсомолец Грачев А.П. содействовал своей матери весной этого года бросить работу <...> и праздновать религиозный праздник» [4, Л. 25]. Такими сведениями просто пестрят отчеты Краевого Совета воинствующих безбожников: религиозные обряды, отказ работать в дни религиозных праздников и многие-многие другие свидетельства неискоренимости религиозности.

Список литературы

1. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 55. Оп. 1. Д. 325. Л. 32.
2. ГАНИСО. Ф. 6159. Оп. 1. Д. 1. Л. 9-9об, 26-29, 35-40.
3. ГАНИСО. Ф. 6160. Оп. 1. Д. 6. Л. 12.
4. ГАНИСО. Ф. 6160. Оп. 1. Д. 54. Л. 13, Л. 25.
5. Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 1А. Л. 64, Л. 65, Л. 83-83об, Л. 101, Л. 106, Л. 111.
6. ГАСО. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 147. Л. 462.
7. ГАСО. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 155А. Л. 14-14об, Л. 275, Л. 319.
8. ГАСО. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 206. Л. 45.
9. ГАСО. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 207. Л. 33, Л. 139, Л. 141-141об, Л. 143, Л. 303, Л. 305.
10. О религиозных объединениях: Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. URL://[http:// base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=1787](http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=1787) (дата обращения 07.01.2015).

СЕКЦИЯ «ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ»

**ОТ ДЕГУМАНИЗАЦИИ К ГУМАНИЗМУ:
ВОЗМОЖНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Воробьева Н.П.

доцент кафедры философии и истории, канд. филос. наук, доцент,
Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики,
Россия, г. Новосибирск

В статье проводится анализ факторов дегуманизации, степень угрозы данных факторов для существования человека и человечества, возможность перехода к гуманистическим основаниям в жизни общества и перспективы, открывающиеся при выборе созидательных стратегии и тактики в социальном развитии. Важнейшие условия и факторы гуманистического развития общества – социализация, воспитание, образование, коммуникация, межкультурное взаимодействие.

Ключевые слова: дегуманизация, гуманизм, угрозы человечеству, выбор, социализация, воспитание, образование, коммуникация, межкультурное взаимодействие.

Картина современного социального развития носит преимущественно дегуманизированные, агрессивно-разрушительные черты. Будущее человечества поставлено под вопрос. Вместо развития, совершенствования, гуманизации, терпимости, гармонии и счастья наблюдаются агрессия и насилие, жизнь одних за счет других, несправедливость, приоритет материального потребления. Какова природа негативных дегуманистических процессов в обществе, имеют ли они какие-либо позитивные моменты и, следовательно, возможность перехода в новое – гуманистическое – качество? Пассивен ли человек в условиях такого перехода, к каким тактикам и стратегиям он может прибегнуть в случае нефатальности и неэсхатологичности развития человеческого сообщества? Если человеку предписано объективно и трансцендентально быть активным, почему он отказывается от активного выбора?

Исследование проблемы дегуманистического саморазрушения человека обращает к вопросу – каковы сущность и природа человека? Известный естествоиспытатель-этолог, изучающий поведение животных и человека, австрийский биолог и философ К. Лоренц (1903 – 1989) на основе своих работ пришел к важным выводам относительно природы человека и опасностей, угрожающих человечеству. Прежде всего, К. Лоренц отмечает, что поведение современного человека носит явные признаки патологии, духовных болезней, другими словами, дегуманизации. Поведение и животных, и человека ученый рассматривает как «функцию системы, обязанной своим существованием и своей особой формой историческому ходу ее становления, отразившемуся в истории вида, в развитии индивида и, у человека, в истории культуры» [1; с. 5]. Исторический и системный подходы позволяют получить достоверные результаты в исследовании. Система для своего функционирования использует определенный набор иерархических стимулов, важных как для самой системы в целом, так и для ее подсистем. В первую очередь, у человека

как системы подлинно инстинктивных стимулов не меньше, а больше, чем у любого животного. Кроме того, есть много человеческих стимулов. Слова, выражающие не только отношение, но и состояние – любовь, ненависть, дружба, гнев, верность, преданность, предательство, доверие, недоверие – означают готовность к определенным способам поведения и являются стимулами к действиям. Принятые в науке термины, описывающие поведение – агрессивность, ранговый порядок, территориальность и другие – также являются установками для соответствующего поведения. Каждому из этих слов, обозначающих душевные состояния и установки соответствует реальная стимулирующая подсистема. «Вопрос, «хороши» или «плохи» ненависть, любовь, верность, недоверие и т.д. задается без всякого понимания системного функционирования этого целого и так же нелеп, как если бы кто-нибудь спросил, хороша или плоха щитовидная железа» [1; с. 8]. Нарушения в стимулирующей подсистеме ведут к негативным последствиям в системе в целом.

Еще один важный закон существования системы. Высокоинтегрированные органические системы управляются с помощью циклов регулирования или гомеостазов. Небольшое отклонение в функциях регулирования в ту или другую сторону легко выравнивается. Опасное расстройство всей системы может произойти лишь в случае, когда величина отдельной функции возрастает или уменьшается настолько, что гомеостаз не в состоянии ее выровнять, или когда что-нибудь не в порядке в самом механизме регулирования. Современное состояние человеческого сообщества как раз демонстрирует нам болезненную избыточность или недостаточность определенных функций или факторов существования социума. Человек, как правило, не отслеживает данные моменты, ведущие общество к разрушению, или относится к ним достаточно легкомысленно. К. Лоренц отмечает парадокс: все блага, которые человек получает благодаря познанию природы, достижениям науки и техники, ведут человечество к гибели.

Ученый выделяет несколько разрушительных для человека и общества факторов, которые можно назвать факторами дегуманизации. Назовем их и остановимся на первом, важнейшем, во многом определяющем все остальные. Это – перенаселение, опустошение жизненного пространства, «бег наперегонки с самим собой» (конкуренция), тепловая смерть чувства, генетическое вырождение, разрыв с традицией, индоктринируемость, ядерное оружие.

Перенаселение – первый фактор дегуманизации – несет в себе опасность «задохнуться в самом себе». Высочайшие и благороднейшие свойства и способности человека, которые представляются нам как исключительно человеческие, обречены на гибель прежде всего. С одной стороны, человек испытывает острый недостаток в теплых и сердечных человеческих чувствах. С другой стороны, его способность к социальным контактам подвержена длительным перегрузкам, и он вынужден защищаться от избыточных контактов в сущности «не человеческим» способом. Кроме того, скученность людей в небольшом пространстве усиливает внутреннюю агрессию. Перенаселение,

хотя и косвенно, способствует всем другим названным явления упадка или дегуманизации человечества [1; с. 11 – 59].

Научно-естественный взгляд на ситуацию и механизмы, связанные с дегуманизацией общества, есть необходимый конкретный анализ, который дает понимание внутренней составляющей социальных процессов.

Обобщающе-философское видение обнаруживает источники дегуманизации общества в забвении самого человека. Человек не стоит в центре внимания и развития современных обществ. Процесс становления человека не является автоматическим и быстрым. В случае, если общество заинтересовано вырваться из стагнации, из тупика олигархического капитализма, суть которого – безмерное обогащение любыми способами, следует ответственно спроектировать переход к новому, гуманистическому обществу. Центральным интересом в этом обществе должны быть образование, воспитание, социализация, коммуникация и межкультурный диалог.

Наш мир давно обрел черты глобальности. Человечество ощущает свое единство и взаимосвязанность. Следующим шагом в нормальном развитии цивилизации является осознание своего права на выбор будущего и его сознательное проектирование. Руководить государствами должны исключительно профессионалы из науки, при наличии проекта улучшения общества, в котором главное притяжение внимания – человек. Необходимо выбирать не партии, а проекты – как выбирают по конкурсу архитектурный проект того или иного здания.

Список литературы

1. Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества // Лоренц К. Обратная сторона зеркала: Пер. с нем. М.: Республика, 1998. 393 с.

ОСНОВНЫЕ СРЕДСТВА МАНИПУЛЯЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫМ СОЗНАНИЕМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Инейкин А.С., Осипов А.В.

студенты, Ульяновский государственный технический университет,
Россия, г. Ульяновск

Статья посвящена философскому осмыслению манипуляции общественным сознанием. Показано, как происходит управление общественным сознанием, приведены примеры такого управления. Текст опирается на анализ способов управления сознанием, проведенный С.Г. Кара-Мурзой.

Ключевые слова: манипуляция, общественное сознание, управление, внушение, иллюзии.

Манипуляция общественным сознанием – один из способов управления большим количеством людей путем воздействия на них помимо их воли, создание иллюзий и условий для контролирования поведения, это воздействие производится скрытно. По сути, это просто программирование нашего поведения, которое проводится незаметно и несёт лишь одну цель – контролиро-

вать поведение индивида, лишить его свободы выбора путём внедрения новых представлений, мнений. Манипулирование общественным сознанием – один из главных элементов психологических операций и информационных войн. В современном мире манипуляция сознанием становится особым видом деятельности и перерастает в социальную проблему. Рассмотрим основные средства манипуляции.

Одними из них являются СМИ, интернет, телевидение, оказывающее значительное влияние на современных людей. Многие события, происходящие в нашем мире, являются сложными для понимания. Но воссоздание всей полноты окружающего нас мира противоречит главному правилу СМИ. Главный слоган прессы – всё должно быть максимально упрощено. Конечная цель СМИ – создание «прирученного», не задающего вопросов потребителя их продукции.

Самый простой способ манипуляции – это иллюзия угрозы. СМИ могут прибегнуть к тактике создания всеобщего врага. Далее под предлогом расправы над ним вторгнуться в государство, где находится этот враг [1].

В интернете используется иллюзия посредственности. Можно внушить людям, что сейчас модно быть глупым, невоспитанным, пошлым, эгоистом, что, собственно, и происходит с нынешним поколением. Множество социальных сетей направлены на развращение, деградацию молодых умов.

Еще одним средством манипуляции сознанием является возвеличивание личности (культ личности). Например, Сталин в 30-50-ые года в СССР, Гитлер, Муссолини. Это присуще в основном тоталитарному режиму.

Как точно указывал С.Г. Кара-Мурза: «Манипулятор для управления толпой использует её социальные, религиозные, культурные, этнические и гендерные предпочтения и убеждения, служащие основой общей самоидентификации группы. Необходимым условием манипуляции служит присутствие образа врага, организующего толпу как целое. Легендарный крик толпы: «Распни Его!» – служит древнейшим свидетельством формирования управляемой толпы на основе религиозных установок и яркого образа врага.

Как доказывает опыт цветных революций и арабской весны, формирование управляемой толпы посредством серии манипуляций становится ключевым инструментом процесса легитимизации и делегитимизации властных институтов в современном мире» [4].

В этой связи в работе «Информационно-коммуникационное пространство современной России», вышедшей в Германии, В.В. Тепикин указывает: «Человека в современном информационном обществе продолжают активно формировать и направлять, так сказать «информировать». И манипулирование позволяет погрузить аудиторию в состояние иллюзорности, ведь само активное информационное поле обладает способностью формировать сознание людей, подчиняя их тем, кто управляет процессом» [2].

Несомненно, религию тоже можно рассмотреть как способ манипуляции сознанием. Крестовые походы, геноцид армян в Турции, данные кровавые события были обусловлены наличием “неправильной веры”, и необходимостью искоренить всех “неверных”.

Таким образом, манипуляция представляет собой скрытую форму воздействия на другое сознание. В результате манипуляционного воздействия поведение манипулируемого не согласуется с его первоначальными установками и ценностными ориентациями. Существует множество способов манипуляции, и только зная и понимая их, можно защититься от их неблагоприятного воздействия.

Список литературы

1. Манипулирование общественным сознанием. – [Электронный ресурс] – Режим доступа. URL: <http://ria.ru/media/20110616/389137011.html> (дата обращения: 04.03.2016).
2. Манипуляция сознанием. – [Электронный ресурс] – Режим доступа. URL: <http://poiskpravdy.com/pr/> (дата обращения: 04.03.2016).
3. Манипулирование массовым сознанием. – [Электронный ресурс] – Режим доступа. URL: <http://psyfactor.org/lib/zln1.html> (дата обращения: 04.03.2016).
4. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М.: Эксмо, 2000. – 864 с.

ЛОГИКА НАГЛЯДНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И ИХ СВЯЗЬ С ЗАКОНАМИ ДОСТАТОЧНОГО ОСНОВАНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ШОПЕНГАУЭРА

Киселёв С.А.

студент 2 курса специальности «Финансовый менеджмент»,
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса,
Россия, г. Владивосток

В статье Логика наглядных представлений и их связь с законами достаточного основания в произведениях Шопенгауэра изучается взаимосвязь между элементарной логикой и принципами достаточного основания Шопенгауэра. Дуализм и дихотомия понятия наглядных представлений с этикой позволяют глубже изучить феномен познания человека.

Ключевые слова: логика, наглядные представления, законы достаточного основания, познание.

В настоящее время философия вошла в новую эру постструктурализма и модернизма, беря своё начало в классической немецкой философии. Одним из ярких представителей иррационализма немецкой философии является Артур Шопенгауэр, чьи произведения «О четвертичном корне» и «Мир и воля как представление». Надлежащим образом необходимо правильное герменевтическое истолкование логических оснований философии Артура Шопенгауэра.

В содержании этой работы – и на это намекает уже её название – смыкаются две различные историко-философские тенденции. Первая из них восходит к учению Аристотеля и его школы в Ликее о четырёх причинах, и под четырьмя вариантами достаточного основания Шопенгауэр имеет в виду именно действие закона причинности, то есть связи причины со следствием в различных срезах действительности. У Аристотеля речь шла об одной и той же объективной реальности, но истолкованной как продукт соединения ду-

ховной «формы» и «материи», отношения между которыми толкуются четырьмя разными способами. У Шопенгауэра речь идёт только о «неполноценной», так сказать, части реальности, о сфере видимости, но в этой сфере он выделяет четыре разных слоя, из которых четвертый – самый глубинный, наиболее близкий и даже прямо примыкающий к сущностному ядру действительности. Вторая тенденция, содержащаяся в концепции «четвероякого корня», примыкает к известному закону достаточного основания, который был сформулирован Лейбницем. Но этот методологически исключительно важный закон был отнесён его автором к области логических связей и отношений, где на этот закон непосредственно опирается объединённый закон тождества, противоречия и исключённого третьего. Однако в силу принятого Лейбницем тождества бытия и мышления закон достаточного основания действует также и в сфере объективного бытия, причём свойства духовных сущностей этого бытия оказываются основанием и для существования «хорошо обоснованных» материальных явлений.

Он выделяет четыре различные модификации этого закона: для физических объектов, то есть для связей и отношений материального мира, затем для связей логического мышления, для отношений математических и для психологической волевой обусловленности. Все эти объекты, связи и отношения имеют место только в сфере явлений, которую он, Шопенгауэр, понимает как неполноценную область видимости, кажимости. Всё это только «представления», с одной стороны, эмпирических человеческих сознаний, а с другой – вкупе и с этими сознаниями – иллюзорные или почти иллюзорные связи причин с их следствиями носят механический линейный характер (понятие взаимодействия Шопенгауэр отвергает). Но все эти связи существуют только как связи представлений, и сами они не более как представления. Шопенгауэр объемлет их понятием «основание бывания, или становления». Законы достаточного основания являются самыми важными достижениями в философской науке, так как позволяют открыть разуму новые имманентные и трансцендентные возможности познания.

Для каждого исконного закона познания очень рано должно было быть найдено более или менее точное определение его абстрактного выражения, поэтому трудно, да и не особенно интересно, установить, где оно впервые встречается. Платон и Аристотель еще не устанавливают его по всей форме как главный основной закон, но часто говорят о нем как о самоочевидной истине. Так, Платон с наивностью, которая относится к критическим исследованиям нового времени, как состояние невинности к состоянию после познания добра и зла. В «Метафизике», кн. 4, гл. 1, он дает уже классификацию различных видов оснований, или, скорее, начал, их он устанавливает восемь; эта классификация недостаточно основательна и недостаточно строга. В следующей главе он различает отдельные виды причин, хотя несколько поверхностно и в то же время путано. Также он даёт понять, что закон достаточного основания нельзя применять во всех случаях и он не охватывает всех известных случаев в философии.

Равенство углов есть не непосредственно, а только опосредствованно основание для познания равенства сторон, так как равенство углов есть осно-

вание определенного положения, здесь – равенства сторон: потому, что углы равны, должны быть равны и стороны. Здесь необходимая связь обнаруживается между углами и сторонами, а не непосредственно между двумя суждениями, следовательно, почему, собственно, прошлое совершенно невозвратно, а будущее неотвратно, то это также нельзя объяснить логически посредством понятий. Не объясняет это также причинность, так как она господствует только над событиями во времени, а не над самим временем. Но не в силу причинности, а непосредственно самим своим бытием, наступление которого неминуемо, нынешний час низвергнул истекший в бездонную пучину прошлого и навеки превратил его в ничто. Это нельзя постигнуть из понятий, нельзя и уяснить посредством них: мы познаем это непосредственно и интуитивно, так же, как разницу между правым и левым и все, зависящее от нее, например, что левая перчатка не подходит к правой руке.

Рассматривая отношения нашей чувственности, которая распадается на субъект и объект, Шопенгауэр устанавливает взаимоотношения между этими двумя субстанциями как корень четвертичного познания.

В произведении «Мир и воля как представление» он выделяет главный модус этого мира «воля», который может расщепляться на сколь множественные и бесконечные, сравнимы с апейроном, субстанции. Отсюда следуют также выводы о палингезии воли и её чувственности. В основе всего лежит расщеплении субстанции на два модуса-субъект и объект. Объект является подходящим только для внешнего или внутреннего активного взаимодействия представлений, о которых пойдёт речь далее. Субъект же является активной стороной наглядных представлений и создан как внешнее проявление воли на объект. Далее они будут тесно связаны с законами четвертичного основания, которые представлены ниже:

1) Закон достаточного основания «бывания» или закон причинности.

2) Закон достаточного основания познания. Все животные обладают умом, то есть инстинктивно упорядочивают ощущения в пространстве и времени и руководствуются законом причинности, но ни одно из них, за исключением человека, не обладает разумом, то есть способностью из конкретных единичных представлений вырабатывать понятия – представления, отвлечённые от представлений, мыслимые и символически обозначаемые словами. Животные неразумны – не обладая способностью к выработке общих представлений, они не говорят и не смеются. Способность образовывать понятия весьма полезна: понятия содержанием беднее единичных представлений, они являются в нашем уме заместителями целых классов, заключающихся под ними видовых понятий и единичных объектов. Такая способность, при помощи одного понятия охватывать мыслью существенные признаки объектов, не только непосредственно данных, но также принадлежащих и прошедшему, и будущему, возвышает человека над случайными условиями данного места и времени и даёт ему возможность размышлять, между тем, как ум животного почти всецело прикован к потребностям данного мгновения, его духовный горизонт и в пространственном, и во временном смысле чрезвычайно узок, человек же в рефлексии может даже «отмыслить прочь» самое пространство.

3) Закон достаточного основания бытия.

4) Закон мотивации. Наши воления предваряют наши действия, причём влияние мотива на поступок познаётся не извне опосредствованным образом, как другие причины, но непосредственно и изнутри, поэтому мотивация есть причинность, рассматриваемая изнутри.

От этих законов мы можем опираться на логическую связь наглядных представлений, которые Шопенгауэр выражает через сферу понятий. Он выделяет пять случаев логической взаимосвязи сфер понятий.

1) Сферы двух понятий совершенно совпадают: например, понятие необходимости и понятия следствия из данного основания.

2) Сфера другого понятия вполне заключает в себя сферу другого.

3) Одна сфера заключает в себе две или несколько других, исключаящих одна другую и в то же время наполняющих эту сферу.

4) Из двух сфер каждая заключает в себе часть другой.

5) Две сферы заключаются в третьей, которой они, однако, не наполняют.

Далее эти логические представления дихотомно разделяются на добро и зло, а уже после создают обширное поле опыта для изучения наглядных представлений. Отсюда и начинается определяться достоверность знаний. Знание, по определению Шопенгауэра, не может сразу рождать концептуальные и связанные мысленные образы и представления, а лишь даёт нам первичный эйдос чувственности. Лишь благодаря воле, разум человека может побороть первородный женский ум и начать осознавать своё метафизическое бытие. Таким образом, мы рассмотрели вопрос о взаимосвязи наглядных представлениях и их связью с законами достаточных оснований, что поможет улучшить когнитивную теорию познания философии.

Список литературы

1. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. / Пер. с нем. Ю.И.Айхенвальд. – Минск: Харвест, 2011. – 848 с.
2. Манифесты русского идеализма/Составление и комментарии В.В.Сапова. – М.: Астрель, 2009. – 1072 с.
3. Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости: [перевод с немецкого] / Артур Шопенгауэр. – Москва: Эксмо, 2015. – 640 с.

РИСКИ СЕТЕВОГО ТЕРРОРИЗМА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Лазуркевич И.Ф.

соискатель кафедры «Философия и психология»,
Московский государственный машиностроительный университет (МАМИ),
/Университет машиностроения/, Россия, г. Москва

В статье рассматривается научная проблема, связанная со спецификой сетевого и информационного терроризма, влияние информационно-компьютерной революции и процессов глобализации на терроризм, их взаимосвязь. Автор осуществляет социально-

философский анализ развития сетевого терроризма в условиях глобализации, выявляет тенденции эволюции современного международного терроризма в глобальном и региональном аспекте, а так же новые угрозы и вызовы национальной безопасности. В работе определяются векторы стратегии национальной и международной безопасности, которые в дальнейшем будут способствовать снижению уровня террористической опасности.

Ключевые слова: терроризм, сетевой терроризм, информационная война, террористическая деятельность, техногенная цивилизация, национальная безопасность.

В период кризиса, вызванного сложной совокупностью процессов международного характера, значимость террористических угроз и информационных диверсий резко возрастает. Последние приобретают характер информационной войны, что требует незамедлительных и адекватных ответных мер, совместных усилий международного сообщества по ликвидации террористической опасности.

Для исследования террористических вызовов в системе современной национальной безопасности особый интерес в парадигме синергетизма представляют концепции сетевых структур современных террористических групп и организаций.

С точки зрения М. Занини, следствием информационно-компьютерной революции и процессов глобализации является изменение способов, средств, целей и характера террористической деятельности, включая структуру террористических групп и организаций» [2].

К числу специфических особенностей современного терроризма сторонники сетевых моделей относят в новые тактики и приемы групп и организаций новой формации, характерные для поколения информационной эры. Например, идейно-политическое обоснование функционирования и управления международными и региональными террористическими конгломератами; наличие сетевых и кустовых форм организации; преимущественное использование новых технико-технологических возможностей виртуального общения и коммуникаций. Знание и учет этих особенностей, в свою очередь, позволяют создавать рекомендации и разрабатывать действенные механизмы антитеррористической деятельности.

В концепции сетевого терроризма М. Занини выделяется специфика сетевого терроризма в глобальном и региональном аспекте. Если речь идет о сетевом терроризме в глобальном аспекте, то следует отметить, что позиция М. Занини имеет отношение к внешним угрозам национальной безопасности России, поскольку применение информационных технологий является компонентом практически всей деятельности современных международных террористических организаций. Интернет, социальные сети и средства телекоммуникаций применяются для интенсификации и повышения уровня организации дестабилизационной по сути террористической активности.

В региональном аспекте сетевой терроризм позволяет координировать и направлять террористическую деятельность групп и граждан за пределами территорий традиционных конфликтов. Примером комбинаторики глобальных и региональных доминант сетевого терроризма является вербовка сто-

ронников ИГИЛ за пределами Ближнего Востока, в том числе в европейских странах.

Сторонники концепций сетевого терроризма проводят аналогии в использовании информационно-коммуникационных технологий террористическими организациями с действиями частных и транснациональных корпораций в целях повышения эффективности и гибкости функционирования. Присоединяясь к данному мнению, следует отметить, что не редко субъекты террористической деятельности берут за основу инновации, стратегии и тактики продвижения новых идейно-политических доктрин, отходят от традиционной иерархии организационных структур. В плане организационном место строгой соподчиненности все чаще занимают либо организационные сети, либо относительно автономные террористические группы, действующие ради достижения общих стратегических целей.

Феномен возникновения террористических групп в социальных сетях предстает как формирование новой тенденции, когда в процессе информационного противостояния начинаются так называемые сетевые войны (Netwar). Если по своей сути это – разновидность террористической деятельности с использованием информационно-коммуникативных средств, то по способам реализации эта дестабилизационная деятельность отличается от традиционных терактов и диверсий.

Сетевая война, как новая разновидность угроз национальной безопасности, может выступать вызовом как внешнего порядка, так и внутреннего. На метауровне сетевые войны предстают как разновидности информационного противостояния и конфликтов, в процессе которых создаются разбросанные группы, деятельность которых осуществляется через использование интернет-технологий. Сетевой принцип применяется и для организации самих таких групп, для связи и координации усилий, для вербовки последователей, а также для конспирации и устрашения населения путем информационно-психологического воздействия.

Исследователи полагают, что «сетевая война отличается от других видов конфликтов, для которых характерно вхождение участников конфликта в формальные, иерархические изолированные организации с конкретными доктринами и стратегиями, разрабатываемыми и реализуемыми на основе принципов централизованного управления» [2].

При этом сетевой терроризм как внешняя угроза носит международный характер, поскольку способствует использованию современных информационных технологий для формирования разнообразных форм террористических структур, способов связи и общения, создания систем компьютерного управления и коммуникаций, а также противодействия антитеррористическим силам.

Наряду с принципами организации и взаимодействия террористических групп в сетевой войне как разновидности внешних угроз национальной безопасности, субъекты терроризма используют возможности создания собственного имиджа, формирования новых идейно-политических платформ, отработки технологий манипулирования и устрашения населения.

Взаимодействие внешних и внутренних угроз проявляются не только как возрастание энтропии в пространстве национальной безопасности, но и как необходимость учета сетевого терроризма в стратегиях антитеррористической деятельности, учитывающей тенденции эволюции современного международного терроризма. Виртуальные и сетевые организации, таким образом, предстают как фактор внешних и внутренних угроз национальной безопасности России, обладающий более эффективной формой организации и действий, чем традиционные иерархические структуры, так как обладают большей подвижностью, гибкостью, способны применять новые технологии и накапливать интеллектуальный и кадровый потенциал адептов.

Следует согласиться с тем, что сетевые террористические организации обладают не формализованными взаимосвязями, мобильностью в решении конкретных «пилотных» задач, коммуникацию и объединение на основе общности культурных норм и социокультурных ценностей. Субъектами терроризма могут выступать как международные террористические организации, так и отдельные объединения и группы, или индивиды. Сетевые субъекты терроризма получают частное финансирование, что позволяет сочетать стратегическое управление и независимость тактических действий [3, с.12-14].

В последнее время особую актуальность приобретают проблемы деятельности международного терроризма как асимметричного ответа на глобальные угрозы, что позволяет интенсифицировать анализ оценки рисков действующих террористических сетей и выработать адекватные антитеррористические стратегии и тактики. Принципы синергетики, включая необходимость учета роста энтропии, привносимой сетевыми террористами, могут эффективно использоваться в антитеррористической деятельности для упрочения национальной безопасности РФ.

Фактором, усиливающим риски, которые несут сетевые войны не только на метауровне, но и на макроуровне национальной безопасности являются этно-национальные конфликты и миграционные процессы. При сохранении традиционных культурных норм и систем ценностей, мигранты становятся субъектами сетевого терроризма, покидая собственные регионы. Однако социокультурные конфликты адаптации, распространенность и доступность электронных и информационно-коммуникационных средств способствуют расширению кадровой базы сетевого терроризма в результате манипулирования со стороны международных организаций и в силу энтропии и турбулентности виртуального пространства.

Следовательно, сетевые войны являясь компонентом геополитики и столкновения цивилизационных интересов предстают как новые угрозы и вызовы национальной безопасности на метауровне и на макроуровне. Особенностью сетевого терроризма является его новые формы организации, координации и осуществления деятельности. Кроме того, в нестабильном и кризисном состоянии энтропия терактов в виртуальной среде имеет свойство оказывать резонансное воздействие на другие процессы социальной жизни – экономические, экологические, политические, духовно-нравственные.

По мнению исследователей сетевой войны, ее главной целью является нарушение суверенитета тех стран, против которых она ведется, что правомерно отнести и к сетевому терроризму. Последний сегодня активно использует информационно-психологические технологии, которые учитывают этнонациональные и социокультурные различия объектов воздействия. При этом нарушаются международные соглашения и нормы; используются любые средства, которые способствуют достижению целей террористической деятельности. «Международное право, заключенные соглашения, такие как Женевская конвенция 1949 года и дополнительные протоколы к ним 1977 года о вооруженных конфликтах, также ставят правовые пределы использования информационно-психологических технологий в конфликтных ситуациях» [4, с.82].

Таким образом, международные террористические организации в современных условиях активно используют сетевой терроризм, поскольку именно они имеют независимые частные источники финансов, что позволяет действовать в разных регионах мира, используя современные средства, сетевые формы организации и коммуникации, информационно-психологические средства воздействия и манипулирования населением.

В качестве примера можно привести такие международные организации этнонациональной и религиозно-политической направленности как Аль-Каида, ИГИЛ, Хезболла, «Братья-мусульмане», ЭТА и другие. Как отмечают исследователи, эти субъекты террористической деятельности имеют тесные связи с организованной преступностью и с спецслужбами других государств. Они возникают и активизируют свою деятельность там и тогда, где и когда возникают конфликты, сокращается суверенность государства, проявляет свою слабость государственная власть [6, с.11].

Объектом террористической деятельности таких субъектов как международные террористические организации, таким образом, становятся не только суверенитет и национальная безопасность страны, но и феномены макроуровня и микроуровня. Именно на этих уровнях региональной и локальной безопасности осуществляется деструктивное воздействие на экономические и экологические компоненты социальной жизнедеятельности. Интересы антигосударственных кругов и международных корпораций, внутренние проблемы и риски развития используются при применении глобальной информатизации и совершенствовании информационно-компьютерных технологий. Наряду с электронными ресурсами и социальными сетями, эффективным инструментом сетевого и информационного терроризма становятся СМИ. Применение «мировой паутины» в качестве модели сетевой формы организации террористических организаций позволяет субъектам террора осуществлять свою деятельность на огромных расстояниях путем передачи инструкций, подготовки новых членов, передачи опыта. Развитие транспортных коммуникаций и способов организации упрощает вопросы обучения и подготовки, перемещения членов террористических групп.

Наряду с Интернетом, средства массовой информации и социальные сети делают доступной информацию о террористических актах большинству населения планеты, используются как средства устрашения, информационно-

психологического давления, создания и поддержания собственного имиджа, давления на органы власти и международное сообщество. Приобретая информационные и сетевые формы, терроризм становится более агрессивным жестоким, расширяются его связи с этническими, национальными, религиозными и локальными конфликтами.

Противодействие международному терроризму, в том числе информационному и сетевому, реализуется на основе международных соглашений и совместной деятельности антитеррористических центров и структур [1, 5, 7]. Следует отметить, что в период однополярного мира эти организации действовали стабильно, во взаимосвязи и взаимодействии.

В условиях перехода к многополярному миру, и к новым приоритетам международной политики России, антитеррористическая борьба с внутренними угрозами национальной безопасности как на региональном, так и на локальном уровнях, становится доминирующей в деятельности государства. И хотя ряд террористических организаций, действующих на территории федеральных округов и регионов, финансируются и организуются вне пределов страны, хотя терроризм мутирует в информационные и сетевые формы, защита национальных интересов и безопасности становится одним из приоритетных направлений внутренней государственной политики.

Поэтому можно сделать вывод, что изменение характера террористической деятельности, распространение информационного и сетевого терроризма ведет к росту энтропии, нестабильному состоянию системы социальных связей и отношений, требует адекватного анализа этой разновидности внешних и внутренних угроз национальной безопасности через интенсификацию антитеррористической деятельности.

Список литературы

1. Европейская Конвенция о пресечении терроризма 2003 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 3. Ст. 202.
2. Лукин В.Н., Мусиенко Т.В. Современные информационные технологии и риски сетевого терроризма в условиях глобализации // <http://credonew.ru/content/view/1044/65/>. Дата доступа 21.01.2015.
3. Максимов И.В. «Цветная революция»: социальный процесс или сетевая технология? М., 2010.
4. Манойло А.В. Модели информационно-психологического управления международными конфликтами // Информационные войны в современном мире Материалы международной конференции. Выпуск 5. М., 2008. С.73-90.
5. Международная Конвенция о борьбе с финансированием терроризма от 27 декабря 2002 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 12.-Ст. 1059.
6. Профилактика (предупреждение) экстремизма и терроризма / Под. общ. ред. Л.Н. Панковой, Ю.В. Таранухи. М., 2010. С. 312.
7. Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 41. Ст. 3947.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Мухамедьярова Л.В.

преподаватель кафедры профессиональной подготовки,
Уфимский юридический институт МВД России, Россия, г. Уфа

В статье обозначено место, занимающая проблема коррупции на современном этапе развития общества и государства. Проведен сравнительный анализ мер принимаемых зарубежными странами, в частности, Данией и Сингапуром, по противодействию коррупции на примере восточной и западной антикоррупционных моделей.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, индекс восприятия коррупции, антикоррупционные модели.

Происходящие в России и в мире глобальные изменения во всех сферах жизнедеятельности человека имеют неоднозначное значение для развития общества и государства в целом. Вытекающими из этого последствиями, является актуализация многих проблем, решение которых требует своевременного принятия научно обоснованных, теоретически и практически выверенных, экономических и политических взвешенных решений. Анализ практики решения необходимых государственных задач помогает наиболее точно определить пути развития государства, более планомерно оценить имеющиеся проблемы, выделить их на фоне производимых преобразований, увидеть их истоки и определить перспективы решений. Одной из таких глобальных проблем в России и в мире является коррупция, которая в настоящее время представляет собой реальную угрозу национальной безопасности и является одним из препятствий для эффективного развития государства и гражданского общества. В связи с этим, необходимость разработки правовых средств и механизмов противодействия коррупции становится приоритетным направлением государственной политики каждой страны, в частности России. А. В. Козлов считает, «Коррупция, несмотря на все принимаемые государством усилия, начинает приобретать характер реальной угрозы национальной безопасности страны. Она угрожает стабильности и безопасности общества, нанося ощутимый урон его социально-экономическому и политическому развитию. Поэтому готовность к эффективной борьбе с ней рассматривается мировым сообществом в качестве важнейшего показателя цивилизованности государства, его приверженности демократическим ценностям» [1, с. 6].

Коррупцированные общества не могут быть демократическими и равноправными, что является критерием созидательности и высоких стандартов жизни. Очевидно, что с болезнью «коррупцированности общества» необходимо бороться. Для выявления эффективных способов противодействия коррупции представляется необходимым изучение международного опыта противодействия коррупции, поскольку он в той или иной степени может быть учтен в национальном законодательстве в процессе разработки собственных методов борьбы с этим разрушительным явлением. Сравнив успешный опыт

страны, занимающей противоположное географическое положение в Евразии, а именно стран Северо-Западной Европы (Дания) и Юго-Восточной Азии (Сингапур), мы увидим, что имеются две равно эффективные, но существенно отличные друг от друга модели борьбы с коррупцией. Одну из них можно считать максимально успешной на Западе, другую – на Востоке.

В 1996 году международной организацией по борьбе с коррупцией и исследованию уровня коррупции в мире Transparency International был проведен масштабный анализ «Индекс восприятия коррупции», результатом которого стал регулярно обновляемый рейтинг стран мира по показателю распространенности коррупции в государственном секторе. Первые строки в этом перечне занимают государства, в которых, по оценкам экспертов, нет, либо почти нет взяточничества и коррупции. На последнем месте оказываются в основном развивающиеся страны, где степень коррупции самый высокий. Согласно результатам исследований, проведенных в 2015 году, Дания занимает верхние строки рейтингов по показателям прозрачности действий правительства и низкого уровня коррупции, что делает их образцом для подражания [2].

По данным экспертов, в Дании имеют место случаи «малой коррупции» (они обычно связаны с вручением не слишком дорогих подарков политикам и чиновникам). Вместе с тем случаи «большой коррупции» в этой стране практически не известны. Наиболее громкие коррупционные скандалы, в которых фигурировала Дания, были связаны с работой датских компаний в иностранных государствах. Так, в 2009 году в рамках проводившегося в США расследования 14 датских компаний были обвинены в том, что в 1996 – 2003 годах давали взятки чиновникам Ирака за получение контрактов в рамках программы «Нефть в обмен на продовольствие» [3]. Были и другие скандалы, связанные с зарубежными контрактами, однако при работе у себя на родине датские бизнесмены, похоже, уяснили недопустимость использования коррупционных методов.

Перечислим ключевые антикоррупционные меры, существующие в этой стране. В целом в Дании действует около 20 законов, предусматривающих ответственность за различные формы коррупционного поведения. Какого-то специализированного антикоррупционного ведомства в стране нет. Расследованием случаев внутренней коррупции занимается полиция. Коррупционные дела международного масштаба находятся в ведении прокуратуры по особым экономическим преступлениям. Существенную роль в преодолении коррупции сыграл принятый в 2002 году закон, обязавший членов правительства публиковать сведения о доходах и имуществе (в результате им пришлось продать акции иностранных компаний во избежание обвинений в лоббировании их интересов). Кроме того, в стране действует норма, согласно которой члены Фолькетинга (парламент Дании) могут задавать министрам вопросы (в том числе связанные с подозрением во взяточничестве или лоббировании интересов той или иной компании), на которые необходимо дать ответ. Большую роль играют общество и пресса. Наконец, любой гражданин

может (в том числе и анонимно) сообщить в правоохранительные органы об имеющихся у него подозрениях в коррупции.

Одним из самых успешных примеров подавления коррупции в восточной стране, где она до этого была очень высока, является Сингапур, по данным Transparency International, занимающий 8 место рейтинга [4]. Ключевую роль в этом процессе играло Бюро по расследованию коррупции – БРК. Оно было создано еще в 1952 году британской колониальной администрацией, но на первом этапе большой роли не играло. Ситуация изменилась в начале 1960-х, в уже независимом Сингапуре, власти которого наделили БРК очень широкими полномочиями. Инициатором перемен был премьер-министр Ли Куан Ю – создатель «сингапурского экономического чуда». В соответствии с Актом о предотвращении коррупции 1960 года, БРК было наделено правом на задержание и обыск подозреваемых в коррупционных деяниях, могло проводить расследования в отношении их родственников и поручителей, а также расследовать любые правонарушения, вскрывшиеся в ходе изучения коррупционного дела. Бюро было наделено правом проверять банковские счета госслужащих, а также их жен, детей и агентов. Кроме того, оно расследует поступающие от населения жалобы, содержащие обвинения в коррупции, а также случаи халатности, допущенные госслужащими в их работе.

Важнейшую роль сыграло то, что БРК было подчинено исключительно премьер-министру страны и полностью независимо от других органов власти и чиновников любого ранга. Чтобы избежать коррупции в самом БРК, его сотрудникам, с одной стороны, выплачивают высокие зарплаты, с другой – деятельность БРК регулярно подвергают проверкам, а его руководство – частым ротациям. Необходимо отметить, что БРК проводило расследования даже в отношении членов кабинета и родственников премьер-министра; по их итогам ряд высших чиновников оказались в тюрьме, покончили жизнь самоубийством или бежали из страны. Вместе с тем создание БРК было не единственным элементом антикоррупционной стратегии властей Сингапура.

Важную роль сыграла реформа законодательства о госслужбе: полномочия чиновников были четко регламентированы, установлен ряд запретов и ограничений, введено обязательство декларировать свои доходы и доходы близких родственников, упрощены процедуры принятия решений в госсекторе и повышена их прозрачность. Если госслужащий не мог объяснить источник дохода, то он обвинялся в коррупции. Более того, его могли обвинить и в случае, если источник дохода не могли объяснить его ближайшие родственники. Иными словами, в отношении чиновников была введена «презумпция виновности» в коррупции. Вместе с тем помимо «кнута» верховная власть использовала и «пряник»: госслужащие получали зарплаты, сопоставимые с доходами в частном секторе, например, высшие чиновники – с доходами топ-менеджеров.

Рассмотрев две эффективные антикоррупционные модели, постараемся сравнить их между собой. Общими элементами обеих являются реальное (а не показное) стремление верховной власти подавить коррупцию и развитое антикоррупционное законодательство. Однако в сфере практической реали-

зации две рассмотренные модели кардинально отличаются друг от друга. Можно сказать, что эти различия базируются на принципиальной разнице западного и восточного менталитета, в первую очередь на разном понимании взаимоотношений общества и власти на Западе (где чиновничество считается социальным менеджментом, подконтрольным обществу) и на Востоке (где чиновники воспринимаются как начальство, элита, а высшие руководители – как вершители судеб страны). Кроме того, важную роль играют различия во взглядах на права человека и на возможность тех или иных ограничений этих прав. При этом сказать по-простому «Запад уважает права человека, а Восток – нет» нельзя; все существенно сложнее.

Главной действующей силой наиболее успешной восточной модели, созданной в Сингапуре, является специализированный антикоррупционный орган, наделенный особыми полномочиями, подчиненный исключительно первому лицу государства, своего рода мини-КГБ. Государство предоставляет сотрудникам этого ведомства элитный статус и высокое материальное обеспечение, но одновременно жестко контролирует и накладывает целый ряд ограничений. При создании такого ведомства необходимо строго следить за тем, чтобы, во-первых, его сотрудники сами не оказались коррумпированы, а во-вторых, чтобы они не использовались для иных, нежели объективное противодействие коррупции, целей (например, для расправ с политическими противниками и т. д.). Обеспечение всего этого ложится на единственного человека, которому подотчетно ведомство, – национального лидера, который должен быть выше подозрений в какой-то нечестной игре.

Главной движущей силой наиболее успешной западной модели является все гражданское общество. Во-первых, воспитание, этика, общепризнанная система ценностей в этих странах такова, что подавляющее большинство граждан считают незаконное обогащение с использованием служебного положения чем-то абсолютно недопустимым (например, так же как подавляющее большинство граждан практически любой страны считают абсолютно недопустимым вытащить кошелек из чужого кармана). Во-вторых, беспрецедентная прозрачность государственных органов перед гражданами, а граждан – как перед государственными органами, так и друг перед другом. То, что ваш сосед может легко узнать о вашем финансовом положении, в странах Северо-Западной Европы нарушением прав человека не считается (хотя с этим можно поспорить). В-третьих, менталитет граждан многих западных стран вполне позволяет, увидев у соседа какую-то мелочь, вызывающую самые минимальные подозрения во взятке, сразу же сообщить об этом в полицию (или иной госорган). В России это назвали бы стукачеством. На Западе это считается исполнением гражданского долга.

В заключение хочется сказать несколько слов по наиболее интересному для нас вопросу: какая из рассмотренных моделей больше подходит для России? Не претендуя на истину в последней инстанции, позволю себе заключить, что первая, скандинавская модель в России в обозримом будущем нереализуема. Дело в том, что ее главной основой является не какой-то закон или госорган, а совершенно иная система взаимоотношений в обществе, а также

система отношений общества с властью, нежели существующие в нашей стране. А такие глубинные вещи легко и быстро не меняются. Что касается второй, сингапурской модели, основанной на создании особого органа, то теоретически это можно сделать и у нас. Однако чтобы достичь успеха на практике, необходимо выполнить все те условия эффективности данной модели, о которых подробно говорилось выше и которые очень трудно реализовать. При их несоблюдении «антикоррупционное ЧК» может превратиться в инструмент борьбы одних влиятельных групп в госаппарате против других групп, но не привести к радикальному улучшению ситуации с коррупцией. Кроме того, нельзя забывать, что обе рассмотренные модели работают в небольших государствах; однако не все, что хорошо в маленькой стране, будет столь же эффективно в огромной России. Таким образом, вопрос об оптимальной для России системе противодействия коррупции вряд ли может быть решен механическим копированием одной из этих моделей. Проблема коррупции – это глобальная проблема со многими составляющими, среди которых обязательной является эффективная борьба в глобальном масштабе. Мировой опыт свидетельствует, что лишь творческий подход, координация усилий, идей, ресурсов и действий, постоянный обмен и совершенствование форм и методов работы дают позитивные результаты в профилактике и предупреждении коррупционных проявлений в обществе [1, с. 5].

Список литературы

1. Козлов В. А. Государственная политика в сфере противодействия коррупции (международно-правовые аспекты) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2008. N 1. С.6-10.
2. Corruption Perceptions Index 2015 [электронный ресурс]. Transparency International. URL: <http://cpi.transparency.org/cpi2013/results/> (дата обращения 11.03.2016.).
3. Новости Newsru.com [электронный ресурс]. URL: <http://www.newsru.com/world/14may2009/oil.html>
4. Corruption Perceptions Index 2015 [электронный ресурс]. Transparency International. <http://cpi.transparency.org/cpi2013/results/> (дата обращения 11.03.2016.).
5. Мухамедьярова Л.В., Газизова О.В. Коррупция как глобальное социальное явление современности» // Черные дыры в Российском законодательстве №3-2015. С. 98-100.

КОДЕКСЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ ДЕЛОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Назарова Ю.В.

профессор кафедры философии и культурологии, д-р филос. наук, доцент,
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
Россия, г. Тула

В статье рассматривается значение профессиональных этических кодексов в российской деловой культуре, их типы и содержание; анализируются возможности формирования и способы эффективной реализации кодексов профессиональной этики.

Ключевые слова: профессиональная этика; этический кодекс; профилактика этических нарушений, комиссия по этике.

Профессиональный этический кодекс – относительно новое понятие в отечественной деловой культуре. Что это – дань моде или необходимость? В последнее время вопрос о внедрении профессиональных кодексов в деловую среду стал достаточно актуальным. В СМИ часто освещаются неоднозначные, с этической точки зрения, истории, конфликты, скандалы в самых разных сферах профессиональной деятельности, не подпадающие под правовое регулирование, но привлекающие пристальное внимание общественности. Инструментом разрешения таких ситуаций может стать профессиональный (корпоративный) этический кодекс. Каким должно быть содержание этического кодекса, алгоритм его создания, внедрения, и, самое главное – как реализовать на практике принципы и правила этического кодекса? В отечественной деловой культуре об этом нет однозначного и четкого представления, но, тем не менее, есть примеры разработки и внедрения норм профессиональной этики в организациях. Профессиональный этический кодекс часто воспринимается как статичный, неподвижный набор общих принципов, которые, как правило, бездействуют, и, по сути, являются бесполезными. Условно практический опыт применения профессиональных этических кодексов в России можно разделить на несколько типов:

- Этические кодексы декларативного характера. Подобные кодексы в общих чертах описывают ценности и принципы профессии. Они дают представление об общих этических ориентирах профессии, но не предлагают правил регулирования поведения в профессиональной среде.

- Этические кодексы, включающие в себя принципы и правила профессии. Недостатком таких кодексов является то, что они не имеют реальных механизмов внедрения предлагаемых этических правил.

- Корпоративные этические кодексы. Как правило, разрабатываются для конкретной организации, что позволяет уточнить принципы и нормы в соответствии с реальными задачами и проблемами организации. Такие кодексы имеют наибольшее практическое значение. Однако, их создание, внедрение и реализация требуют много усилий: необходимы четкие алгоритмы создания таких кодексов, их постоянное обновление, этические комиссии, способные трактовать и применять правила кодекса. Только при соблюдении перечисленных условий кодекс будет работать и его внедрение будет оправдано. Это заставляет многих руководителей оставлять этические кодексы на декларативном уровне. Таким образом, перед руководителями возникает вопрос, поставленный в начале статьи – оправдывают ли себя такие усилия, так ли необходим этический кодекс?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо уточнить статус этического кодекса. Чем он отличается от Устава организации? Кодекс поведения – это правила внутреннего распорядка организации, призвание которых – заполнить правовые лакуны, предвосхитить ситуации, не подпадающие под правовое регулирование. В Уставе определяется значение кодекса профессиональной этики, степень обязательности его исполнения. Важное отличие профессионального этического кодекса от юридических норм заключается в том, что профессиональный этический кодекс призван не наказывать за

уже совершенные нарушения, а предупреждать их [1]. Как показывает обзор практики применения этических правил на Западе, где имеется долгий и богатый опыт этического регулирования, профессиональный этический кодекс призван реализовывать следующие задачи [2]:

- Установить нормы допустимого поведения, минимумы необходимой профессиональной этики, нравственные ценности профессии, критерии определения этических нарушений;
- Установить правила профилактики коррупции (как правило, в кодексах профессиональной этики в сфере публичной политики);
- Определить алгоритмы разрешения конфликтов в профессиональной среде;
- Установить правила предупреждения моббинга в коллективе;
- Определить политику отношений с внешними организациями, партнерами, клиентами, потребителями, СМИ и т.д.;
- Уточнить уровни соотношения морали и рентабельности на предприятии, что во многом зависит от экономической стратегии предприятия в целом;
- Определить общую атмосферу деловых отношений: уровень конкурентной борьбы сотрудников, степень демократичности руководства и т.д.;
- Определить необходимость соблюдения этических принципов вне профессиональной деятельности.

Вышеперечисленные задачи являются общими, и могут дополняться и уточняться в зависимости от конкретных проблем организации. Однако наиболее важным является вопрос о способах реализации правил этического кодекса, его практического применения, его пользы в разрешении насущных проблем. Поскольку специфика этического кодекса заключается в профилактике нарушений, одних правовых механизмов его реализации не всегда бывает достаточно. Зарубежный опыт реализации этических правил показал, что действенность кодекса может быть обеспечена следующими способами [1]:

- При помощи комиссии по этике для а) расследования этических нарушений; б) консультационной деятельности в области профессиональной этики; в) трактовки и применения правил кодекса. Такие этические комиссии могут состоять из самих членов корпорации, из приглашенных экспертов, либо могут быть смешанными.
- При помощи Советника по этике, оказывающего консультативную помощь в трактовке и применении правил кодекса, являющегося посредником при разрешении различных конфликтов.
- При помощи специальных механизмов реализации этических принципов (правила декларирования финансовой информации; программы этического обучения).

Очевидно, что такой подход к содержанию и реализации профессионального этического кодекса во многом определяет стратегию организации, атмосферу в рабочем коллективе, позволяет контролировать процессы, происходящие в профессиональной среде, предупреждает различные юридические споры, судебные разбирательства, громкие конфликты и скандалы, не лучшим образом отражающиеся на репутации организации. Профессиональ-

ные этические кодексы необходимы для формирования профессиональной культуры в целом, но только в том случае, когда особое внимание будет обращено не на общие декларативные принципы, а на конкретные цели профессиональных сообществ, подкрепленные соответствующими методами их реализации.

Список литературы

1. Парламентская этика: сравнительный анализ / Международный демократический институт международных отношений; Национальный демократический институт международных отношений. – М., 2000. – 52 с.
2. Назарова, Ю. В. Опыт определения профессиональных этических ценностей в политической сфере (по материалам зарубежных исследований) Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого / Вып. 4 (12). – Тула, 2014. С. 52-56.

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И. ВАХА

Сидоренко Н.С.

доцент кафедры философии, канд. филос. наук, доцент,
Кубанский государственный университет, Россия, г. Краснодар

В статье рассматриваются философские и социальные аспекты религии и религиозности согласно концепции немецкого религиоведа Иохима Ваха. Развитие религиозной организации необходимо зависит от степени коммуникации. В понимании религиозного опыта и религиозной организованности важную роль играет сравнительный анализ религий и их интерпретация.

Ключевые слова: религия, религиозный опыт, коммуникация, религиозная система.

В современном мире религия не перестает играть главную роль в жизни человека. Она представляет собой особую сферу, которая связывает воедино внутренний духовный мир человека и его практическую деятельность. Религиозные феномены многомерны. Достаточно сложно выделить универсальные характеристики религиозности и сделать вывод о путях трансформации религии в современном обществе. Для того чтобы лучше понять главные аспекты религиозности, необходимо рассмотреть их в социальном и философском ракурсах, как это делал И.Вах – немецкий религиовед и протестантский теолог, основатель «Чикагской школы» религиоведения. В своей знаменитой работе «The comparative study of religions» он ставит вопрос о том, как можно понять чужую религию. Понимание достигается через творческую интуицию, которая не может быть подделана: или она есть или ее нет. Он рассматривает выражение религиозного опыта в мысли, действии и сообществе [1, с. 39].

Важное место в феноменологическом исследовании религии Вахом занимает понятие *Gemeinschaft* – «взаимное участие». Это явление проявляется в двух измерениях: коммуникации и сообществе [1, с. 29]. Под «коммуникацией» Вах имел в виду искусство выражения религиозного чувства в религиозной общине. Его гипотеза выражала ту мысль, что искусство религиозной

коммуникации обратно пропорционально степени отдельной религиозной инициативы. Например, если существует высокая степень коммуникации в религиозной общине, то отдельное вероисповедание не подчеркивается, не выделяется, как было обнаружено в тотемической группе абориген Австралии. Но если существует меньшая степень такой коммуникации в религиозной группе, то сразу же поощряется отдельное вероисповедание или благочестие. В истории Западного мира, согласно Ваху, самая высокая степень религиозной коммуникации была в древней Греции, где полис был одновременно религиозной общиной и городом-государством, тогда как позже, с распадом полиса, религиозная коммуникация уменьшилась.

И. Вах признавал, что проблема религиозной коммуникации неразрывно связана со структурным развитием религиозной общины. Например, в древней Индии племя было основанием религиозной общины. Через символы и ритуалы каждая религиозная община пытается сообщить ее участникам значение отношения человека к священному и передать норму общественной организации. Основанием религиозной общины, с точки зрения Ваха, является связь с этим идеалом, конечной целью, которая отражается в религиозном опыте, как норма социальной и отдельной жизни каждого человека.

Проблему Вах видит и в интерпретации нехристианских религиозных явлений, поскольку она совершается в основном христианскими исследователями. Он, как историк религий, предлагает следующие принципы.

1. Существует подлинный опыт священного в нехристианских религиях и конечные ценности, такие как кровь, земля и так далее не являются главными этих религий.

2. Божественное в нехристианских религиях также проявляет себя через *mysterium tremendum* и *mysterium fascinosum* трепет и восхищение (он использует терминологию Отто). Даже если эти два аспекта не всегда одинаково представлены.

3. Опыт священного целиком связан с этикой и моралью во всех религиях.

4. У нехристиан, прошлого и настоящего, существует представление о «благодати Божьей», (если использовать христианскую терминологию), даже если при этом самого понятия нет.

5. Есть различные виды и степени ощущения Божественного, представленного в нехристианских религиях. Критерий степени этих ощущений должен быть ясно сформулирован в нехристианских религиозных терминах, а не в христианских.

6. Существует подлинный смысл «вероисповедания» в нехристианских системах.

7. Религиозный опыт во всех религиях выражается в некоторой форме «близости» [1, с. 65-66].

По его мнению, архаический человек не знал различия между светской и духовной общиной. Он жил только в одном сообществе. Мир для него был единым. Основанием религиозной общины, с точки зрения Ваха, является связь с миром, которая отражена в религиозном опыте. Категории религиозной мысли и религиозные действия развиваются в зависимости от этого ми-

ропонимания и воплощаются в нормы социальной и индивидуальной жизни. Миропонимание включает в себя взаимодействие трех параметров: теоретического, практического и социального, которые необходимо подвергаются формализации и стандартизации.

По сути, исследовать религиозную систему означает выявить закономерности ее развития в мысли, практике и сообществе.

Вах, как феноменолог, подчеркивает, что предметом социологии религии не является «чистая» религия (религия как таковая), а лишь эмпирическое ее выражение. В этом смысле проблема отношений «религии и мира» рассматривается как отношение между эмпирической религией и обществом.

Вах пытается объяснить, как каждая религиозная группа, с ее собственным «намерением» и «самоинтерпретацией» религиозного опыта, развивает свои собственные уникальные формы выражения этого опыта. Он демонстрирует тот факт, что формы этого выражения, хотя и обусловлены влиянием окружающей среды, в пределах которой они произошли, но существуют общие универсальные черты и темы в структуре и религиозной мысли.

Вах предложил три основных принципа для сравнительного исследования религий:

1. признание существования примирительного элемента в каждой религии, но сама дисциплина не может находиться под влиянием этого примирительного интереса,

2. все религии необходимо понимать как универсальные варианты, не подвергающиеся культурному детерминизму,

3. каждая религия есть часть духовного опыта человечества (и необходимо учитывать философскую и теологическую проблематику в их исторической перспективе).

Таким образом, используя феноменологический анализ, Вах пытается определить структуру религиозного опыта, формы его выражения и факты, которые могут соответствовать рассматриваемым событиям. Он объясняет, как каждая религиозная группа, с ее собственным «намерением» и «самоинтерпретацией» религиозного опыта, развивает свои собственные уникальные формы выражения самого религиозного опыта. Мыслитель показал на примере анализа религиозных феноменов, как связаны между собой два понятия – коммуникация и сообщество [2].

Религиозность – сложное явление, которое включает в себя и психологические мотивы, и практические действия человека, и метафизическую аргументацию. Мы то сводим все это многообразие к одной из форм – тотемизму или анимизму, то сравниваем с христианскими ценностями и мировоззрением, но религиозность всегда ускользает от нас и остается недоступной. Скорее всего, смысл религиозного духа древних культур навсегда останется для нас загадкой, но это не означает, что нужно сдаться.

Список литературы

1. Wach, J. The Comparative Study of Religions. New York: Columbia University Press, 1958. – 180 p.
2. Wach, J. Understanding and Believing. New York: Harper, 1968. – 230 p.

ОСОБЕННОСТИ ОСМЫСЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Эльмукова Е.В.

студентка 2 курса, Ульяновский государственный технический университет,
Россия, г. Ульяновск

Феномен власти вызывает огромный интерес многих исследователей, затрагивает судьбы миллионов людей, имеет разнообразные формы проявления в общественной жизни. В данной статье рассматривается социальная значимость феномена власти и ее отражение в современной философии.

Ключевые слова: власть, социология, концепция, современное общество, подчинение, легитимность, управление.

Современные технологии с каждым днем развиваются все больше. Люди стремительно создают и изобретают много нового. Но философия не успевает за столь значительным прогрессом. Без развития моральных аспектов общество не будет развиваться за счет современных технологий. Поэтому не стоит забывать огромную роль в философии в современном мире. Наиболее важным принципом современной философии является ее интегративный характер, который связывает философию с другими научными знаниями и позволяет переоценить их результаты. В большей мере философия начинает приближаться к близлежащим вещам: проблемам повседневности, телесности, массовому сознанию, в том числе и феномену власти. Как и любой социальный феномен, власть вызывала огромный интерес для исследования у многих ученых и философов. Но первые истоки осознания данной проблемы начинались еще в античные времена. В работах многих мыслителей можно отыскать основания для изучения этого социального феномена, а также не менее важные методы и теоретические представления о ее происхождении, сущности, разнообразии проявления, роли и функциях. Кроме того, власть всегда оказала особое влияние на развитие жизни общества. Идеи многих философов и социологов оказали огромную ценность для современной философии.

Несмотря на существование различных подходов к пониманию феномена власти можно выделить их общее концептуальное ядро. Его содержание обычно представляется следующим образом. Власть это:

- влияние одного субъекта на другой (в этом случае последний называется объектом властных отношений);
- отстаивание интересов как мотив властного действия;
- фактор воли как регулятор этого влияния;
- асимметрия отношений между субъектом и объектом.

В истории социально-политической философии в трактовке феномена власти сложилось несколько основных подходов:

- 1) директивный;
- 2) структурно-функциональный;
- 3) информационный;

4) коммуникативный.

Каждый из них в качестве атрибутивного свойства власти принимает или силу, или мобилизацию ресурсов на выполнение цели, или информацию, или отношения субъекта и объекта [4].

Рассмотри подробнее основные подходы в трактовке феномена власти:

1. Директивный (Т. Гоббс, М. Вебер)

В директивном подходе власть рассматривается как способность и возможность одного субъекта с помощью авторитета, закона или прямого насилия осуществлять свою волю, оказывать определенное воздействие на поведение другого субъекта и таким образом добиваться выполнения приказов. В данной концепции появляется такое понятие, как легитимность, которое является важным этапом в процессе концептуализации феномена власти.

2. Структурно-функциональный (Т. Парсонс)

Власть рассматривалась Парсонсом как «обобщенное средство мобилизации обязательств, чтобы содействовать коллективному функционированию» [1, с.103]. Для него распределение ценностей и норм определяет, что и кто властвует. Кроме того, и при рассмотрении легитимности важное значение придается нормам и ценностям. Он считает, что нормы – это только социальный феномен, а вот ценности являются важным и главным связующим элементом в социальной и культурной системах.

3. Информационный (М. Фуко, Ф. Ницше)

Если рассматривать концепцию понятия «власть» с точки зрения информационного подхода, можно привести определение, изложенное М. Фуко: «Властью я называю не «власть» как совокупность институтов и аппаратов, которые гарантировали бы подчинение граждан в каком-то государстве... под властью я не разумею определенный способ подчинения, который, исходя из противостояния сил, превратился бы в конец закона... Власть – это имя, которое дают комплексной стратегической ситуации в данном обществе» [3, с.190–191].

Данный подход к этому феномену обуславливается переходом от попыток рационального и критического определения власти к систематизированному постижению её универсальной природы с помощью выявления ее типов, многообразия видов, различных форм и методов властвования, которые осуществляются в сложном взаимодействии рациональных и иррациональных компонентов.

4. Коммуникативный (Х. Арендт, Н. Луман)

В коммуникативном подходе власть рассматривается как важнейший элемент связи и общения, а сам анализ понятия власти строится на основе теории «коммуникативных действий». Именно в этом направлении развивается большая часть современных концепций власти.

Вот и в теории средств коммуникации Н. Лумана открывается возможность сравнения власти с другими коммуникативными средствами. Такой подход помогает избежать часто наблюдаемой перегруженности в понимании власти, как процесса влияния одного субъекта на другой. «Власть поэтому следует отличать от принуждения к какому-либо конкретному действию.

В своем крайнем варианте принуждение сводится к применению физического насилия и тем самым подмене собственными действиями действий других людей, которые власть не в состоянии вызвать» [2, с. 13].

Вышеуказанные представления данных философов свидетельствуют о том, что власть – явление сложное и наличие различных подходов к ее пониманию неизбежно.

Сущность любого феномена определяется, прежде всего, его функциональным предназначением. Соответственно, определение власти вообще как «способности индивида навязывать свою волю» приводит к утверждению, что главная функция власти в обществе состоит именно в этом. Однако подлинное проявление власти состоит в способности одного субъекта убедить другого в целесообразности совместных действий и прийти к определенному соглашению. Поэтому данное утверждение ограничивает действительную функциональную роль власти в обществе, что и показали рассмотренные нами подходы к определению сущности феномена власти в современной философии.

Таким образом, власть является одной из важнейших элементов социальной жизни. На основе вышеуказанных идей и оснований можно предположить общее определение феномена власти как объективно-необходимого способа, который способствует установлению ценностно-нормативного порядка взаимодействия в обществе.

Список литературы

1. Луман Н. Власть. – М., 2001.
2. Парсонс Т. Общий обзор // Американская социология. – М. : Прогресс, 1972.
3. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М. : Касталь, 1996. – 448 с.
4. Электронный ресурс: <http://studopedia.org/8-170116.html>

СЕКЦИЯ «ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ»

СОЦИАЛЬНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ И ОСОБЕННОСТИ АКТЕРА КАК УЧАСТНИКА ТЕАТРАЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Аль-Хуссейни Имад Салман Али

магистрант кафедры социально-культурной деятельности,
Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Россия, г. Белгород

Калашиникова Н.Н.

доцент кафедры социально-культурной деятельности, канд. пед. наук,
доцент, Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Россия, г. Белгород

В статье рассматриваются социально-художественные аспекты и особенности актера как участника театрального процесса. Исследуется специфика актерской игры в процессе создания и восприятия театрального спектакля. Проводится анализ места, роли и функций актера в театральном искусстве.

Ключевые слова: актер, театральное искусство, театральный процесс, социально-культурное взаимодействие, коммуникация, социально-художественное воздействие.

Многочисленные исследования в области театра, как зрелищного вида искусства, подтверждают его высокий уровень и возможность глубокого эмоционального воздействия на человека. Театр влияет на сознание, духовно-эмоциональный мир человека, тем самым формируется его целостный облик, происходит духовный рост, воспитываются идейные, нравственные и эстетические убеждения. По утверждению многих исследователей и театроведов – театр издревле являлся «зеркалом эпохи», отражающим общественную, политическую, культурную жизнь народа, его ценностные ориентации и целевые установки.

Театр имеет свое социокультурное пространство, в котором происходит активный процесс производства и потребления духовных ценностей. В социокультурном пространстве театра присутствует четкое распределение социальных ролей и функций, которое выражается в структуре и иерархии людей, представляющих театр как феномен культуры, к ним относятся: антрепренеры, директора, администраторы, меценаты, драматурги, режиссеры, композиторы, актеры, зрители, кассиры, художники, костюмеры, гримеры и др.

Все эти люди осуществляют акт социокультурного взаимодействия. Согласно определению Н.А. Селиверстовой под социокультурным взаимодействием понимается процесс, в котором действия субъектов определяются целью и регулируются ценностями, формальными и неформальными нормами представляемой культуры [3].

Основными участниками социокультурного взаимодействия в рамках театра выступают носители творческого продукта, создаваемого в процессе театрального искусства и его потребители, то есть актеры и зрители.

Театральное искусство формировалось как искусство отражающее действительность. С течением времени театральное искусство обогащалось все новыми и новыми формами, техническими средствами и приемами, которые способствовали более детальному созданию жизненной правды на сцене. Это декорации, костюмы, реквизит, свет, музыка, которые способствовали созданию атмосферы действия. Это позволило добиться того, что внимание зрителя распределяется на все компоненты спектакля. Однако главным объектом восприятия зрителя всегда был и остается актер.

Согласно словарю русского языка, актер это – «действующий», «исполнитель», «декламатор», то есть тот, кто действует, исполняет роль, становится действующим лицом драматического произведения [1, с. 280].

Функции актера являются наиболее сложноорганизованными в коммуникативном плане. Творчество актера представлено сложным психофизическим процессом создания и отражения социокультурных ценностей. Вживаясь в роль, актер уподобляется своему герою и уже от его имени он осуществляет процесс коммуникации со зрителем. Процесс вживания в роль предполагает совершенное использование ресурсов своего организма как психологических, так и физических, так как материалом для творчества актера является его природный психофизический аппарат: мысли, чувства, мимика, жесты, слово, пластика.

Таким образом, искусство актера состоит из множества самых разнообразных явлений. Выступление с исполнением любого художественного произведения предполагает выступление актера не от себя, а от лица какого-то образа. Ценность актерского творчества во многом определяется глубиной проникновения во внутренние, не видимые глазом процессы духовной жизни героев.

Взаимообусловленность этих процессов в творчестве актера является актом «проживания» роли, когда актер искренне и глубоко переживает чувствами своего персонажа, завораживая, увлекая и воздействуя на зрителя.

В советской России исследованиям, посвященным изучению влияния актера на зрителя, отводилась огромная роль. Еще К.С. Станиславский утверждал важность и значимость гражданской позиции актера, его образа мыслей, поведения, ведь именно с актера, зачастую зритель берет пример и стремится ему подражать.

Роль актера в жизни и в процессе работы также имеет огромное значение, ведь актер является носителем социокультурных функций театрального искусства. В своей книге «Мастерство актера и режиссера» известный российский режиссер и педагог Б.Е. Захава отмечает следующее: «Одной из особенностей актерской профессии является ее почти непрерывная публичность. Актер в большей степени, чем люди других, «нормальных» профессий, окружен полем коллективного внимания – возбуждающим и утомляющим. Желание избавиться от этого внимания, борется с привычкой к нему...» [2, с. 87].

Это в свою очередь обязывает актера непрестанно помнить о том, что его деятельность в быту оказывается своего рода эталоном, как в области нравственности, так и в сфере этики и эстетики поведения.

В XX столетии значимость трансляции социокультурных ценностей посредством искусства театра была общепризнана. В начале века огромное внимание стало уделяться вопросом воспитания и этики не только театрального зрителя, но и творцов искусства.

К.С. Станиславский разрабатывает так называемую театральную этику. Он формулирует общий, высший этический принцип театрального искусства: «Каждый работник театра, начиная от швейцара, гардеробщика, билетера, кассира, с которым прежде всего встречается приходящий к нам в театр зритель, кончая администрацией, наконец самими артистами, которые являются сотворцами поэта и композитора, ради которых люди наполняют театр, – все служит искусству и всецело подчинены его основной цели» [4, с. 54].

Основные пункты этики основаны на следующих положениях и законах, которым должен следовать актер:

- этика по отношению к искусству;
- этика к себе;
- этика к партнеру;
- этика к сотворцам (поэту, художнику, режиссеру, костюмеру и т.д.);
- этика к театру;
- этика к публике.

К.С. Станиславский считал своим призывом долгом пропагандировать и утверждать театральную этику для того, чтобы не появлялись такие люди, которые хотят эксплуатировать себе карьеру. Этические требования предъявляются актерам ради того, чтобы они устранили в себе и вокруг себя все, что мешает сосредоточиться на истинном творчестве, свободном от всего наносного и мелочного.

К.С. Станиславский отмечал: «Общая рабская зависимость всех работников театра от основной цели искусства остаётся в силе не только во время спектаклей, но и в другое время дня. Если по тем или иным причинам репетиция окажется не продуктивной, – те, кто помешали работе, вредят общей, основной цели. Творить можно только в соответственно необходимой обстановке, а тот, кто мешает её созданию, – совершает преступление перед искусством и обществом, которому мы служим. Испорченная репетиция ранит роль, а израненная роль не помогает, а мешает проведению основной мысли поэта, то есть главной задаче театра» [5, с. 92].

К.С. Станиславский считал, что поэт, композитор и артист создают необходимое для спектакля настроение по «актёрскую, сторону рампы», администрация создаёт соответственное настроение для зрителя в зрительном зале, и для артиста в уборных, где артист готовится к спектаклю.

Зритель и актер неразделимы. Как зритель получает воспитание от актеров спектакля, так и актерская игра зависит от настроений зрителя. Известный русский литературный деятель Л.Н. Толстой писал: «Вот на этой-то способности людей заражаться чувствами других людей и основана деятельность искусства... Чувства самые разнообразные, очень сильные и очень слабые, очень значительные и очень ничтожные, очень дурные и очень хорошие,

если только они заражают читателя, зрителя, слушателя, составляют предмет искусства» [6, с. 65].

Таковы, на наш взгляд, социально-художественные аспекты и особенности актера как участника театрального процесса.

Список литературы

1. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный словарь / Т.Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000. – 1233 с.
2. Захава, Б.Е. Мастерство актера и режиссера / Б.Е. Захава. – М.: Просвещение, 1973. – 233 с.
3. Селиверстова Н.А. Концепция социокультурного взаимодействия посредством книги [Электронный ресурс] / Н.А. Селиверстова. – Режим доступа: <http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/professor.ru/Seliverstova>.
4. Станиславский, К.С. Об искусстве театра / К.С. Станиславский. – М.: Искусство, 1968. – 350 с.
5. Станиславский, К.С. Статьи. Речи. Беседы. Письма / К.С. Станиславский. – М.: Искусство, 1953. – 430 с.
6. Толстой Л.Н. Письмо Н.Н. Страхову 23 апреля 1876 г. // Полн. Собр. Соч. Т. 62 / Л.Н. Толстой. – М.: Правда, 1953. – 130 с.

АНТИЧНЫЙ МИФ В ЖИВОПИСИ ПОЛЯ ДЕЛЬВО

Балонова М.Г.

доцент кафедры философии и политологии, канд. филол. наук, доцент,
Нижегородский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Россия, г. Нижний Новгород

Статья посвящена мотивам античной мифологии в живописи П. Дельво (1897 – 1994). Автор анализирует элементы античного мифа в картинах художника с точки зрения смысловых и стилистических особенностей их воплощения. Проблема рассматривается в контексте философских и психологических парадигм сюрреализма.

Ключевые слова: античная мифология, живопись, сюрреализм, Дельво, женские образы в изобразительном искусстве, архетип, бессознательное.

Мотивы античных мифов активно включены и в творчество художников-сюрреалистов. В работах представителей этого направления присутствуют как сюжеты и образы древнегреческой и древнеримской мифологии, так и аллюзии на них (и непосредственные, и вторичные – на ранее созданные другими авторами произведения). В художественной системе сюрреалистов мотивы античных мифов выступают в качестве элементов их собственной авторской мифологии и сюрреалистической картины мира, фрагментов сна, отражающих архетипы сознания, поэтому интерпретируются с наибольшей долей свободы по сравнению с произведениями мастеров других направлений изобразительного искусства. На холстах Поля Дельво запечатлены и собственно мифологические сюжеты, и мифологические персонажи, и ассоциации на них. Анализ роли мотивов античных ми-

фов и характера их трактовки в произведениях Дельво представляется необходимым для формирования более завершенного представления о картине его «сверхреальности».

Присущая творчеству художника доминирующая роль женских образов выражена и в его произведениях с мифологическими мотивами. Для женских образов Дельво характерен эротизм, окрашенный чувством страха, внушаемого героинями. Статуарность, застылость фигур, «мраморность» тел способствуют восприятию женщины как сомнамбулического существа из мира сна, грозящего обернуться кошмаром. Несмотря на летаргическую замедленность движений, женщины опасны; их многочисленность, часто в рамках одного холста, помноженная на типологическое сходство, также способствует подавлению мужчин, изображенных рядом с ними. Эти женщины не пассивны, вопреки распространенной точке зрения о героинях живописи Дельво. Весь строй произведений говорит о том, что они – активные персонажи, ожидающие жертву.

Таким образом, в работах Поля Дельво на изобразительном уровне проявляется подсознательное стремление автора представить женщину в качестве объекта, а не субъекта действия. С точки зрения психоанализа это является отражением индивидуальных комплексов автора, в частности фобий, связанных с женским началом. Однако героини Дельво оказывают подспудное, но активное сопротивление таким попыткам. В произведениях с мотивами античного мифа подобный характер женских образов заостряется за счет наложения смыслов коллективного бессознательного, запечатленного в мифе, на индивидуальное бессознательное художника.

Условно можно выделить три группы произведений Дельво, в которых присутствуют мотивы античной мифологии. Работы, составляющие первую из них, обращены к античному мифу названиями («Купание нимф», 1938; «Деревня сирен», 1942; «Спящая Венера», 1944; «Дриады», 1966, и др.) В них нет содержательных элементов, которые позволили бы зрителю самостоятельно связать сюжет картины с мифологическими мотивами. Помимо названий, об этом свидетельствуют лишь некоторые детали. Например, в «Купании нимф» присутствует архитектурный элемент в виде раковины, которая является символом nereid, как, впрочем, и символом самого женского начала. (В частности, это атрибут Афродиты и Мадонны). Сдержанная, «северная» цветовая гамма картины, острые края волн – все это вырывает сцену купания античных богинь из ожидаемого мягкого «средиземноморского» контекста, что является характерным для сюрреалистической картины мира. Трактовка образов тяготеет к монументальности. Дельво в «Купании нимф» возводит женское начало на уровень мощной, изначальной стихии.

В «Дриадах» лишь неподвижность женских фигур, которые словно выросли в землю как деревья корнями, напоминают этих духов. Связь дриад с землей, которая является не только родительницей, но и пожирательницей, также напоминает о непобедимости женского начала. В «Деревне сирен» повторы фигур лишенных голоса героинь создают ощущение дурной бесконечности, кошмара, из которого ни один Одиссей не сможет выбраться.

«Спящая Венера» 1944 г., одна из наиболее известных работ бельгийского художника, лишь на основе названия и аллюзий (изображение Венеры спящей в предшествующей традиции изобразительного искусства) может быть отнесена к мифологическим работам. Картина, выдержанная в темной, тревожной колористической гамме, разрываемой лунным светом, исполненная экспрессии, с фигурой скелета на первом плане, вызывает ассоциации с «Пляской смерти» и лишена умиротворенности, традиционной для сюжета «Спящая Венера». Сама по себе фигура богини любви полна безмятежности, что только усиливает тревогу, исходящую от композиции в целом. (Стоит вспомнить, что это произведение П. Дельво писал во время немецкой военной оккупации Брюсселя, когда город бомбили, и, по его словам, «психология того момента была... полна драмы и мучения», что художник и хотел выразить в произведении посредством упомянутого контраста).

В этих и других произведениях мастера за счет экспликации в названии полотна мотива античного мифа происходит архаизация женских образов, возведение их к архетипу, усиление основного настроения произведения.

В произведениях второй группы Поль Дельво сохраняет сюжетную основу античного мифа («Леда», 1948; «Рождение Венеры», 1947), авторски его интерпретируя, или же трактует сюжет парадоксально («Пигмалион», 1939). «Рождение Венеры» 1947 года наиболее близко классической трактовке мифа, несмотря на «внеисторизм» обстановки. С одной стороны, традиционно прочтению мифологического сюжета способствуют и композиция, в которой большое место отведено водной стихии, и фигуры резвящихся нимф, и умиротворенность самой Венеры. С другой, – Дельво вводит приметы культур, разнесенных во времени. Помещение действия в такой контекст – не попытка осовременить событие или продемонстрировать вечность образа, а всего лишь закон сна. Подобная «дезориентация» зрителей отмечалась как важная черта сюрреализма А. Бретоном в книге «Сюрреализм и живопись»; по словам В. С. Турчина, художники-сюрреалисты готовы были создавать образы «и неожиданные и парадоксальные» [2, с. 191].

Парадоксальностью трактовки мифологического сюжета отличается «Пигмалион», в котором Пигмалион и Галатея меняются ролями. То ли с возжеланием, то ли с угрозой женщина взирает на скульптурное изображение мужчины. За счет замедленности женских движений, плавных ритмов произведения возникает ощущение гипнотической воли, с помощью которой женщина пытается оживить своего каменного возлюбленного. Обнимающий жест угрожает перерасти в смертельный. Примерно такой же характер жеста женщины в «Леде». Лебедь здесь – покорная птица, ожидающая своей участи. Опять же меняются местами традиционно понятые женская и мужская роли, что позволяет уточнить характер трактовки женских образов в творчестве художника в целом: женское начало – активное и угрожающее, мужское – пассивное, ведомое. Благодаря использованию известных мифологических мотивов эта перверсия в духе сюрреализма становится более зримой.

Третья условно выделяемая группа произведений Дельво – «Акрополь» (1966), «Въезд в город» (1940), «Девушка с зеркалом» (1931) и др. – обраще-

ны к образам античной мифологии опосредованно (за счет аллюзий на античную скульптуру прежде всего). Фигуры женщин напоминают статуи кор и венер. В работах «Въезд в город», «Пигмалион» просматриваются аллюзии на образ Дафны, превращающейся в лавровое деревце. Кроме того, для творчества Дельво в целом характерно использование мотивов античной архитектуры, элементы которой вписаны в застывшее, «метафизическое пространство», подобное пространству одного из предтеч сюрреализма Джорджо де Кирико, где обитают «живые статуи» [1, с. 36]. И в этих работах, как и в первых двух группах произведений живописца, обращение к «прецедентным текстам» культуры и искусства, связанным с античностью и античным мифом, вскрывает архетипические корни картины мира Поля Дельво, восходящие к матриархату и к представлениям о могущественной и грозной силе Матери-земли.

Список литературы

1. Балонова М. Г. Фантастическое пространство Джорджо де Кирико // ARS. Исследования нижегородских искусствоведов. Выпуск 2. Н. Новгород: Нижегородский университет им. Н. И. Лобачевского, 2014. С. 24-39. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2462421 (дата обращения: 24.03.2016).
2. Турчин В. С. По лабиринтам авангарда. М.: Издательство МГУ, 1993. 248 с.

ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В КОНЦЕПЦИИ М. ХАЛЬБВАКСА

Кособуцкая Н.Ю.

доцент кафедры педагогики хореографии, Челябинский
государственный институт культуры, Россия, г. Челябинск

В статье мы описываем возникший интерес к проблеме памяти и связан он с поиском идентификационной основы современной культуры. Потребность в обретении и последующей демонстрации идентичности является чуть не общим местом современных социокультурных процессов. Социальная память возникает в результате существования общества и позволяет сообществу сформироваться. Ее функция в том, чтобы обеспечить самобытность и прочность группы.

Ключевые слова: память, социальная память, реконструкция, антиисторичность.

В пространстве современной гуманитарной мысли практически не осталось вопросов, так или иначе не включённых в орбиту исследовательских интересов. Не является исключением и феномен культурной памяти. На сегодняшний день и в зарубежной, и в российской культурологической мысли сложились устойчивые традиции изучения указанной проблематики. Связано это с причинами самого разного толка.

Актуализация исследовательского интереса к проблеме памяти коррелируется с галопирующими темпами прогресса науки и техники, с революционной изменчивостью всех сфер жизни, создающими психологический

дискомфорт для среднестатистического человека, который не успевает за темпами обновления, трансформации и модернизации жизни.

П. Нора так же связывает интерес к памяти в современную эпоху с нашим чувством ускоряющегося хода времени, которое, в свою очередь, является результатом стремительных темпов развития всех сфер жизни общества, которое живёт уже не по законам стабильного воспроизводства ценностей и традиций, а на основе сверхмодернизационных механизмов [3, с. 12].

Во-вторых, усиление интереса к памяти, согласно мнению большого числа исследователей, обусловлено «страхом забвения», связанным с уходом из жизни свидетелей многих страшных социальных потрясений XX века (обе мировые войны и иные вооружённые конфликты, геноциды и пр.). Потребность в сохранении максимально объективной информации об этих событиях, стремление к сохранению памяти о них, к извлечению опыта из них на предельно продолжительное время и прочие [2].

А. Ассман, одна из ведущих немецких исследователей феномена культурной памяти, пишет в этой связи: «Как и память, понятие травмы с 1980-х годов прочно вошло в сознание западного человека и глубоко изменило его интуицию, его ценности и эмоциональность. Кровавые завоевания и разрушительные войны западных империй и народов конституируют «горячее прошлое», которое не исчезает автоматически лишь в силу уходящего времени, но остается с нами в нашем настоящем на «кровавых полях» Европы и во многих других местах по всему миру. Когда речь идет о травме... прошлое, настоящее и будущее разнообразными путями объединяются в единое целое. По этой причине следы «преступлений против человечности», как мы их теперь называем, не исчезли тихо и без следа, но вновь с потрясающей силой проявились в 1980-1990-е годы» [1].

Кроме того, интерес к проблеме памяти связан и с поиском идентификационной основы современной культуры, точнее культур. Потребность в обретении и последующей демонстрации идентичности является чуть не общим местом современных социокультурных процессов: «Идентичность, как и память, стала долгом. От меня требуют самоопределения: кто я – корсиканец, еврей, рабочий, алжирец, негр. Именно здесь, на уровне обязательств, возникает связь между памятью и социальной идентичностью. С этой точки зрения они подчиняются одному и тому же механизму: эти слова стали практически синонимами, и их сближение характерно для новых механизмов исторической и социальной динамики» [3, с. 46].

Безусловно, мы представили не исчерпывающий список, который можно было бы продолжить ещё значительным перечнем причин. Однако нам важно не столько перечислить все из них, сколько показать, насколько глубоко и масштабны мотивы, побуждающие исследователей обращаться к проблематике памяти.

На сегодняшний день можно говорить не столько об отдельных концепциях культурной памяти, но и о целом направлении, специализирующемся на её изучении – *memory studies*. Однако ещё задолго до того, как оно сформировалось исследователи самого разного профиля (социологи, фило-

софы, историки и др.) включали в структуру своих интересов методу-проблематику. Одним из первых феномен памяти в её социальном, культурном измерении начал изучать немецкий социолог Морис Хальбвакс.

В работе «Социальные рамки памяти» [4] он предложил свою структурную характеристику понимания памяти в её эволюционном развитии от неосознанно-рефлексивного состояния во снах до революционно-социального бодрствования в момент коллективного влияния.

Пожалуй, главным достижением М. Хальбвакса в интерпретации феномена памяти является введение им понятия социальных рамок и в целом – обоснование социально обусловленной природы памяти. Учёный полагает, что память порождается той социальной группой, которую она сплавливает, что порождает ситуацию, в которой существует столько же памятей, сколько и социальных групп [4, с. 16].

Кроме того, М. Хальбвакс структурной единицей памяти называет воспоминание, указывая на его предельно субъективный характер и на его способность искажать содержание памяти: «... наше сознание, словно не может обращать внимание на прошлое, не деформируя его; поднимаясь на поверхность, наше воспоминание словно преобразуется, меняет облик, портится под действием интеллектуального света» [4, с. 56].

Учёный доказывает, что «не существует исключительно личной памяти. Ежедневно мы разделяем наши воспоминания с другими людьми в процессе коммуникации с ними. И даже если мы переживаем что-то в одиночестве, память об этом событии обусловлена тем, как воспринимают это событие окружающие. С течением времени обмен впечатлениями повторяется, и наша память все больше окрашивается эмоциями и субъективными мнениями. Индивидуальные образы вдруг начинают выражать полноценное отношение к жизни, высвечивать характер человека или семьи, проявлять настроения целого периода личной жизни» [4, с. 61].

Центральный тезис, развитый учёным в разных книгах, гласит: «Нет памяти, которая не является социальной». Даже и сколь угодно частные воспоминания формируются во взаимодействии с другими, постоянно возникают на почве социальности. Следовательно, не существует резких границ между собственными и чужими воспоминаниями, с одной стороны, так как они возникают в процессе повседневной взаимности и при использовании общих исходных рамок, а с другой – так как каждый человек несёт с собой и воспоминания других. Если представить себе гипотетический крайний случай совершенно одинокого человека, то у него не было бы вообще никаких воспоминаний, ибо «не существует возможной памяти вне тех исходных рамок, которыми пользуются люди, живущие в обществе, чтобы зафиксировать и обрести вновь их воспоминания» [4, с. 19]. Именно эти рамки М. Хальбвакс и назвал «социальными рамками памяти».

В целом, обобщая, можно сказать, что исследователь выделил следующие базовые характеристики социальной памяти:

1. Социальность. Память социальна в двойном смысле – она возникает в результате существования сообщества и позволяет сообществу сформиро-

ваться. Память отдельного человека включена в структуру групповой, социальной памяти и обусловлена ею.

2. Реконструктивность. Социальная память направлена на реконструкцию прошлого, точнее, той его части, которая вписывается в актуальные для группы социальные рамки, которая релевантна современным запросам и потребностям группы. Соответственно, прошлое, прошедшее отбор сквозь рамки памяти, и воспринимается предельно субъективно, то есть сквозь призму настоящего.

3. Антиисторичность. Можно говорить о том, что коллективная память нацелена на синкретичность, монолитность и непрерывность. В этом смысле социальная память группы противостоит истории, которая ориентирована на жёсткое структурирование временного потока, дифференциацию систематизацию, как самого прошлого, так и знаний о нём. Функция социальной памяти состоит в том, чтобы обеспечить самобытность и прочность группы. У истории совсем иные задачи. Кроме того, память всегда непосредственно связана с носителем – человеком или группой, тогда как история отстраивается от субъективного источника знаний о прошлом, выстраивая объективную картину минувшего.

Список литературы

1. Ассман, А. Трансформации нового режима времени (пер. с англ. Вл. Кучерявкина под ред. А. Скидана) / А. Ассман // «НЛО» Независимый филологический журнал. – 2012. – № 116 [Электр. ресурс]. – Режим доступа http://magazines.russ.ru/nlo/2012/116/a4.html#_ftnref7
2. Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность высоких культур древности / Я. Ассман / Пер. с нем. М. М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
3. Нора, П. Франция-память / П. Нора. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургский ун-т, 1999. – 333 с.
4. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ЦЕНТРА ДЕКОРАТИВНОЙ КОМПОЗИЦИИ

Костюков Ю.В.

научный сотрудник,

Краснодарский художественный музей им. Ф.А. Коваленко,

Россия, г. Краснодар

В статье рассмотрен вопрос об определении центра декоративной композиции. Описывается методика его установления. На основе анализа росписи конкретного фарфорового изделия показано, как осуществить поиск центра декоративной композиции.

Ключевые слова: цветное пятно, декоративная композиция, центроид.

При проведении искусствоведческих экспертиз на разрешение специалистов ставятся вопросы, относящиеся к отдельным элементам декорирования изделий: определение масс цвета, исследование геометрии цветовых пятен в пространстве орнаментальной композиции и др.

В экспертной практике этот круг вопросов постоянно расширяется и, следовательно, требует разработки новых методик.

Одним из таких новых вопросов является вопрос об определении центра масс цвета композиции в метрическом пространстве декоративной росписи.

Анализируя композицию декоративной росписи на фарфоровой посуде, эксперты опираются на такое понятие, как цветное пятно [3, с. 123]. Под цветным пятном понимается некоторая область пространства имеющая границу.

Остановимся на определении массы Sm_σ цветового пятна. Пусть это будет белый круг на черном фоне (материал пятна не учитывается). Из физики известно, что энергия E света от пятна с площадью S равна:

$$E = Ist,$$

где I – освещенность пятна, t – время наблюдения пятна [4, с. 189 – 190].

С другой стороны,

$$E = m_\sigma C^2,$$

где C – скорость света. При $C = 1$

$$m_\sigma = Ist.$$

Следовательно, масса пятна равна произведению освещенности пятна на его площадь за время наблюдения.

Относительная масса равна

$$m_\sigma^l = \left[\frac{I_r - I_\sigma}{I_\sigma} \right] St = St,$$

где I_r – освещенность фона.

Если фон белый, а пятно черное, то

$$m_r = \left[\frac{I_r - I_\sigma}{I_\sigma} \right] St = -St.$$

Это вполне реальная масса, которая обладает реальной энергией, как и масса любого физического тела.

Из таких пятен создается некоторая композиция пространства. Исследуем его свойства, в частности, найдем центр масс композиции.

Несмотря на то, что в случае декоративной росписи размеры пятна соизмеримы с расстоянием между пятнами пятно можно принять за материальную точку, т.е. точку обладающую массой этого тела (пятна).

Из механики известно, что центром масс, а конкретнее, центроидом системы точек называется центр тяжести тела, образованного равными точечными массами, помещенными в эти точки и жестко соединенными невесомыми стержнями [1, с. 83].

Очевидно, что центроид системы из одной точки, совпадает с этой точкой. Середина M невесомого стержня соединяющего два тела, имеющих равные массы m_1 и m_2 является центроидом системы из двух материальных точек с массами m_1 и m_2 .

Однако чтобы найти центр масс системы из большего, чем два числа точек, воспользуемся следующими свойствами центра масс:

1. Всякая система, состоящая из конечного числа материальных точек с равными массами, имеет центр масс и притом единственный.

2. Центр масс системы из двух материальных точек с равными массами расположен в середине отрезка, соединяющего эти точки.

3. Если M_1 – центр масс системы k точек $A_1, A_2, \dots, A_k$, а M_2 – центр масс системы l точек $B_1, B_2, \dots, B_l$ и эти системы не имеют общих точек, то центр масс системы $k + l$ точек $A_1, A_2, \dots, A_k, B_1, B_2, \dots, B_l$ – это точка M принадлежащая отрезку M_1M_2 и делящая его в отношении $\frac{M_1M}{MM_2} = \frac{l}{k}$.

Применяя данные свойства к системам, состоящим из трех масс (треугольник) и четырех масс (четыреугольник), получим, что центр масс треугольника принадлежит каждой из его медиан, а центр масс четырехугольника – каждой из его средних линий.

Таким образом, центр масс совпадает с геометрическим центром пространства, и композиция приобретает симметрическую форму. Такое заключение в совокупности с другими данными имеет существенное значение для определения центра декоративной композиции, а также оценки других фактических данных, установленных в процессе исследования.

На примере из экспертной практики покажем, как найти центр масс четырех цветочных пятен в пространстве декоративной росписи фарфорового блюда (рис.) [2. с. 268].

Рис. Блюдо. Императорская венская мануфактура

Проведем через орнаменты – цветочные пятна – на бортах блюда два пересекающихся в центре его зеркала отрезка и рассмотрим отношения между ними (кривизна пространства, возникающая при переходе от борта ко дну, не учитывается). Для этого переформулируем условие задачи на языке геометрии: докажем, что две средних линии четырехугольника имеют общую точку, и каждая из средних линий делится этой точкой в отношении 2 : 2.

Пусть $A_1A_2B_1B_2$ – данный четырехугольник; M_1M_2 , M_3M_4 – его средние линии. Загрузим вершины A_1, A_2, B_1, B_2 равными массами, – например по 1 усл. ед. Получающаяся система четырех материальных точек $1A_1, 1A_2, 1B_1, 1B_2$ имеет однозначно определенный центр масс 2 (свойство 1).

В силу свойства 3 положение центра масс не изменится, если массы материальных точек $1A_1$ и $1A_2$, а так же $1B_1$ и $1B_2$ мы перенесем в их центры масс, т.е. (согласно свойству 2) в точки M_1 и M_2 .

Но тогда M окажется центром масс лишь двух материальных точек $2M_1$ и $2M_2$. Значит, $M \in [M_1M_2]$.

Аналогично убедимся, что $M \in [M_3M_4]$.

Таким образом, обе средние линии имеют общую точку M .

Кроме того, по свойству 2 имеем $2|MM_1| = 2|MM_2|$, или $\frac{|MM_2|}{|MM_1|} = \frac{2}{2}$.

Установленные данные позволяют сделать вывод о том, что центр декоративной композиции блюда находится на пересечении двух отрезков проведенных через орнаменты на бортах блюда и орнамент в центре его зеркала, и тем самым еще раз подтвердить координаты центра композиции, установленные в процессе первоначального визуального исследования предмета.

Список литературы

1. Амелькин В.В., Рабцевич В.Л., Тимохович В.Л. Геометрия на плоскости: Учебное пособие. – Мн.: ООО «Асар», 2003. – 592 с.
2. Искусство Западной Европы: каталог / Краснодарский краевой художественный музей имени Ф.А.Коваленко. – М.: Художник и книга, 2006. – 316 с. ил.
3. Милдс М., Лаушке Р. Роспись фарфора. – М.: Легкая индустрия, 1971. – 280 с.
4. Элементарный учебник физики. В 3 – х т. / Под ред. Г.С. Ландсберга. Т. 3. Колемания и волны. Оптика. Атомная и ядерная физика. – М.: Шрайк, 1995. – 656 с.

ДРАКОН (龍) В КИТАЙСКОЙ МИФОЛОГИИ

Панкова К.С.

студентка 2 курса кафедры зарубежного регионоведения,
Евразийский лингвистический институт Московского государственного лингвистического университета, Россия, г. Иркутск

В статье исследуется образ дракона в китайской мифологии, его происхождение, описание, разновидности, а также символическое значение.

Ключевые слова: дракон (龍), символ, мифология.

В китайской культуре закреплено большое количество образов мифических существ [4]. Дракон является одним из символов Китая. По поверьям китайцев он способен дышать огнем, управлять дождем и ветром, летать в облаках и заведовать морями. В китайской мифологии ему посвящено множество сказаний и легенд, однако до сих пор нет точной версии его проис-

хождения. Существует ряд легенд, в которых описывается тотемизм. Согласно этим легендам дракон был защитником племени, и ему приносились жертвы. Появление других легенд о драконах, вероятно, связано с останками динозавров, которые китайцы находили еще в III веке до нашей эры и предполагали, что обнаруженные скелеты являются свидетельством существования драконов. Также есть версия, что драконы имеют родство со змеями, ящерицами и другими животными, с которыми они внешне схожи [8], [9], [14]. Предположения о происхождении образа дракона можно сделать и по знакам китайской письменности [7], несмотря на длительную историю языка и его развития [5]. С.М. Георгиевский полагал, что знак 龍 лун (long) «дракон» «представляет (как толкуется в лексиконе Шо-вэнь) сокращение комбинации иероглифов 肉 (мясо) и 飛 (летать), – летающее мясо, летающее животное. В виду того, что дракон изображается китайцами не в форме птицы и играет весьма важную роль в их религиозных и поэтических воззрениях, можно думать, что древние китайцы составили себе понятие о драконах по какому-либо виду летающих животных, исчезнувших ныне с лица земли» [6].

Рассматривая изображения китайского дракона, можно заметить, что его тело состоит из частей тел других животных. Ему приписывают голову лошади, рога оленя, хвост змеи, чешую карпа (чешуй, как правило, должно быть 81 или 117), лапы тигра и когти орла. На макушке у дракона находится шишка, благодаря которой они могут летать без крыльев. Размеры дракона варьируются от 1 до 300 метров [9], [10].

В зависимости от того, за что отвечают драконы, китайцы распределили их на пять основных видов: Тяньлун (天龍) – небесный дракон, прислуживающий Богам; Фуцанлун (伏藏龍) – дракон сокровищ, охраняющий драгоценные металлы; Дилун (地龍) – земляной дракон, управляющей морями; Инлун (應龍) – божественный дракон, отвечающий за погодные условия; Чилун (螭龍) – дракон-демон, в подчинении которого находятся горы. Согласно китайским мифам дракон имеет девять сыновей (龙生九子): Биси (赑屃) – старший из девяти детей дракона, имеет форму черепахи с острыми зубами и любит переносить тяжести, поэтому часто изображается на монументах; Цюню (囚牛) – желтый чешуйчатый дракон, имеющий пристрастие к музыке и изображающийся на музыкальных инструментах; Яцзы (睚眦) – зверь со змеиным животом и головой леопарда. Он любит убивать, поэтому часто его изображение используется для украшения рукояток холодного оружия; Пулао (蒲牢) – морской зверь, известный своим плачем. Им украшают колокола; Чивэнь (螭吻) – зверь, имеющий резкий голос и получающий удовольствие от поедания других существ. Его фигурой украшают крыши, чтобы он «поедал» дурные вести. Является популярным архитектурным элементом; Биань (狻猊) – зверь, любящий судебные процессы. Его можно встретить на тюремных воротах; Суаньни (狻猊) – зверь, который имеет форму льва, сидящего со скрещенными лапами. Его помещают у ног Будды; Таоте (饕餮) – зверь, любящий есть. За это его изображение помещали на сосуды для жерт-

воприношений; Цзяту (椒图) – зверь, имеющий вид морской раковины и любящий покой. За это его размещают на концах дверных ручек или проемов [2], [3], [20].

В Китае издавна дракон служил символом императорской власти и изображался на одеждах императора, что нередко отражается в современных именах собственных [18]. Во времена династии Шан (1600-1027 гг. до н.э.) дракон являлся сверхъестественной силой, которой поклонялись люди. Во времена династии Западное Чжоу (1027-771 гг. до н.э.) образ дракона был сильно ослаблен из-за появления нового образа – феникса. Однако во время восточного Чжоу (771-221 гг. до н.э.) образ дракона снова усилился и стал символом мужского начала – Ян. А во время династии Цинь (221-206 гг. до н.э.), согласно поверью, император Цинь Шихуан, поддерживавший легизм [12], на закате своей жизни обратился в дракона и навсегда поднялся в небеса, что указывает на тесную связь между этим божественным животным и Сыном Неба. Достичь художественного совершенства дракон смог во время династии Мин (1368-1644 гг.). Именно тогда дракон сыграл важную роль в традиционной китайской живописи [3], [14], [16].

С древних времен и до наших дней в сознании китайцев глубоко укоренился образ дракона. Еще в период Чжаньго появлялись почерки вроде «чжуань драконов и тигров» [13]. Знак «龍» вошел в число простых знаков, закрепившихся в китайской лексикографии в ключевых поисковых системах, даже в упрощенном виде [15].

В отличие от европейского дракона, злого разрушителя, китайский представляет собой доброе начало. Он символизирует силу и превосходство, доблесть, смелость, стойкость, благородность и божественность. Он приносит процветание и удачу, отгоняет злых духов и дарует защиту и покой. Кроме того, дракон является одним из 12 священных животных китайского гороскопа, согласно которому, человек, родившийся в год дракона, будет успешным, здоровым и счастливым. Важной частью китайской культуры является ритуал [17]. Символ дракона является частью ритуальной культуры китайцев. Китайцы чтят драконов, в их честь воздвигают храмы и устраивают праздники. Самым популярным праздником, посвященным дракону, является праздник драконьих лодок. Это день, основным событием которого становится состязание по гребле на лодках, сделанных в виде дракона [1], [9], [21].

Отражением символов китайской культуры являются идиомы-чэньюи [11]. В таких идиомах часто фигурирует образ дракона (龍). Вот некоторые из них:

- 酒虎诗龙 (jiu hu shi pong) – человек, пристрастившийся к прекрасному вину, способный творить, писать стихи [19];
- 龙飞凤舞 (взлёт дракона и пляска феникса) – так говорят об очень красивом почерке, либо, наоборот, о небрежном скорописном почерке;
- 鱼龙混杂 (перемешались рыбы и драконы), то есть всевозможные, всяческие;

- 龙腾虎跃 (дракон взлетает, тигр прыгает), то есть быть полным сил, носиться туда-сюда;
- 车水马龙 (поток экипажей и вереница лошадей) – говоря о большом движении и оживлении на улицах;
- 龙潭虎穴 (пучина дракона и логово тигра), то есть опасное место;
- 画龙点睛 (нарисовав дракона, пририсовать ему зрачки) – внести последние поправки, завершающие штрихи;
- 叶公好龙 (Е-гун любит драконов) – слова, не подкрепленные делом, пустая болтовня) [3].

Таким образом, можно сказать, что образ дракона прочно закрепился в социальной и духовной жизни китайцев. Про него слагают легенды, его изображениями украшают архитектурные памятники и постройки, в его честь воздвигают храмы и устраивают праздники. Часто китайцы называют себя «потомками дракона», а сам дракон по праву является символом китайской нации в целом.

Список литературы

1. Chinese Dragons [Электронный ресурс] <http://www.crystalinks.com/chinadragons.html>
2. Chinese Dragons [Электронный ресурс] <http://www.draconika.com/chinese.php>
3. The Chinese Dragon: a Symbol of Strength and Power, Annie Wu, [Электронный ресурс] <http://www.chinahighlights.com/travelguide/article-chinese-dragons.htm>
4. Адилханян Н.Л. Континуум существ потустороннего мира в эмблематическом аспекте (на материале русского и китайского языков) // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 4. С.13-17.
5. Воронина О.Ю. История китайского языка в трактате Пань Юньчжуна // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири Magister Dixit. 2014. № 4 (16). С. 18-24. – http://md.islu.ru/sites/md.islu.ru/files/rar/1_voronina.pdf.
6. Готлиб О. М., Кремнёв Е. В., Шишмарева Т. Е. Отечественные труды в области грамматики китайской письменности второй половины XIX – первой половины XX вв. В. П. Васильев, С. М. Георгиевский, Ю. В. Бунаков, И. М. Ошанин: монография / О. М. Готлиб, Е. В. Кремнёв, Т. Е. Шишмарева. – Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2014. – 283 с.
7. Готлиб, О.М., Шаравьева, И.В. Об основных грамматологических единицах китайской системы письменности [Текст] / О.М. Готлиб, И.В. Шаравьева // Китай в эпицентре глобальных проблем АТР: Тезисы докладов XX Международной научно конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». Москва, 16-18 октября 2-13 г. – М.: ИДВ РАН, 2013. – С. 451-452.
8. Драконы мифологии [Электронный ресурс] <http://dragonsgworld.0pk.ru/viewtopic.php?id=14>
9. Китайский дракон [Электронный ресурс] http://shelkway.ru/tekstovye_razdely/kitajskij_drakon/
10. Китайская мифология / Китайские драконы [Электронный ресурс] http://world-of-legends.su/kitai/kitai_drakon
11. Кобжицкая, О.Г. Культурологический аспект изучения китайских идиом чэньюй [Текст] / О.Г. Кобжицкая // Межкультурный диалог в пространстве Азиатско-Тихоокеанского региона: сборник научных статей. – Хабаровск, 2013. – С. 171-176.
12. Корешкова Ю.О. Отражение культуры государственного управления Древнего Китая в трактате «Хань Фэй-цзы» // Древо познания и дерево знания. Магистерские исследования. Иркутск, 2015. С. 232-241.

13. Кремнёва Т.А. Эволюция стилей китайской каллиграфии // Дерево познания и дерево знания. Магистерские исследования. Иркутск, 2015. С. 241-261.
14. Лун – Китайский Дракон 真龙天子 – Истинный дракон, Сын Неба, Упитис Полина, Оганесян Мари, [Электронный ресурс] <http://mifologia.osipova-pr.com/sodržanie/drevnij-kitaj/lun>
15. Максименкова А.М. О некоторых причинах упрощения ключевой поисковой системы // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири Magister Dixit. 2011. № 4. С. 19.
16. Мифологическая энциклопедия [Электронный ресурс] <http://myfholology.info/monsters/dragon-kitay.html>
17. Серебренникова Е.Ф., Хадеева А.П. Ритуал в семиотическом измерении пространства китайской культуры // Общество и государство в Китае Материалы 44-ой научной конференции. Сер. "Ученые записки Отдела Китая" Федеральное государственное бюджетное учреждение науки "Институт востоковедения" Российской академии наук. 2014. С. 707-713.
18. Хамаева Е.А. Китайские антропонимы: монография Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2015. 308 с.
19. Хо О. А. Культура вина в Китае: монография. – Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2015. – 194 с.
20. 龙在中国有什么象征意义? [Электронный ресурс] http://zhidao.baidu.com/link?url=j1s2cpMwXaGAWeaJTPkdFCv8qOXmZ3C9te-CYUOYXKGfKDmLj__rgBmSymmm4rF9o4PMYOhdIKilb9WvBHTpva
21. 龙在中国民俗中有哪些象征意义 [Электронный ресурс] http://zhidao.baidu.com/link?url=j1s2cpMwXaGAWeaJTPkdFCv8qOXmZ3C9te-CYUOYXKGfKDmLj__rgBmSymmm4rF9o4PMYOhdIKilb9WvBHTpva

ИННОВАЦИИ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

Попова Е.О.

Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Россия, г. Томск

В статье рассказывается об инновациях в сфере культуры, их важности, внедрении и использовании в театрах, музеях, библиотеках, выставках.

Ключевые слова: культура, инновации, сфера культуры, традиции, внедрения, искусство.

В наше время, в век высоких технологий мы часто употребляем слово инновации. Связывая его со многими другими терминами и определениями. Мы считаем, что инновации это просто что-то новое, но на самом деле инновации – это только такое новшество, которое серьезно повышает эффективность действующей сферы или системы.

Инновации могут быть в разных, практически во всех сферах нашей жизни, инновации в образовании, культуре, науке, здравоохранении, туризме, производстве и т.д.

Инновации в сфере культуры, являются наиболее интересными. Так как нам всем сложно представить, что культура может тесно сотрудничать с ин-

новациями, серьезными нововведениями, внедрениями совершенно нового и сверх эффективного. Культура – это традиции, обычаи, все, что идет испокон веков, то чему присущ высокий уровень нормативности, все чему нас учат с детства о том, что такое культура и как её соблюдать [2, стр. 28]. А инновации – это введение новых технологий, в ту область и ту сферу человеческой деятельности, где их никогда не было, а если были, то только малейшие и практически не заметные проявления.

Если объединить эти два понятия, то мы можем получить новое словосочетание инновации в сфере культуры, несущее за собой огромный смысл и множество размышлений о том, что же это все-таки такое. Инновации в сфере культуры – это оптимизация соотношения между традициями и обновлениями общества, различными типами и видами культур [3, стр. 6]. Они могут быть представлены на примерах театра, кино, художественных выставок, концертов и т.д.

Возьмем за пример для рассмотрения такие инновации в сфере культуры как открытие и существование художественных выставок на расстоянии. И выставки людей не профессионалов, так называемых людей с улицы. Выставки на расстоянии являются инновациями в сфере культуры, потому что человек может сидеть дома и через компьютер гулять по музею, для этого существуют интернет трансляции и специальные программы. Так у людей появляется еще больший интерес посетить реальный музей. В этом случае проявляется явное сочетание традиций и инноваций. Ведь посещение музея – это традиции, а посещение его дистанционно это инновации. Так же можно рассмотреть выставки людей непрофессионалов в сферах фотографии и картин. В последнее время стали практиковаться такие выставки, когда находят людей, умеющих делать хорошие фотографии или рисовать красивый картины, но при этом эти люди не учились этому специально они просто как говорят, проходили мимо, их работы увидел профессионал и позвал сотрудничать с ним и организовать свою выставку. В этом примере так же четко видно сочетание и проникновение инноваций в сферу культуры [1, стр. 3].

Еще одним примером может служить использование инноваций в театрах. При последнем посещении театра я наблюдала такую инновацию как использование проектора и голографического изображения в спектакле. Так же примером инноваций в сфере культуры могут служить лазерные шоу, которые появились совсем не давно и еще происходит их развитие и усовершенствование.

В последнее время появляются новые формы творческой деятельности, такие как фестивали искусств, проекты, объединяющие музейное и театральное сообщества. И они требуют не только новых творческих подходов, но и использование информационных и технологических нововведений и навыков.

Еще происходят такие инновации как перевод литературы с печатных носителей в электронный вид, для повышения доступа и гарантий сохранности данных для настоящего и будущего поколений. Например, проект по оцифровке рабочих тетрадей и рукописей А.С. Пушкина из собраний пушкинского дома. Такая технология по оцифровке и сохранению в первона-

чальном виде существует и в Научной Библиотеке Томского государственного университета.

Таким образом, инновации в сфере культуры есть, и они очень значимы для общества и думать на эту тему можно очень долго и много. Поскольку инновации это всегда что-то новое и очень значимое. А в сфере культуры это хоть и спорное понятие, но все же они необходимы больше всего. Ведь в последнее время и происходит значительное внедрение инноваций в культуру.

Список литературы

1. Илле М.Е. Петербуржцы в театрах, на концертах и выставках/ Исследование художественной жизни Санкт-Петербурга конца XX-начала XXI вв. / СПб: Норма 2008, стр. 2-5.
2. Казилова И.Н. Формирование инновационных методов управления в сфере культуры/Санкт-Петербург 2011, стр.1-400.
3. Николаев А. Инновационное развитие и инновационная культура/ Международный журнал «Проблемы теории и практики управления»/ Москва 2014, стр. 1-6.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ»

Сибгатуллин И.Ш.

аспирант кафедры социально-гуманитарных наук и туризма,
Нижевартовский государственный университет,
Россия, г. Нижневартовск

В статье рассмотрено не так давно появившееся и ставшее популярным в академическом дискурсе понятие «социокультурный». Проведен анализ данного понятия, употребленный в разных научных источниках. Термин «социокультурный» используется в современной трактовке в более широком понимании, чем просто переплетение понятий «социального» и «культурного». В том числе термин используется зачастую, как маркер с целью избежать некоторого рода детерминизма, так как в последнее время прослеживается ярко выраженная тенденция к интеграции и теоретическому синтезу междисциплинарных знаний.

Ключевые слова: социальный, культурный, культура, социокультурный, социокультурный подход.

При рассмотрении разного рода концепций и теорий с целью раскрытия процессов социокультурного развития велика вероятность столкнуться с большим количеством фактов, которые описываются в русле социологии культуры, этнологии, культурной антропологии, теологии культуры, истории культуры, культур-психологии и т.д. К сожалению, совокупность фактов не всегда проясняет природу проблемы. Таким образом возникает теоретическая потребность обнаружить единство процессов социокультурного развития, закономерности повторения и изменения социокультурных компонентов.

При обнаружении такого рода единства встает вопрос о раскрытии каждого составляющего элемента социокультурного развития. Различия между подходами к пониманию процессов социокультурного развития во

многим определены разным пониманием того, что подразумевают под собой понятия «социокультурный» и «культура». Как известно, «культура» – многозначное понятие, определений которого исчисляется сотнями. Вероятно, именно по причине этой неопределенности, а также ценностно-мировоззренческой наполненности определения «культура», многие исследователи вообще стараются его не использовать.

Сложности, возникающие при определении понятия социокультурного развития, обусловлены и тем, что культура становится объектом анализа таких наук, как философия культуры и культурная антропология. Кроме того, культура является основным объектом изучения культурологии как научной дисциплины. Подобный вопрос стоит и с не так давно появившимся и ставшим популярным в академическом дискурсе понятием «социокультурный», более актуальным с нашей точки зрения.

По версии Л. В. Малес, появление термина «социокультурный» было связано с «неполнотой описания реальности словообразованиями на основе каждого из концептов «социальный» или «культурный» по отдельности и стал использоваться в социальных науках в качестве альтернативы этим двум» [6, с. 29].

С этим мнением вполне согласны исследователи Н. Черныш и О. Ровенчак, характеризуя данный термин «биномом». Исследователи утверждают, что понятие «отражает неразрывное органическое переплетение социального и культурного – мирового сообщества, обществ, общностей, человека, культуры, окружающей среды» [13, с. 101]. В этом определении мы видим попытку более детально охарактеризовать понятие, включая в него такие элементы, как мировое сообщество, общество, общность, человек, культура, окружающая среда.

Существенной причиной обращения к данному термину, по мнению А. Л. Темницкого, является объяснимое в 1990 – е гг. желание исследователей избежать давления парадигмы экономического детерминизма К. Маркса. Темницкий утверждает, что в данном понятийном аппарате актуальным и продуктивным представляется использование социокультурного «в качестве эффективного понятийного средства для раскрытия особенностей трансформаций в постсоветском обществе» [11, с. 141]. Помимо этого, проанализировав большое количество источников, где используется термин «социокультурный», в своей статье «Социокультурное: от нерасчленённого понятия к дуальным оппозициям» автор приходит к мнению, что выявленные подходы к интерпретации понятия «социокультурное» в разных источниках показали, что «его применение может быть не только указанием на роль нематериальных факторов при объяснении разного рода социальных и процессов и феноменов, но и аналитической переменной, раскрывающей особенности соотношения социальной и культурной компонент в том или ином пространственном и временном контексте» [11, с. 162]. Здесь мы видим некоторую дифференциацию понятия «социокультурный» в пространственно-временном контексте, поэтому, подводя итоги своей работы, исследователь говорит, что «то, что вчера было социальным, сегодня может оказаться культурным, и наоборот».

Некоторые исследователи раскрывают понятие «социокультурный» через призму других определений. Факт использования данного понятия подобным образом характерен для многих исследователей. Так, в отечественной энциклопедии «Культурология. XX век» содержится только статья о «социокультурной системе», где ее автор В. Николаев раскрывает значение понятия «социокультурный» через призму термина «социокультурная система». В. Николаев утверждает, что употребление понятия «социокультурная система» позволяет создать многофакторный подход к изучению «социокультурной реальности и избежать социологического (Э. Дюркгейм и французская социологическая школа), технологического (К. Маркс, В. Огборн, Т. Веблен) и культурного (Л. Вайт, А. Кардинер, М. Мид) детерминизма» [7, с. 438]. Здесь мы наблюдаем некоторую схожесть с утверждением А. Темницкого, который, как уже было сказано, видит первопричину обращения к данному понятию, как попытку избежать давления парадигмы экономического детерминизма К. Маркса.

Исследователь Ж. Т. Тощенко относится к термину «социокультурный» с некоторой скептичностью, говоря о том, что данным понятием «нередко подменяется все многообразие происходящих в обществе процессов (социально-экономических, социально-политических, социально-правовых и др.)» [12, с. 3]. Это вполне обоснованное утверждение, так как наука, со времени своего развития, сопровождается двумя противоположными, но непрерывно взаимодействующими процессами, – дифференциацией и интеграцией.

Как уже упоминалось ранее, большинство исследователей раскрывают значение понятия «социокультурный» через призму других определений. Ярким тому примером служит термин «социокультурный подход». Именно в условиях ярко выраженной тенденции к интеграции и теоретическому синтезу междисциплинарных знаний возник социокультурный подход – методологический подход, основанный на базе системного подхода. К примеру, Е. Г. Ефимов видит смысл социокультурного подхода как формы системного подхода в попытке рассмотрения общества как «некоторой целостности». За основу берется его понимание как «единства культуры и социальности, образуемых и преобразуемых деятельностью человека» [2, с. 269].

Вычленив понятие «социокультурный» из данного автором определения, мы снова можем наблюдать интегративную составляющую двух концептов «социального» и «культурного», но не просто единство этих концептов, а единство культуры и социального, образуемых и преобразуемых деятельностью человека. То есть непосредственную зависимость этих концептов от образующей и преобразующей деятельности человека.

Ю.М. Резник, исследуя социокультурный подход, приходит к выводу, что такой подход направлен на «единство и взаимосвязь трех компонентов социального познания – социально-философского, социологического и антропологического, объединяет, тем самым, их познавательные и методологические возможности» [8, с. 307]. Такой вывод автор делает на основе работ Л.Г. Ионина, который, заметим, говорит не о социокультурном подходе, а о социокультурном анализе, где социокультурный анализ – не столько научная

дисциплина, «сколько направление теоретического исследования, применяющее методологию и аналитический аппарат культурной антропологии, социологии и философии культуры и ставящее своей целью обнаружение и анализ закономерностей социокультурных изменений» [3, с. 16]. Здесь можно проследить основательную подмену понятий, но в нашем исследовании мы, в большей степени, ориентированы на раскрытие понятия «социокультурный» в контексте «социокультурного подхода». Таким образом, Ю.М. Резник раскрывает понятие «социокультурный» через три компонента социального познания – социально-философского, социологического и антропологического. То есть мы снова видим интегративную составляющую двух концептов – «социального» и «культурного», исследование которых проходит в русле социального познания, указанном автором, где снова наблюдается явная тенденция к междисциплинарной интеграции и теоретическому синтезу различных областей знания.

Исследуя социокультурный подход в разных источниках, можно проследить некоторую особенность исследователей склоняться к тому, что П. А. Сорокин считается основоположником социокультурного подхода. К примеру, Ю.Л. Белякова в своей работе говорит: «П. Сорокин заслуженно считается основоположником социокультурного подхода, который был обоснован и развит в его фундаментальном четырехтомном труде «Социальная и культурная динамика» [1, с. 1]. По мнению исследователя, исходный принцип теории социокультурного подхода на основе работ П.А. Сорокина заключается в том, что «коренные социокультурные изменения, связанные с заменой одной фундаментальной формы культуры другой, – события в истории человеческой цивилизации более важные и кардинальные, чем переход от монархии к республике, от капитализма к коммунизму, ибо самые коренные качественные трансформации в обществе происходят тогда, когда оно переживает «основательную и эпохальную революцию в человеческой культуре» [1, с. 1].

Рассмотрение понятия «социокультурный» через призму «социокультурного подхода» в этом случае становится спорным, так как ни в одной из исследованных работ П.А. Сорокина не говорится о социокультурном подходе, при этом любое явление общественной жизни определяется им как «социокультурное». В современном значении «социокультурное» обозначает нечто другое, чем просто «социальное», и мы уже проследили эту тенденцию на основе работ различных ученых. Поэтому к тезису об употреблении П.А. Сорокиным социокультурного подхода в современном его значении нужно относиться с крайней степенью осторожности.

Подводя итоги, можно констатировать, во-первых, что термин «социокультурный» используется в современном академическом дискурсе как маркер с целью избежать некоторого рода детерминизма, так как в последнее время прослеживается ярко выраженная тенденция к интеграции и теоретическому синтезу междисциплинарных знаний. Во-вторых, по мнению некоторых исследователей, данный термин подразумевает под собой переплетение «социального» и «культурного», но ограничивать это понятие такими

рамками не стоит, так как понятия «социальный» и «культурный» уже стали общенаучной лексикой. При употреблении в нейтральном академическом дискурсе, они также проникли в дискурс публицистический и социотехнический. Стоит также отметить, что данный термин связан с так называемой общенаучной лексикой, употребляемой, в основном, при формулировках цели, объекта, предмета, заданий или новизны исследования и т.д. Кроме того, раскрывая понятие через призму других определений, можно говорить о том, что указание термина «социокультурный» служит своеобразным идентификатором, маркером дисциплинарной (гуманистическая социология, социальная и культурная антропология) или парадигмальной (мягкая методология) принадлежности автора, его особенности и пока еще обособленности (ведь в целом институт науки пока позитивистский).

Список литературы

1. Белякова Ю.Л. Социокультурный подход: этапы формирования и основные императивы // Государственное управление. Электронный вестник. – 2011. – №29. – С. 1-8.
2. Ефимов Е. Г. Социокультурный подход как методологическое основание исследования современного социально-экономического развития России // Условия, ресурсы и факторы развития России в XXI веке : сб. науч. ст. по итогам всерос. науч. конф., 20-22 окт. 2009 г. / ВолгГТУ [и др.]. – Волгоград, 2009. – С. 269-272.
3. Ионин, Л. Г. Социология культуры. –4-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. – 427 с.
4. Лапин Н.И. Социокультурный подход и социетальнофункциональные структуры // Социологические исследования. – 2000. – № 7. – С. 3-12.
5. Лапин Н.И. Пути России: Социокультурные трансформации. – М., 2000.
6. Малес Л.В. Концептуализация социокультурного анализа в социологическом исследовании культуры общества (постановка проблемы) // Социологический диагноз культуры российского общества второй половины XIX – начала XXI вв: Материалы всероссийской научной конференции / Под ред. В.В. Козловского. СПб.: Интерсоцис, 2008. – С. 28-32.
7. Николаев В.Г. Социокультурная система // Культурология XX век. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 438–439.
8. Резник Ю.М. Социокультурный подход как методология исследований // Вопросы социальной теории. – 2008. – Т. 11. – Вып. 1(2). – С. 305-328.
9. Сорокин П.А. «Социальная и культурная динамика»: пер. с англ. – М.: Астрель, 2006. – 1176 с.
10. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов: Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
11. Темницкий А. Л. Социокультурное: от нерасчленённого понятия к дуальным оппозициям // Вестник Института социологии. – 2011. – № 3. – С. 141-163.
12. Тощенко Ж. Т. О понятийном аппарате в социологии // СОЦИС. -2002. – № 9. – С. 3-31.
13. Черныш Н. Ровенчак О. Социокультурный подход в социогуманитарных науках: обмен смыслами // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2005. – № 4. – С. 101-102.

ПРАВОСЛАВНЫЕ СВЯТЫНИ ДОНА

Сидоренко И.А., Менкеева Е.Э., Вагина В.О.

студентки, Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет, Россия, г. Ростов-на-Дону

В статье рассматривается история церкви Покрова Пресвятой Богородицы, ее переустройство и современное состояние.

Ключевые слова: культура, православные церкви, колокольня, прихожане.

Каждый человек, проживающий в Ростове-на-Дону, должен хоть немного знать о культуре, истории города и, конечно же, о православных святынях, которыми очень богат Донской край.

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы – одна из старейших церквей Ростова-на-Дону, располагается в самом центре города в Покровском сквере, на пересечении улицы Большая Садовая и проспекта Кировского. Церковь Покрова Пресвятой Богородицы называется также в народе Старо-Покровский храм.

Первоначально на месте нынешней церкви Покрова Пресвятой Богородицы стояла деревянная церковь, которая была в 1735 году разобрана и перенесена в крепость Димитрия Ростовского.

Первый Покровский храм был очень небольших размеров и предназначался лишь для военного сословия, населявшего крепость, но вследствие усилившегося народонаселения церковь постепенно расширялась, и 29 сентября 1784 года был освящен главный придел, позже был построен второй храм со звонницей, в котором находились самые первые в городе башенные часы. Этот храм просуществовал в течение 111 лет. На протяжении многих лет в этом храме на службах бывали выдающиеся люди России, среди которых – полководец Александр Суворов.

В 1831 году была разобрана колокольня, имевшая башенные часы с боем, а на её месте возвели новую. С 1850 по 1863 год идет обновление и переустройство церкви. В 1865 году вокруг неё выстраивается деревянная ограда, которая вскоре на средства ростовского купца Г.Н.Ткачева была заменена на железную.

Город развивался, его центр к концу XIX века переместился с улицы Московской на Большую Садовую, где по проекту академика архитектуры Померанцева было построено здание Ростовской думы и управы. Здесь открывались банки, возводили свои постройки крупнейшие торговые дома Ростова и России.

Старая Покровская церковь не могла вместить сильно возросшее количество прихожан, и поэтому 10 августа 1897 года в западной части подворья было освящено место для нового храма.

Возводилась церковь в конце XIX – начала XX веков, когда повсеместно еще господствовала эклектика с ее многочисленными направлениями: «псевдоготика», «неоренессанс». Городской архитектор Г. Васильев был

приверженцем неоклассицизма и неорусского стилей. Многим знакомы его постройки, такие, как, например, церковь в хуторе Недвиговский, колокольня в слободе Обуховка.

В это время формируется очень витиеватый и замысловатый силуэт Большой Садовой улицы, на которой многочисленные, прижатые друг к другу, постройки завершались куполами со шпилями, аттиками сложной конфигурации, вазонами, фронтонами... А церковь должна была доминировать среди окружающей застройки и выделяться своей монументальностью и величием.

Пожалуй, самым удивительным в этой церкви была её объемно пространственная композиция, включающая, будто сошедшую из сказок, устремленную вверх колокольню с шатровым, оформленным слуховыми окошками, завершением. Традиционная для русских православных церквей схема, где по оси восток-запад располагаются притвор, колокольня, трапезная, сам храм с приделами и апсидой, решался здесь очень индивидуально. Шлемовидное завершение центрального объема церкви и шатровые приделы боковых входов, увенчанные двухъярусными главками-луковками, подкрестными яблоками и ажурными коваными крестами, создают интересный пластический эффект [1, с. 46-47].

И тем большую утрату чувствуешь, что эта церковь не сохранилась, а в настоящее время на этом месте сквер и здание гостиницы «Интурист», где затерялись следы нашего прошлого.

В 2005 году началась история строительства современного Старо-Покровского храма в Ростове-на-Дону. Старо-Покровский храм строился на пожертвования, которые собирались по всей России.

В наши дни Старо-Покровский храм – это величественное и белоснежное здание с красивейшими золотыми куполами. Высота Старо-Покровского храма составляет 30 метров. Вход в храм украшает мозаика, полы в храме мраморные, иконостас вырезан из белого мрамора.

Незадолго до освящения храма, 25 июня 2007 г. перед храмом в Покровском сквере был открыт памятник императрице Елизавете Петровне. Высота памятника более 7 метров, вес самого гранитного постамента составляет около 50 тонн.

Ростов-на-Дону бережно хранит православную культуру, передаёт её из поколения в поколение. Благодаря пожертвованиям, строятся новые храмы, реконструируются старые, всё это говорит об открытости и доброте души русского народа.

Список литературы

1. Шевченко Л.Л. Православная культура. – М.: 2010. С. 87.

РУССКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ О МУЗЫКЕ

Царёва Г.В.

доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, канд. культурологии, доцент, Ульяновский институт гражданской авиации имени Главного маршала авиации Б.П. Бугаева, Россия, г. Ульяновск

В статье анализируются научные воззрения русских мыслителей относительно феномена музыкального искусства в разные культурно-исторические периоды. Выявляется и обосновывается сущность музыки, ее специфика.

Ключевые слова: музыка, музыкальное искусство, теория музыки, философия музыки, музыкальная культурология, русская культурологическая мысль о музыке.

Русская культурологическая мысль о музыке развивалась в разные исторические периоды. Феномен музыкального искусства осмыслялся отечественными учеными в соответствии с их воззрениями и научными направлениями. Так, Л.Н. Толстой называл музыку стенографией чувств, В.В. Медушевский считал музыку сокровищницей духовной культуры, хранилищем всего лучшего, что передумало и пережило человечество. У Е.В. Назайкинского музыка – искусство психических состояний, искусство эстетического анализа.

Музыкальная философия на Руси в период до XVII в. была музыкальной теологией. Три области сущего – божественное, небесное и земное – составляли сферы художественного интереса мастеров древнерусской музыки. Сама музыка полагалась сошедшей с небес (небесное явление), а мелодические формулы (осмогласие) – сосредоточение мира христианских чувств в музыке.

Переломный XVII в. ознаменовал процесс секуляризации музыки церковной. Н. Дилецкий в трактате «Мусикийская грамматика» определял музыку не как божественное пение, а скорее в духе идей Просвещения: «Что есть мусикия? Мусикия есть кая пением своим или игранием сердца человеческая возбуждает ко веселию или сокрущению или плачу» [2, с. 142]. Единомышленник Н. Дилецкого – И. Коренев, хотя и называл музыку «пением божественным», но также новаторски отстаивал принципы рационализма: «Разум к свету приводит», «мусикия есть вторая философия и грамматика...» [3, с. 105], где под философией исследователь подразумевал науку, исследование, рассуждение.

Самое яркое явление русской культурологической мысли о музыке в XIX веке была музыкально-философская концепция князя В.Ф. Одоевского, взгляды которого формировались под влиянием философии Ф. Шеллинга. Одоевский считал, что искусство – есть второе мироздание. Лишь философу, чей духовный слух возвышен созерцанием (а созерцание и есть «феория», духовное овладение сущностью), дано слышать и осознавать («судить») божественную музыку мира. Подобно философии, где человек «наслаждается

гармоническим спокойствием, музыка производит более глубокое впечатление на людей, живущих ... во внутренности их идеальной сферы» [6, с. 174].

Сущность музыки с позиции социальной была рассмотрена создателем теории интонации – Б.В. Асафьевым, который научно обосновал взгляд на музыку как интонационное искусство. В своей центральной работе «Музыкальная форма как процесс» автор высказывает суждение о том, что «музыка – всецело интонационное искусство», «искусство интонируемого смысла», поскольку «представляет собой разумную деятельность» [1, с. 343].

Идея об интонационной сущности музыки, широко обоснованная в работах Б.В. Асафьева, нашла отражение в трудах русских ученых (В.В. Медушевский, А.Н. Сохор, Ю.Н. Холопов и др.), которые подчеркивают, что интонирование является реальным бытием музыки, её существенным признаком, атрибутом, без которого она не может существовать.

Музыкальным воззрениям Б.В. Асафьева близка философия музыки А.Ф. Лосева, основные положения которой исследователь сформулировал в своей ранней работе «Музыка как предмет логики»: это музыкальное сознание, данное как музыкальное Бытие, в непрерывности «сплошного настоящего» музыкальных событий [4, с. 239]. Музыку Лосев трактует как «познание мира», по структуре вполне сходное просто с познанием. Для ученого – это формы проявления мироощущения, выявляющие разную меру оформленности: познавательную, логическую, структурную. И философия, и музыка для Лосева связаны с наиболее глубоким устремлением к смыслу жизни.

Исследования в области психологии эмоций и социальной перцепции (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев и др.), работы по эстетике, теории музыки и психологии музыкального восприятия (Б.В. Асафьев, В.В. Медушевский, Е.В. Назайкинский, С.Х. Раппопорт, А.Н. Сохор и др.) показали, что музыка, как никакой другой вид искусства, сильнее всех воздействует на эмоции человека, она образно моделирует явления действительности, процессы человеческой психики, ход мыслей, движения чувств. В музыке через эмоцию человек познаёт мир, то есть музыка есть эмоциональное познание действительности.

Подводя итоги осмысления русскими учеными сущности музыкального искусства, необходимо сделать вывод: среди всех существовавших и существующих по сей день концепций относительно феномена музыки, не было ни одной, за которой бы сегодня окончательно осталось признание полной завершенности и универсальности. В тоже время, основываясь на уже сформировавшиеся взгляды и суждения, можно констатировать, что музыка – это средство познания мира, данное человеку, чтобы он научился понимать самого себя, видеть красоту Вселенной и постигать смысл жизни.

Список литературы

1. Асафьев Б.В. Музыкальная форма как процесс: Кн. 1, 2 / Редакция, вступ. статья Е.М. Орловой. Л.: Гос. муз. изд-во, 1963. 380 с.
2. Дилецкий Н.П. Мусийская азбука партесного пения // Музыкальная эстетика России XI – XVIII веков / Сост. А.И. Рогов. М.: Музыка, 1973. С. 141-150.

3. Корнев И.П. Предисловие к «Грамматике русийской» // Музыкальная эстетика России XI – XVIII веков / Сост. А.И. Рогов. М.: Музыка, 1973. С. 105-140.
4. Лосев А.Ф. Музыка как предмет логики // А.Ф. Лосев. Из ранних произведений. М.: Изд-во «Правда», 1990. С. 195-392.
5. Музыка в пространстве мировой художественной культуры: учебное пособие к спецкурсу / Г.В. Царёва. Ульяновск: УлГТУ, 2009. 126 с.
6. Одоевский В.Ф. Опыт теории изящных искусств с особенным применением оной в музыке // Русские эстетические трактаты первой трети XIX в. В 2-х т. Т. 2. / Сост., вступит. статья и примеч. З.А. Каменского. М.: Искусство, 1974. С. 156-192.

СЕКЦИЯ «СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ КООПЕРАЦИИ В РОССИИ

Бабанина А.А.

студентка кафедры социальных технологий,
Институт управления, НИУ «БелГУ», Россия, г. Белгород

Давтян Д.В.

ассистент кафедры социальных технологий,
Институт управления, НИУ «БелГУ», Россия, г. Белгород

В статье проведена попытка изучения процесса сельскохозяйственной кооперации в качестве одного из направлений развития сельского хозяйства. Создание кооперации позволяет решить проблемы со сбытом продукции, ее качественной переработкой, способствует сокращению безработицы посредством появления новых рабочих мест, увеличению доходов населения. Изучение особенностей сельскохозяйственной кооперации, анализ барьеров и предложение путей ее развития, в настоящее время является одной из первоочередных задач регионального управления.

Ключевые слова: кооперация, сельское хозяйство, сельскохозяйственная кооперация.

Одной из наиболее актуальных проблем настоящего времени является развитие сельского хозяйства Российской Федерации. Потенциал развития данной сферы может быть раскрыт с использованием современных форм хозяйствования, к одной из которых относится сельскохозяйственная кооперация. В настоящее время сложились объективные предпосылки для развития сельскохозяйственной кооперации, в том числе связанной с производственной деятельностью. Однако механизм этого процесса нуждается в постоянном совершенствовании и приспособлении к изменяющимся экономическим условиям.

Кооперация – форма организации труда, при которой определенное количество людей совместно участвует в одном и том же или разных, но связанных между собой процессах труда [3].

Сельскохозяйственная кооперация – система сельскохозяйственных производственных и сельскохозяйственных потребительских кооперативов и их союзов [1].

Сущностью сельскохозяйственной кооперации является объединение на основе членства граждан и (или) юридических лиц, с сохранением своей юридической и хозяйственной самостоятельности, в целях ведения производства или оказания услуг в укрупнённых масштабах своими силами и в своих интересах [2, с. 53].

Десятки тысяч сельхозорганизаций различных направлений и форм собственности, фермерских и товарных личных хозяйств работают малоэффективно и деградируют, сворачивая товарное производство. Малые и средние формы хозяйствования испытывают проблемы со сбытом продукции, ее качественной переработкой, недостаточностью технических средств для вы-

полнения транспортных услуг, обработкой почвы и других работ. В подобных условиях потенциал развития кооперации реализуется не полностью, что ставит вопросы выработки мер, направленных на разрешение данных проблем. Эти проблемы могут быть решены путем развития сельскохозяйственных коопераций.

Кооперация позволяет своим участникам:

- обеспечить конкурентоспособность на рынках товаров и услуг;
- существенно повысить уровень доходов и благосостояния как за счет более эффективной деятельности, так и устранения излишних посредников, влияния на ценовые отношения на рынке;
- формировать активную поведенческую позицию участников кооперации, которые, являясь собственниками средств производства и произведенной продукции (услуг), имеют большую возможность для самоорганизации и участия в управлении хозяйственной деятельностью;
- за счет формирования кооперативных объединений на всех уровнях управления, в том числе на федеральном уровне, отражать интересы своих членов, влиять на аграрную политику государства;
- более полно использовать достижения научно-технического прогресса, современных технологий, обеспечить доступ к банковским и иным услугам.

Кооперативная форма позволяет организовать совместную деятельность таким образом, чтобы члены его имели возможность сообща решать имеющиеся проблемы и способствовать удовлетворению насущных потребностей, не теряя при этом своей деловой, экономической и юридической независимости. Также, путем создания коопераций возможно решить не только производственные, но и социальные проблемы – сократить безработицу, особенно среди молодежи, создать новые рабочие места, увеличить доходы населения [2].

Сельское хозяйство – это деятельность рисковая, поэтому развитию кооперации могут препятствовать различные барьеры и факторы. Рассмотрим некоторые из них:

- недостаточность методического обеспечения организационно-экономической деятельности сельскохозяйственных коопераций;
- дефицит кадров, знаний;
- неразвитый механизм финансово-кредитной поддержки кооперативных форм хозяйствования;
- отсутствие развитой инфраструктуры сбыта, переработки и хранения продукции.

Исходя из вышесказанного, можно выделить следующие основные направления развития сельскохозяйственной кооперации:

- формирование системы кредитной и страховой поддержки;
- расширение межхозяйственной кооперации по совместному производству отдельных видов продукции;
- совершенствование законодательной базы сельскохозяйственной кооперации;

– государственная поддержка должна быть направлена на создание благоприятных условий для эффективной деятельности сельскохозяйственных кооперативов в сфере производства продовольствия и в сфере оказания услуг товаропроизводителям;

– научное, информационно-консультативное и кадровое обеспечение сельскохозяйственной кооперации.

Таким образом, можно сделать вывод, что данные трудности невозможно устранить без четко определенной региональной политики в сфере развития кооперации, которая учитывала бы местные особенности развития сельскохозяйственного производства и способствовала повышению его эффективности путем создания кооперативных структур.

Список литературы

1. О сельскохозяйственной кооперации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 08.12.1995 № 193-ФЗ (ред. от 28.11.2015) // Справочно – правовая система «Консультант Плюс». Информ. банк. «Версия Проф». Разд. «Законодательство».

2. Янбых Р. О концепции развития кооперации на селе на период до 2020 года // Экономическое развитие России. 2013. №5. С. 53-56.

3. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс] / Справочно-информационный интернет-портал Академик, 2000-2014. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/98257/Кооперация> (дата обращения: 10.03.2016).

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНЩИНЫ В СОЦИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

Железнёва Р.Г.

старший преподаватель, Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет), Россия, г. Волоколамск

В статье рассматривается вопрос возможности решения межролевого конфликта современной женщины, что способствует снижению социальной напряженности личности и сглаживания границ социального, духовного, профессионально развития женщины как индивида в современном обществе.

Ключевые слова: женское начало, социальный статус, стереотип, межролевой конфликт.

На протяжении длительной истории человечества выдающиеся умы изучали, оценивали и определяли специфику женского начала, ее образа и поведения. Мифы о женской силе отражены в искусстве и религии большинства культур с древнейших времён, что отражает значимость женского начала в традициях. Однако, на протяжении веков менялось представление общества о сущности женщины, ее роли, обязанностях и ее предназначении.

Социально-психологический анализ существования современной женщины осуществлялся через отказ от натуралистического понятийного и терминологического аппарата [1, с.93].

С ростом научно-технического прогресса позиции женщины в социальном обществе укреплялись, стирались прежние стереотипы и представления, уходили в прошлое предписанные женщине ролевые обязательства. В результате сложились многомерные и противоречивые представления о женщине, помогающие в современных условиях систематизировать имеющиеся наблюдения и описать сущность личностного начала женщины.

Под влиянием внешних социальных факторов, довлеющих над сложившимися стереотипическими представлениями о роли мужчины и женщины в социальном мире, на современном этапе развития человеческого общества, традиционные нормы не имеют столь сильного социального давления на поведение, как мужчин, так и женщин. Это происходит в силу того, что экономическая составляющая, преобладает в ценностях современного человека над традиционными культурно-историческими нормами и правилами.

Человеческой психике свойственно экономить время и силы, подчиняться социальным нормам. Это фактически экономит мышление: все что от нас требуется в определенной социальной ситуации –это бездумно демонстрировать социально ожидаемое поведение [1, с.96].

Попытка человека минимизировать давление стрессоров на свое существование, приводит к выработке совершенно новых паттернов поведения индивида в обществе. Стираются гендерные различия, позволяя индивиду адаптироваться в новой для него социально-экономической ситуации.

В связи с этим, прежнее понимание сущности женщины, становится не ограниченным жесткими рамками социокультурного контекста в ее предназначении. Стираются границы социального, духовного, профессионального развития женщины как индивида в современном обществе. Поэтому на современном этапе развития социальных отношений в обществе наиболее актуальной задачей становится изучение социально-психологических особенностей современной женщины, как для науки психологии, так и для женской психологии в частности.

Проблемы, с которыми сталкивается современная женщина на данном этапе развития социума, приводят к невротизации, фрустрированности, искажению ролевой позиции женщины, к нарушению семейно-ролевых аспектов, в том числе нарушению репродуктивной функции.

Карьера или семья? Данный вопрос тревожит большинство опрошенных женщин. Возможно ли совмещение двух этих понятий в жизни женщины. И если такой возможности нет, что будет приоритетным направлением развития.

Многие женщины, отодвигающие замужество ради карьеры, испытывают чувство горечи и разочарования. Женщина, состоявшаяся в карьере, имеющая высокий социальный статус по прошествии времени начинает мечтать о тихой, спокойной семейной жизни. Меняется система ценностей. Возникает чувство одиночества, доводящая женщину до отчаяния, невротизируя ее личность. Задачей специалистов помочь женщине найти альтернативные направления развития и разработать стратегические пути для решения возникающих проблем в личной жизни женщины. Работать на опережение возник-

кающей ситуации. Большая роль в данном процессе отводится профилактике деструктивных состояний личности женщины.

Останется ли одинокой женщина, преуспевающая в сфере бизнеса, или выйдет замуж, будет иметь детей или останется бездетной – зависит от ее личного выбора. Но немногим из них удастся одновременно сделать карьеру и создать прочную семью, не отказываясь при этом от друзей, путешествий и т.д. Карьера большинства современных женщин требует от них много физических и душевных сил. Поэтому для всех семей женщин, которые активно создают экономическую или статусную базу характерно наличие межролевого конфликта: «работа или семья».

Сформированный в российском обществе стереотип, что все стремления женщины связаны лишь с удачным замужеством, рождением и воспитанием детей сегодня уже не соответствует действительности. Многие женщины хотят реализовать свой творческий потенциал не только в семейно-бытовой, но и профессиональной сферах [2, с.25].

Социологи объясняют это явление опасностью потерять работу, как для мужчин, так и для женщин. У женщин появилось больше возможностей для получения образования, позволяющего сделать карьеру [3, с. 68].

Кроме того, на современном этапе развития человечества появились технологии, позволяющие отложить рождение ребенка на более поздний срок. Возможность дистанционной работы помогает женщине совместить выполнения своих ролевых функций в семье и реализацию своих профессиональных возможностей.

Своевременная психологическая помощь в решении данных проблем позволит женщине успешно адаптироваться к изменяющимся социальным условиям без потери своего социального статуса и психологических искажений, сохранив при этом свое историческое предназначение.

Список литературы

1. Железнёва Р.Г. Влияние гендерных стереотипов на процесс самоидентификации современной женщины. // Знание. Понимание. Умение. 2009. – № 1. – С. 93-97.
2. Стрекалова Н.Д. Деловая женщина в современном бизнесе. – СПб., 1999. – С. 25.
3. Турецкая Г.В. Деловая активность женщин и семья // Социс. – 2001. – № 2. – С. 68 – 69.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИОЛОГИИ А.А. ЗИНОВЬЕВА

Ларин О.Н.

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия, г. Саратов

В статье рассматриваются методологические аспекты социологической теории отечественного философа и социолога А.А. Зиновьева.

Ключевые слова: социологический роман, социальный закон, идеология, социальный атом.

В настоящее время отечественная социология отошла как от идеологических ограничений советского времени, так и от нигилизма раннего постсоветского периода, и открыта к переосмыслению социологического наследия советской эпохи. В этом процессе особое место занимают социологические труды Александра Александровича Зиновьева (1922-2006), которые стали объектом развернутого осмысления в отечественной науке и за рубежом. Биография А.А. Зиновьева показывает его как человека многосторонне развитого, одаренного не только в научной сфере, но и в творческой. Его склонность к написанию сатирической прозы проявилась в виде написания множества коротких пародий, сатирических эссе и рассказов о проявлениях глупости, подхалимства и лицемерия.

В этих зарисовках отразилось критическое отношение к людским недостаткам, что и в его социальной теории впоследствии. Поэтому неудивительно, что первые опыты социологического осмысления общества получили у ученого, академическая карьера которого была непростой, именно форму романа. «Делая зарисовки отдельных людей или бытовых эпизодов, сочиняя сатирический рассказ или пародию, – отмечал автор в последствии, – я каждый раз видел в них способ выявления каких-то атомов, кирпичиков, которые, складываясь в различных пропорциях и конфигурациях, образуют общество в целом. И тогда, естественно, рано или поздно появлялось искушение суммировать, слить эти отдельные детали в единое целое, воссоздать облик общества, в котором мы живем. «Зияющие высоты» (издан в 1976 году в Швейцарии – О.Л.) и стали первым масштабным результатом такой работы» [1, с.52]. Можно утверждать, что сатира и резкие гротески Зиновьева явно переступали нормы дозволенного цензурой и властью.

В зарубежных публикациях («Зияющие высоты», «Желтый дом», «Гомо советикус», «Затея», «Коммунизм как реальность» и др.) ученый создал преимущественно сатирический облик советского общества. Он избрал форму, которую одни называют «социологическим романом», другие – «интеллектуальным романом». Анализ этих произведений должен производиться в рамках междисциплинарного подхода, так как парадоксальные социологические гипотезы и обличение недостатков строя находили воплощение в острой и неоднородной художественной форме. Многие писавшие о Зиновьеве единодушно – и справедливо – отмечали смешение в его книгах жанров и стилей, философских размышлений, раешника логического анализа и анекдотов.

«Я создал в литературе свой жанр, – отмечал А.А. Зиновьев, – социологический роман. То есть не просто социальный, а именно социологический. Конечно, я много читал, но никогда не собирался быть профессиональным литератором, а писателем стал, можно сказать, волею случая. Когда были изданы мои «Зияющие высоты», на Западе писали, что я, как метеор, вырвался на высоты мировой литературы. А вырвался я только потому, что пришел я не из литературы. В официальной литературе – и в советской, и в западной – меня просто бы не пропустили, а я обошел все преграды. Я пришел в литературу из науки. Я писал как человек, который разработал собственную научную теорию современности – и коммунизма, и западнизма. Литературным

трудом я занимался нелегально, потому что все мной написанное печатать было невозможно. Я принадлежал к той среде, которую можно назвать «интеллигентский фольклор» [2].

В социологических романах ученый не оперировал статистикой, опросами общественного мнения, ссылками на исследования специалистов. Воплощая стремление к качественной, принципиальной оценке происходящего, он опирался на собственный жизненный опыт. Он видел противоречие между официальным провозглашением «развитого социализма» в СССР и реальным положением среднеразвитого в экономическом отношении государства. Даже к середине 80-х годов, когда по заявлению Н.С. Хрущева, у нас должен был бы быть коммунизм, наш ВВП на душу населения был в среднем в три раза ниже, чем в странах Запада.

Главным предметом критики А. Зиновьева было государственное управление. «В хрущевские годы, – писал социолог, – сенсацию в Советском Союзе произвела идея, что начальники не должны сами затачивать карандаши, поскольку их драгоценное время и творческие силы нужны для более важных дел. Напечатали по этому поводу миллионным тиражом брошюру привезенного из Америки менеджера. Кабинеты начальников украсились стаканчиками, наполненными карандашами, остро отточенными секретаршами. Спроектировали специальную машинку для затачивания карандашей. Дело ограничилось, конечно, проектами. Начальники же, освободив свои творческие силы от затачивания карандашей, бросили их на усиленное взяточничество и карьеристские интриги» [3, с.48-49]. Несоответствие причин и предпринятых мер вызывало сожаление и закономерное осуждение, подтверждая грядущие выводы автора о неизменности социальных законов.

Объектов критики было достаточно. В СССР наблюдался дефицит товаров, хотя и не такой катастрофический, как к концу горбачевской «перестройки», в городах ощущалась нехватка жилья, так как за годы советской власти городское население выросло на 100 млн. человек. Что касается гражданской культуры, то наряду с героями труда большую часть населения составляли некультурные, эгоистичные мещане, обыватели, – как, впрочем, и в других цивилизованных странах.

Образ обывателя, мещанина, потребителя, живущего по законам экзистенциального эгоизма, стал центральным объектом критики автора. При этом А.А. Зиновьев выделял этот социальный тип как лидирующий не только в Советском Союзе, но и в странах Запада.

Формирование этого образа, по мнению ученого, было детерминировано законами развития общества. Под «социальным законом» А.А. Зиновьев в традиции Н. Макиавелли понимал не идеальные, а реально проявляемые черты наших современников. «По мере повышения жизненного уровня, роста образованности и культуры и более резкого расслоения общества, – писал он, – стала формироваться новая система ценностей, оттеснившая ценности труда и коллективной жизни на задний план... Реальные советские люди в массе своей воспринимали «высшие ценности» коммунизма не как самоцель, а

лишь как путь к ценностям «низшим», как средство достижения материального благополучия, карьеры и привилегий» [4, с.462, 463].

В социологической теории Зиновьева заметное место занимают взаимоотношения «социального атома» – индивида и «социальной организации» (трудового коллектива, корпорации и даже социально-политического строя). Социальная организация не только контролирует сферу труда человека, но и все более активно вмешивается в его частную жизнь. Общественный контроль приводит к тому, что человек незаметно для себя все больше становится «социальным атомом» в «человейнике». Выход из системы «человейника» чреват непониманием и даже изгнанием, – как это и произошло с самим А.А. Зиновьевым.

Избежав в своих зарубежных публикациях идеологического контроля партийного руководства, А. Зиновьев в сатирической форме показал советское общество в той стадии развития, когда в нем стало активно проявляться социальное расслоение. Много лет спустя, вернувшись из эмиграции, уже без всякого сарказма, он сказал то, что отечественные социологи не могли в свое время довести до сознания государственного руководства: «Специалисты по «научному коммунизму» делали упор на рост сознательности граждан и трудовой героизм, которые на самом деле эволюционировали в противоположном направлении» [5, с.349].

В книге эмигрантского цикла «Фактор понимания» Зиновьев пишет: «Здесь утверждается искаженная оценка личности – превозносятся ничтожества, унижаются значительные личности. Наиболее нравственные граждане подвергаются гонениям, наиболее талантливые и деловые низводятся до уровня посредственности и средней бестолковости. Причем не обязательно власти делают это. Сами коллеги, друзья, сослуживцы, соседи прилагают все усилия к тому, чтобы талантливый человек не имел возможности раскрыть свою индивидуальность, а деловой человек – выдвинуться. Это принимает массовый характер и охватывает все сферы жизни, и в первую очередь – творческие и управленческие. Над обществом начинает довлеть угроза превращения в казарму. Она определяет психическое состояние граждан. Воцаряется скука, тоска, постоянное ожидание худшего. Общество такого типа обречено на застой и на хроническое гниение, если оно не найдет в себе сил, способных противостоять этой тенденции. Причем это состояние может длиться века» [6, с.154]. Создается впечатление, что факты собственной биографии подтолкнули ученого к осознанию столь мрачных тенденций в социальной жизни общества СССР.

Персонажи Зиновьева ведут длинные беседы на идеологические, политические и житейские темы. Создается впечатление, что общество настолько же низкого культурного уровня, как и эти персонажи. Даже та часть общества, которая призвана быть носителем культуры – интеллигенция – приобретает неприглядные черты лодырей и пустомелей. Угрызения совести их не мучают. «Как думает индивид, – пишет романист, – вообще роли не играет. Важно как он поступает. А поступает он по социальным правилам» [7, 67].

Сарказм и гротеск в творчестве А. Зиновьева не были отличительной чертой только его прозы; эти приемы в освещении социальной жизни в СССР применялись его современниками, писателями и поэтами самиздата, подполья и полуподполья.

За романом «Зияющие высоты» (1976) появилась целая серия социологических романов, рассчитанных на западного читателя и на критически мыслящего советского современника. Разумеется, Зиновьев понимал сложную ситуацию, в которой он оказался. В своих произведениях он неоднократно пытался ее объяснить: «В сражении между двумя могущественными идиотами (*таков сатирический образ двух сверхдержав – О.Л.*), – писал он, – умному карлику места нет. Его раздавит кто-то из сражающихся, а то и оба совместно» [8, с.129-130]. Осознавая слабость собственного положения «мыслящего тростника», или одинокого бунтаря, А.А. Зиновьев, однако, не хотел отказываться от своих принципиальных взглядов: «Подавляющее большинство членов общества обречено жить в идеологической клетке. Лишь немногим одиночкам удастся вырваться из нее в какой-то мере. Но они рассматриваются обычно как отклонения от нормы, каковыми они и являются на самом деле» [4, с.208]. Рискуя социальным отвержением, ученый осмеливался быть самим собой, вырвавшись из-под гнета идеологического воспитания на простор саркастической социальной критики.

Среди ученых нет единого мнения о том, что же подвергал критике А.А. Зиновьев: социалистический строй или любое общество в целом. По нашему мнению, критикуя общество, социолог имел в виду нашу страну, но все же любое общество само по себе несовершенно, так как несовершенны сами «социальные законы». Через год после пребывания в эмиграции он опубликовал книгу «Без иллюзий», разъясняющую в форме ответов интервьюеру его взгляды как социального мыслителя. В спокойном тоне он указал, что сам он ни коммунист, ни антикоммунист. И объяснил парадоксальность своих суждений тем, что придерживается научного, а не идеологического характера мышления. «Я пишу не для развлечения, – отметил он, – я пишу книги не легкие для понимания. И знаю, что теперь не так-то уже много людей, которые относятся к чтению как к труду. Но все же такие люди есть... Все мои книги суть книги и о западной жизни, только на фактическом материале Советского Союза. Я писал и пишу о явлениях общечеловеческих, но на материале классически развитого образца такого рода. Мне повезло: общие законы человеческой жизни в советских условиях заметить легче, чем на Западе. Разумеется, мой опыт жизни на Западе как-то войдет в мои книги» [5, с.399].

Свою художественную сатиру Зиновьев в дальнейшем перевел и на научный язык, который также не мог понравиться советским идеологам. Критикуя «горбачевизм» в 1988 г., он писал: «Научное исследование обнаруживает, что реальный коммунизм имеет мало общего с тем земным раем, который обещали коммунисты прошлого и который обещает советская идеология. Научное исследование обнаруживает, что коммунизм не устраняет неравенства людей, социальную несправедливость, эксплуатацию одних людей

другими и прочие язвы социального бытия, а лишь меняет их формы и порождает новые язвы, которым предстоит стать вечными спутниками коммунизма.

Коммунизм приходит в мир как огромное искушение, принося с собой определенное улучшение условий жизни для миллионов людей. Но в истории ничего не дается даром и не проходит безнаказанно. За те преимущества, которые приносит людям коммунизм, они должны платить» [3, с.31-32]. Таким образом, оценка социалистического строя ученым далека от огульного отрицания; однако объективность заставляла его выразительно отражать те негативные социальные факты, которые он видел в СССР и которые, по сути, стали причиной изгнания талантливого ученого.

Конфликт мыслителя с советской действительностью носил нравственный, а не политический характер. Как социолог он направил острие своего сатирического оружия не против коммунистической системы, а против социальной системы как таковой, что и объяснило формирование его взглядов. В «Гомо советикус» (1982) Зиновьев отмечал, что на Западе ему «раскрыли свои объятия такие же коллективы, отличающиеся от советских лишь отсутствием достоинств последних» [9, с.258]. А через пятнадцать лет, в романе «Глобальный человек» (1997), он указывает, что в западном социуме многое в социальной жизни очень напоминает коммунистическое общество, которым западные люди все время пугают друг друга.

Примечательно, что А.А. Зиновьев, теоретически противопоставляя идеологию и науку, дал высокую оценку советской идеологии. «Не следует думать, – писал он, – будто советская идеология стремилась прививать людям отрицательные качества – эгоизм, карьеризм, двуличность, ненадежность, продажность, подхалимство, ложь, склонность к халтуре и обману и т.п. Как раз наоборот, эти качества порицались, сдерживались и ограничивались. Поощрялись самые лучшие качества – честность, отзывчивость, трудолюбие, самоотверженность, преданность родине, стремление к образованию, к овладению культурой, к развитию способностей, к достойному поведению в коллективе и т.д. То же самое делалось для воспитания идеальных отношений между людьми и народами – дружбы, взаимного уважения, взаимопомощи, братства, равенства и т.п... Если бы это не делалось, то жизнь в стране превратилась бы в кошмар. Советский Союз не выжил бы в труднейших условиях и десятка лет, не победил бы в войне 1941-1945 годов Германию, не стал бы второй сверхдержавой планеты» [9, с.236].

Советское общество на стадии индустриального развития, как отметил А. Зиновьев, оказалось зараженным буржуазно-индивидуалистической психологией – стремлением к деньгам, власти и славе (авторитету). В этом состояла суть «социальных законов».

В 1979 г. Зиновьев писал: «В послесталинский период ситуация для идеологии в Советском Союзе существенным образом изменилась. Выросла образованность и общая культура населения. Резко возросло число высокообразованных людей, которым идеологическое учение уже кажется чем-то примитивным, даже достойной насмешки чепухой. Обнаружилось, что недо-

статки советского образа жизни суть неотвратимые следствия самой социальной системы. Стали широко известны соблазны западного образа жизни. Эпидемия карьеризма, стяжательства и коррупции охватила всю систему власти и управления, а также прочие сферы жизни. Так что судьба советского общества сейчас в огромной мере зависит от того, сумеет ли оно перестроить и улучшить работу механизма идеологии так, чтобы он стал безраздельным властителем и регулятором сознания масс людей» [5, с. 457-458]. Как показало развитие истории, советский социум не только не «улучшил работу механизма идеологии», но и не признал такую необходимость, что в итоге и привело к разрушению основ советской государственности.

Даже если здесь и было что-то утрировано, как, например, в отношении коррупции (тогда она не имела таких масштабов, как в 90-е и 2000-е годы), суждение в основном было здравым. Реальный кризис советского общества к середине 80-х годов заключался в неадекватности системы управления. По мнению социолога, «необходимо было увеличить аппарат власти и управления, особенно партийный аппарат. Он был уже мал для возросшего числа объектов, подлежащих управлению. И не соответствовал усложнившейся структуре общества, а так же усложнившимся условиям управления» [4, с.400].

Уникальность социологических наблюдений Зиновьева состояла в том, что в них могли разобраться прежде всего специалисты, а мало эрудированная публика усматривала в его едкой сатире только очернение советской действительности.

У наших современников, знавших советскую эпоху не понаслышке, конечно, не воспринимается как сатира изображение общественной жизни как собрание анекдотов полудетективного свойства (конечно, с участием КГБ). Когда они читают, по традиции доверяя печатному слову, о том, что «коммунистическое общество в принципе есть общество плохо работающих людей» [10, с.354] или, что в нем наблюдается «ожесточенная борьба всех против всех» [10, с.309], им становится не по себе. Прimitивизация советской жизни как сатирический прием импонировала западному читателю, но не могла быть близка нашему соотечественнику, признающему, что советская власть превратила отсталую аграрную страну в индустриальную державу с передовой наукой, дала народу бесплатное образование и медицину, встала на пути фашистской угрозы миру.

Когда А.А. Зиновьеву пришлось по-новому оценить эффект воздействия некоторых своих произведений с точки зрения национальных интересов, он отметил (1999 г.): «...Мои критические умозаключения сложились и развивались независимо от западного влияния и диссидентства, сложились на основе наблюдения и переживания имманентной эволюции советского общества... Я тогда имел весьма смутное представление о ходе «холодной войны» и о ее механизмах, лишь через несколько лет (в 1984 году) я стал догадываться о переломе в западной стратегии «холодной войны» в направлении подготовки советской антикоммунистической «революции», то есть грандиозной диверсионной операции по разгрому Советского Союза и советской социальной системы» [11, с.11].

Позиция А. Зиновьева как социолога и писателя сложилась по давней традиции русской интеллигенции быть «голосом народа», несмотря на все препятствия. Интеллигенция, как уникальная социальная общность русской истории, потому и называется интеллигенцией, что она лучше, полнее и глубже понимает национальные интересы, интересы различных классов и слоев, и знает, как их реализовать. Знания позволяют интеллигенции видеть реальное значение власти, характер ее практических действий, степень соответствия между ее лозунгами и делами.

Как «пролетарий умственного труда» (как пытались обозначить интеллигентов в советской литературе) социолог не питал симпатии к квазиэлитарной группе «либеральных» советских интеллигентов, мечтавших пробраться к власти в случае изменения социально-политического строя в СССР.

Список литературы

1. Зиновьев А.А. Фактор понимания. М., 2006.
2. Беззубцев-Кондаков А. Советский эксперимент и новая Россия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rusk.ru/st.php?idar=7249>
3. Зиновьев А.А. Горбачевизм. Нью-Йорк, 1988.
4. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. М., 2008.
5. Зиновьев А.А. Логическая социология. М., 2003.
6. Зиновьев А.А. Фактор понимания. М., Алгоритм, 2006.
7. Зиновьев А.А. Зияющие высоты. L'Age d'Homme, 1976.
8. Зиновьев А.А. Гомо советикус. Пара беллум. М., 1991.
9. Александр Александрович Зиновьев. М.: РОССПЭН, 2008.
10. Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. М., 1994.
11. Зиновьев А.А. Затея. М., 2000.

АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ИЗУЧЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ РОССИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Новиков А.В.

профессор кафедры «Прикладная социология», док. социол. наук, профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Россия, Москва

Кожемякина А.П.

студентка 2 курса,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Россия, Москва

В статье рассматриваются аспекты исследования развития физической культуры и спорта при проведении социально-экономических исследований качества жизни российского населения. Развитие в российском обществе физической культуры и спорта позволяет осуществить интеллектуальное и творческое воспитание личности, ее духовное саморазвитие, развитие социального капитала российского общества в целом.

Ключевые слова: качество жизни, физкультура и спорт, социально-культурное развитие, социальный капитал, человеческий капитал, толерантность, образовательная сфера.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 863 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации", повышение качества жизни российских граждан и здравоохранение являются стратегическими национальными приоритетами.

Российское общество столкнулось с проблемой кризиса здоровья населения, в преодолении которого важную роль играет проводимая государством политика по развитию физической культуры и спорта, направленная на обеспечение здоровыми человеческими ресурсами преобразований в политической и социально-экономической сферах жизнедеятельности общества.

Высокое качество жизни населения во многом характеризуется достаточной обеспеченностью населения материальными благами, доступностью и качеством медицинских услуг, развитием физической культуры и спорта, организацией досуга населения.

Спорт является одной из главных составляющих социальной сферы. Он так или иначе связан со здоровьем любого человека. Человек, занимающийся спортом гораздо крепче, он меньше болеет. Кроме того, спорт развивает в человеке такие качества как настойчивость, целеустремленность, ответственность.

Системное развитие спорта и физической культуры в стране оказывает прямое влияние на развитие ее регионов, улучшение качества жизни проживающего в них населения¹.

Этот опыт необходимо всячески развивать. Особенное внимание необходимо уделять здоровью детей, так как состояние здоровья подрастающего поколения – показатель благополучия общества. Однако большинство детей школьного возраста на сегодняшний момент имеют различные отклонения в состоянии здоровья. По данным Росстата, в настоящее время в России продолжается рост заболеваний детей в возрасте от 0 до 14 лет (все болезни).

Таблица 1

**Данные Росстата «Заболеваемость детей в возрасте 0-14 лет в 2000-2014 гг.»
(зарегистрировано больных с диагнозом, установленным впервые в жизни, тыс.чел.**

Год			2000	2001	2002	2003	2004	2005
Все болезни			38225,7	36983,0	37934,4	37118,6	36471,8	36837,3
2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
37388,5	38140,5	38293,8	41302,0	40903,5	42055,8	42549,7	43155,1	44157,6

¹ Например, Олимпийские игры в Сочи 2014 дали толчок к развитию инфраструктуры спорта и физической культуры в данном регионе. В Сочи открылась спортивная школа по фигурному катанию. Ледовые дворцы «Айсберг» и «Большой» принимают соревнования всероссийского масштаба. Открыт образовательный центр «Сириус», созданный Образовательным Фондом «Талант и Успех» по инициативе Президента Российской Федерации Путина В.В., главной задачей которого является раннее выявление, развитие и профессиональная поддержка одарённых детей, проявивших выдающиеся способности в различных областях спорта, естественнонаучных дисциплин, искусства. На объектах олимпийской инфраструктуры проводятся различные научно-методические семинары, показательные выступления с участием известных спортсменов, которые делятся своим опытом с юными спортсменами.

По данным Росстата, в 2014 году было зафиксировано 44157,6 тыс. больных детей в возрасте от 0-14 лет с диагнозом, установленным впервые в жизни; в 2000 году таких детей было 38225,7 тыс. чел., т.е. «прирост» составляет 15,51% или в среднем по одному проценту в год.

Эффективнейшим средством от роста заболеваемости нашего подрастающего поколения в современных условиях может стать только совершенствование политики государства в области развития спорта и физической культуры, распространение спорта и физической культуры в обществе, пропаганда здорового образа жизни, развитие человеческого потенциала.

Нельзя сказать, что в указанной сфере царит застой. Например, с недавнего времени была возрождена сдача норм ГТО [1]. Программа предусматривает выполнение норм в различных возрастных категориях (от 6 до 70 лет), за выполнение которых человек может получить золотой, серебряный или бронзовый знак отличия, при этом любой человек может бесплатно пройти курс подготовки и сдать нормы ГТО.

В России начато активное развитие физической культуры и спорта среди населения. Проводятся различные спортивные мероприятия (Всероссийский день ходьбы, велопробеги, Лыжня России и др.), в которых может участвовать непрофессиональный спортсмен. Планируется введение новых соревнований во всех регионах страны, например, Всероссийская спартакиада между субъектами Федерации, Президентские спортивные игры для школьников.

Активно ведется пропаганда спорта в СМИ и масс-медиа¹.

С этой точки зрения нельзя не отметить всероссийский социальный проект «Газпром – детям», действующий в 73 регионах Российской Федерации. Главная задача данного проекта – вовлечение как можно большего количества детей в спортивные секции, самодеятельные кружки, а также создание условия для развития физического и духовного потенциала детей². На сегодняшний день «Газпром» построил и модернизировал более 1032 спортивных объектов – оздоровительные комплексы, бассейны, стадионы, футбольные поля, катки [2].

Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации подразумевает, что к 2020 году количество человек, регулярно занимающихся спортом, должно составить 40% от всего населения страны. На сегодняшний день этот показатель достаточно низкий – всего 27,5%.

¹ Например, «Танцы со звездами», ориентированные на балльные танцы, «Ледниковый период», связанный с фигурным катанием. Новое шоу «Без страховки», где телеведущие, спортсмены, певцы и многие другие звезды чувствуют себя в роли гимнастов, акробатов. Все эти шоу помогают просветить массы, многие люди открывают для себя ранее не известные им виды спорта и возможно отводят своих детей в спортивные секции.

² Для осуществления своих целей «Газпром» строит новые спортивные объекты, реставрирует и модернизирует старые стадионы и спортивные школы, оснащает их новым современным оборудованием, набирает квалифицированных тренеров и преподавателей, организывает и спонсирует различные соревнования.

Проблема изучения качества жизни российского населения является одним из самых злободневных вопросов современного российского общества. Она широко обсуждается в научных кругах, СМИ и масс-медиа, при этом до настоящего времени Росстатом не принято единой методики оценки качества жизни населения. Разработанные учеными различные методики, применяемые для оценки качества жизни населения нашей страны, часто имеют сложный математический аппарат, а при его упрощении недостаточно объективно описывают существующую реальность. Проблема качества жизни населения появилась еще в 60-ых годах и до сих пор является предметом многих исследований. Данная проблема напрямую связана с такими факторами как безопасность, состояние окружающей среды, охрана здоровья людей.¹ В настоящее время концепция высокого качества жизни подразумевает достаточную продолжительность жизни населения, обеспеченность населения медицинскими услугами и оборудованием, достаточность продовольствия, его безопасность, отсутствие серьезных социальных конфликтов в обществе, полноправное участие в культурной, политической жизни, учет мнения граждан, обеспечение занятости и условий для комфортного труда населения в регионе.

Таблица 2

**Ожидаемая продолжительность предстоящей жизни
(по Российской Федерации по состоянию на сентябрь 2015), число лет**

Годы	Для мужчин,	Для женщин,
	достигших	достигших
	60 лет	55 лет
2005	13,26	22,85
2006	13,89	23,32
2007	14,20	23,77
2008	14,28	23,88
2009	14,52	24,23
2010	14,58	24,23
2011	15,14	24,85
2012	15,38	25,05
2013	15,73	25,36
2014	15,87	25,53

По данным Росстата на сентябрь 2015 (см. табл. 2), ожидаемая продолжительность предстоящей жизни населения, достигшего 60 лет (для мужчин) и 55 лет (для женщин) имеет положительную тенденцию возрастания².

¹ В рейтинге по Индексу Человеческого Развития (ИЧР) (Human Development Index), составленному ООН в 2013 году и включающего в себя состояние здоровья граждан страны, получение образования, доход человека, Россия заняла лишь 55 место «Рейтинг стран мира по уровню качества жизни населения» / URL: <http://top-rf.ru/places/71-rejting-stran-mira-po-urovnyu-kachestva-zhizni-naseleniya-2013.html>

² По данным Всемирной организации здравоохранения на 2013 год продолжительность жизни мужчин в Норвегии составляет 80 лет, женщин 84; в России, соответственно, продолжительность жизни у мужчин 63 года, женщин – 75.

По данным Росстата (таблица 3) количество заболеваемости среди населения растет.

Таблица 3

Данные Минздрава России, расчет Росстата «Заболеваемость населения в 2000-2014 гг.» (зарегистрировано больных с диагнозом, установленным впервые в жизни, тыс. чел)

Годы	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Все болезни	106328	104322	106742	107385	106287	105886	108842
2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
109571	109590	113877	111428	113922	113688	114721	114989

В 2014 году количество людей, зарегистрированных с впервые установленным диагнозом, составляет 114989 тыс. чел. В 2000 году данный показатель составлял 106328 тыс.чел. Данные показатели свидетельствуют, что здоровье нации существенно ухудшается с каждым годом, и возникает извечный русский вопрос «Что делать?».

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года к числу основных направлений развития человеческого потенциала отнесены следующие:

- демографическая политика и политика народосбережения;
- развитие здравоохранения;
- развитие образования;
- развитие физической культуры и спорта;
- развитие социальных институтов и социальная политика» и т.д. [3].

Улучшение качества жизни населения и благосостояния населения зависит от комплекса преобразований по каждому из данных направлений. При этом достижение целевых ориентиров развития физической культуры и спорта представляется невозможным без улучшения показателей демографической политики, политики в сфере здравоохранения, социальной политики государства. Развитие физической культуры и спорта в свою очередь благоприятствует количественным и качественным изменениям в смежных сферах.

Спорт оказывает огромное влияние на здоровье нации, на продолжительность жизни, что соответствующим образом оказывает действие на улучшение качества жизни населения. Здоровый образ жизни на сегодняшний день – это не самоцель для человека, а естественная необходимость, на базе которой растет могущество и безопасность страны, формируется духовно и интеллектуально развитая личность, способная на высшие проявления человеческих качеств.

Состояние здоровья обуславливает качество жизни индивида в психофизическом аспекте, обеспечивает социально-статусное развитие. Безусловно, чем меньше члены общества болеют и дольше живут, тем больше они могут эффективно трудиться, увеличивая валовый общественный продукт.

Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) провёл социальное исследование об отношении россиян к спорту и здоровому образу жизни. Согласно данным опроса, занимающихся спортом оказалось

52% россиян, из них 13 % делают это регулярно, 21 % – время от времени, а 18 % – крайне редко. Поддерживать себя в хорошей физической форме в большей степени старается молодёжь (78 % респондентов в возрасте от 18 до 24 лет). Ровно половина участников опроса предпочитает заниматься спортом дома, ещё 22 % бегают и разминаются на стадионах и спортивных площадках, причём мужчины выбирают такой тип тренировки чаще женщин (31 % против 18 %, соответственно). Ходят в спортивные секции или бассейн 13 % опрошенных, а 12 % выбирают занятия на тренажёрах или комплекс упражнений в фитнес-клубе¹.

Таким образом, физической культурой и оздоровительными услугами охвачено недостаточное количество российского населения, при этом многие сознают, что спорт так или иначе оказывает влияние на здоровье каждого человека, прямо влияет на продолжительность его жизни, и для повышения качества жизни россиян следует развивать сферу физической культуры и спорта, пропагандировать здоровый образ жизни.

Таким образом, массовый спорт во многом определяет качество жизни населения, напрямую зависит от созданных условий – инфраструктура, квалифицированные преподаватели.

Массовый спорт позволяет формировать здоровую нацию, которая может трудиться, учиться, развиваться, и прямо пропорционально зависит от созданной инфраструктуры и подготовленного квалифицированного тренерского состава.

Сегодня в России снижение качества жизни населения характеризуется ухудшением здоровья населения страны, его недостаточным физическим развитием и подготовленностью, отсутствием эффективной системы детско-юношеского спорта для эффективной подготовки резерва сборных команд страны, отставанием в обеспечении сферы физкультуры и спорта инновационным спортивным оборудованием и технологиями.

Многие люди не имеют возможности заниматься спортом по ряду причин, одной из которых является отсутствие спортивных сооружений, недоступность физически-оздоровительных услуг.

Конечно, все сразу выполнить невозможно, однако не следует забывать, что спорт и физическая культура в нашей стране являются одним из наиболее важных компонентов социальной сферы, прямо связанных со здоровьем человека, а значит и с его качеством жизни, и это стало национальным приоритетом в соответствии с принятой Стратегией национальной безопасности России.

Список литературы

1. Постановление Правительства РФ от 11 июня 2014 г. №540 Об утверждении Положения о Всероссийском физкультурно-спортивном комплексе «Готов к труду и обороне».

¹ Опрос проведён 19 и 20 апреля 2014 года, опрошено 1 600 человек в 42 регионах России. Статистическая погрешность не превышает 3,4 %.

2. Программа «Газпром – детям», утвержденная Приказом ОАО «Газпром» № 310 от 31.12.2006 г URL:<http://www.gazprom.ru/social/children/>

3. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 N 1662-р (в ред. распоряжения Правительства РФ от 08.08.2009 N 1121-р) Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ РОССИИ

Ревазов В. Ч.

доцент кафедры философии и социально-правовых дисциплин, канд. пед. наук,
доцент, Северо-Кавказский горно-металлургический институт
(государственный технологический университет), Россия, г. Владикавказ

Гогаева Л. Б.

студентка группы ГМУб-13-2, Северо-Кавказский горно-металлургический
институт (государственный технологический университет),
Россия, г. Владикавказ

В статье рассматриваются концептуальные основы стратегии развития горных территорий Северо-Кавказского региона в контексте современных этнополитических процессов России.

Ключевые слова: биосфера, Северо-Кавказский регион, горные территории, население, поколения, дезадаптация, ресурсы, этноконфессиональная структура, безработица, социальные позиции.

Антропогенные изменения в биосфере ставят все более жесткие ограничения для жизни человека. В этих условиях чрезвычайно актуализируется проблема устойчивого развития как адаптации общества к биосферным ограничениям и поиска таких способов социального бытия, которые были бы совместимы с сохранением окружающей среды и правом на жизнь будущих поколений.

В Северо-Кавказском регионе горы составляют большую часть его территории. Это обстоятельство позволяет с полным на то основанием рассматривать этот край как горную территорию и в контексте такого территориально-природного статуса строить проекты и программы его развития.

Северный Кавказ, на территории которого проживают более двенадцати процентов населения страны, является сложным в социально-экономическом, этнополитическом и традиционно-культурном отношении регионом. В виду своего геополитического расположения и этноконфессиональной структуры населения Северный Кавказ занимает важное место в этнополитических процессах, происходящих в России. Эти обстоятельства не могли не отразиться на содержании и характере социальных процессов, происходящих в современной России. В практике управления Северо-

Кавказским регионом политика Центра на протяжении последних двадцати лет, строилась преимущественно на конъюнктурных установках, без выделения приоритетов, выявления перспективных ресурсов развития и поэтапных мер решения постоянно возникающих проблем.

Крайне отрицательную роль в этом плане играет безработица, которая в регионе является одной из самых высоких. Социальная практика свидетельствует, что безработица – это генерация социального неравенства, превращение людей в маргиналов и никому не нужных изгоев общества. С безработицей в основном связана и криминогенность в регионе и не секрет, что и контингент боевиков и преступных группировок пополняется преимущественно из числа безработных и малообеспеченных слоев населения. Наглядным примером является – участие некоторых молодых людей – граждан России в рядах запрещенной в Российской Федерации террористической организации "ИГИЛ" в Сирии. Другая часть способной молодежи, не найдя востребованности, уезжает из Северного Кавказа в другие регионы, наши мегаполисы, сокращая тем самым число носителей культурно-традиционных ценностей, которые донесли до нас предки в неимоверно трудных условиях прошедших тысячелетий [1, с.34].

Все вышесказанное подводит нас к осознанию того положения, что выход Северного Кавказа на орбиту мировых цивилизационных процессов лежит через преодоление нынешнего конфронтационного состояния и поиски нового качественного состояния кавказского феномена.

Выход из сложившегося положения нужно искать в концептуальных основах нового мышления и управления. Основные элементы такой стратегии можно представляют следующие направления:

- определение долгосрочных целей и задач социальной системы и утверждение курса практических управленческих действий; правильная концентрация ресурсов на главных направлениях, распределение их с учетом перспектив развития;

- выявление приоритетных программ и проектов, которым предстоит осуществлять прорыв в антикризисном управлении и максимально облегчить трудности вхождения народов Северного Кавказа в современный миропорядок [2, с.134].

Дальнейшая поляризация социальных позиций различных групп населения региона, острота социальной, межэтнической напряженности и конфликтности, а также масштаб вынужденной миграции и проблем, вызванных ею, требуют от государства не разовых управленческих решений, а целостной программы, представляющей совокупные меры экономического, политического, научного, миграционного и социального характера. Особое место в этом процессе занимает творческое использование и наполнение новым содержанием огромного опыта минувших поколений, связанного с разрешением проблем, возникающих на межличностном, межэтническом, межконфессиональном уровнях, с регулированием гражданских споров и социальных конфликтов, установление атмосферы доверия и добрососедства, поиск компромиссных вариантов.

Реалии времени диктуют необходимость научного обоснования новых концептуальных принципов и оценок для решения жизненно важных проблем региона Северного Кавказа в соответствии с современной экономической, социально-культурной и этнополитической ситуацией. В равной мере сложное переплетение различных, подчас крайне противоречивых, процессов в этом полиэтничном и поликонфессиональном регионе требует отказа от ряда устоявшихся стереотипов, переоценки и переосмысления адекватных методов исследования;

Не менее важное место занимает утверждение идеи настоящей необходимости сопряжения и координации творческих усилий ученых разного профиля, изучающих современный феномен Северного Кавказа, четкое их подчинение единой стратегической цели – интеграция региона в российские и мировые цивилизованные процессы. Необходима концентрация усилий ученых-кавказоведов на анализе современной проблематики и разработке экономической и социально-политической стратегии развития Северо-Кавказского региона. Вся стратегия устойчивого развития горных территорий Северного Кавказа должна строиться на концепции не просто привлекательности в качестве источника богатств и удовольствий, а как живого и ранимого организма, красота, гармония и равновесие которого складывались миллионы лет и поэтому требуют к себе в высшей степени бережного и рационального отношения.

Государственная политика в отношении горных территорий должна строиться с учетом того факта, что территории гор в нашей стране характеризуются высокой плотностью этнокультурного и биологического разнообразия. Для всех горных территорий страны характерны более острые проблемы социально-культурного развития, ухудшение состояния окружающей среды, истощение части ресурсов и невысокий уровень жизни. И здесь следует назвать главное назначение всех программ и проектов устойчивого развития горных территорий – это человек и удовлетворение его жизненно важных и социальных потребностей, обеспечение ему достойных условий жизни. В противном случае он покинет горы, и тогда даже само понятие «устойчивое развитие горных территорий» перейдет в виртуальный мир. Такой исход можно было бы назвать преступлением нынешних поколений перед предками и потомками: перед предками – потому, что в невероятно трудных условиях они находили общий язык с суровыми горами и донесли до нас их неземную красоту, перед потомками – потому, что мы лишили бы их возможности увидеть «живые» горы, любоваться их красотами и пользоваться уникальными богатствами. Полагаем, что любой здравомыслящий человек такую перспективу гор отвергнет, не задумываясь.

Однако для предотвращения подобной, прямо скажем, гуманитарной катастрофы недостаточно одних чувств и эмоций. И даже самые мощные экономические ресурсы одного из субъектов горных территорий не в состоянии приостановить происходящий сегодня процесс социальной дезадаптации горных территорий. В лучшем случае это возможно, если горные территории будут признаны общенациональным, природным, гуманитарным и культур-

ным достоянием всего общества и государства. Необходимо создать условия для развития горных территорий, чтобы все российское общество и международное сообщество изменило свое негативное отношение к Северному Кавказу как к очагу конфликтов и вернуть объективный и привлекательный образ гор и самобытности горных народов. Только такое понимание горных территорий поможет выработать эффективную политику их устойчивого развития на основе стратегического управления и взаимодействия федерального Центра и региональных структур.

Список литературы

1. Айларов А.Е., Бадов А.Д., Тавасиев В.Х. Молодежная политика в Республике Северная Осетия-Алания: состояние, проблемы, перспективы – 1990-2001 гг.: Государственный доклад. – Владикавказ, 2002. С. 34.
2. Дзагкоев К.С., Ревазов В.Ч. Социальные последствия рыночных реформ. Монография. Владикавказ, Изд-во СОИГСИ им. Абая В.А., 2011. С. 134.

ЭТИОЛОГИЯ ЗАБОЛЕВАНИЙ И ДИНАМИКА СОСТОЯНИЯ БОЛЬНЫХ, ПОЛУЧАЮЩИХ ЛЕЧЕНИЕ И РЕАБИЛИТАЦИЮ В ПСИХОНЕВРОЛОГИЧЕСКОМ МЕДИКОСОЦИАЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ

Резник Л.В., Мурзатаева А.К.

старшие преподаватели кафедры анатомии, физиологии и дефектологии,
Павлодарский государственный педагогический институт,
Казахстан, г. Павлодар

В данной статье дан аналитический обзор историй болезни детей, получающих лечение в «Областном медикосоциальном психоневрологическом учреждении города Павлодара». Определены особенности двигательной сферы детей с ДЦП и их динамика, определена специфика работы с данным контингентом.

Ключевые слова: поражения головного мозга, детский церебральный паралич, соматоскопия, этиология, когнитивные функции.

В 2015 году нами был проведен аналитический обзор историй болезни детей палиативного отделения «Областного медикосоциального психоневрологического учреждения города Павлодара, страдающих тяжелой неврологической патологией [6], но так как при наличии симптомов поражения головного мозга существует необходимость в констатации динамики состояния больных для оценки эффективности нейрореабилитационных мероприятий, то работа была продолжена.

Цель настоящей работы: анализ этиологических факторов заболеваний нервной системы детей, получающих лечение в «Областном медикосоциальном психоневрологическом учреждении города Павлодара» и изучение динамики их состояния.

Материалы и методы исследования: исследование проводилось на базе вышеназванного учреждения, оказывающего комплексную медицинскую и

психолого-педагогическую помощь детям. Было обследовано 60 пациентов «Психоневрологического медикосоциального учреждения г. Павлодара». Проанализированы карточки детей 1997-2011 года. Диагноз был выставлен по данным врачебного осмотра, анамнестических данных и подтвержден инструментальными исследованиями. Методы: были использованы аналитический обзор историй болезней в динамике, соматоскопия, психолого-педагогическая диагностика, статистический и причинно-следственный методы.

По данным исследования можно констатировать, что из 60 детей, получающих лечение в отделении детей у всех детей (100%) констатируется диагноз: «выраженная глубокая задержка психического развития» или «глубокая умственная отсталость» на фоне Болезни Дауна-3 (5% случаев), ранний детский аутизм-1 (1,7% случаев), шизофрения параноидная-6(10%), врожденные аномалии НС-2(3,3%), различные формы ДЦП- 48(80%). Для выявления этиологии проводились были проведены бактериологические тесты. Выяснилось, что среди биологических факторов этиологии отмечаются такие возбудители, как герпес, гарденеллез и цитомегаловирусная инфекция. Причем в 100% случаев во время беременности мать ребенка страдала заболеванием, передающимся половым путем. В 100% случаев отмечался хронический пиелонефрит или гистоз. В 50% случаев отмечалось сочетание патологии мочеполовой системы с анемией, а в 5% случаев с диффузным зобом [6, с. 30-31].

В последние годы большое значение в этиологии ДЦП придается влиянию инфекционных агентов, особенно вирусного происхождения [5,6,7]. В связи с тем, что у 80% детей (большей части детей) отмечались различные формы ДЦП, констатация изменений в двигательной сфере проводились с ними. Заключение о физическом состоянии кистей и пальцев рук обосновывалось в процессе наблюдений (соматоскопия) за объемом движений детей, наличие гиперкинезов. За основу брались следующие критерии: умение манипулировать предметами, согласованность действий рук, координация движений, наличие врожденных патологий (тремор, гиперкинезы). Первоначально у 78% детей движения были ограничены, отмечалось недостаточное развитие мелкой моторики, согласованность движений отмечалась лишь в 8% случаев, нарушение координации движений – у 83%. Гиперкинезы пальцев и кистей рук – у 78% детей, из них в 27% случаев спастика или контрактуры, причем, у 22% они были выражены в незначительной степени. Тремор присутствовал у 19%, но не был постоянным, а эпизодическим. Термин «детский церебральный паралич» (ДЦП) объединяет группу различных по клиническим проявлениям синдромов, которые возникают в результате недоразвития мозга и его повреждения на различных этапах онтогенеза и характеризуются неспособностью сохранять нормальную позу и выполнять произвольные движения [4, с.1445-1450]. Причем, практически никакие нарушения ЦНС сами по себе не исчезают, а с возрастом не только не уменьшаются, а усиливаются и количественно и качественно, а умственное развитие ребенка напрямую зависит от состояния головного мозга.

К основным симптомам заболевания – нарушениям моторики – обычно присоединяются нарушения психики, речи, зрения, слуха в различной степени выраженности, но при условии своевременного этиотропного коррекционного воздействия возможны улучшения. Все авторы отмечают положительную динамику в психомоторном развитии ребенка при любых общепринятых способах лечения ДЦП. Объемы активных движений в суставах увеличиваются, несмотря на многочисленные изменения в головном мозге, суставах и окружающих их тканях. Положительная динамика двигательной и психической активности проявляется значительно быстрее, чем регистрируются какие-либо улучшения морфологической картины в головном мозге [1, 2, 3].

Для проведения успешной реабилитации детей центра важная роль принадлежит адекватному вскармливанию и оптимальной организации окружающей среды (лечебно-охранительный режим), применяется медикаментозная терапия, ЛФК, массаж, занятия с психологом индивидуальные и групповые. Наблюдения проводились в течение 3 лет. По результатам наблюдений можно констатировать положительную динамику в объеме движений.

Таблица

Изменение объема движений и степени выраженность гиперкинезов у детей с ДЦП до и после коррекционной работы

Результаты исследований	Ограничено развитие мелкой моторики	Согласованность движений	Нарушение координации	Спастика или контрактуры лучезапястного сустава	Гиперкинез непостоянный	Тремор
Первоначальный срез	78 %	8%	83%	27 %	22%	19%
Повторный срез	74%	10%	72%	22 %	16%	12%

Таким образом, проведенное нами исследование еще раз подтверждает, что большую роль в развитии ДЦП, тяжелой сочетанной неврологической патологии играют инфекции, передаваемые половым путем, инфекции почек часто в сочетании с анемией. Заболеваемость мочеполовой системы коррелирует с экологической ситуацией в регионе [6, с.30-31]. Определены особенности двигательной сферы детей с ДЦП и их динамика, определена специфика работы с детьми, страдающих детским церебральным параличом.

Список литературы

1. Бадалян Л.О., Журба Л.Т., Тимонина О.В. // Невропатология и психиатрия – 1987. – № 10-1. – С. 445-448.
2. Лильин Е.Т., Степанченко О.В., Бриль А.Г. Современные технологии в лечении детского церебрального паралича // Неврологический вестник. № 2. – 1999.
3. Семенова К.А., Махмудра Н.М. Медицинская реабилитация и социальная адаптация больных детским церебральным параличом. – Ташкент, 1979.

4. Семенова К.А. Клиника и реабилитационная терапия детских церебральных параличей // Невропатология и психиатрия. -1980. – №10. – С.1445-1450.
5. Барашнев Ю.И., Руссу Т.С. Казанцева Л.З. Дифференциальный диагноз врожденных наследственных заболеваний у детей. – Кишинев, 1984.
6. Lyaylya Reznik, Altynay Murzatayeva. Etiological factors of children conditions in palliative office of Pavlodar Region // Материалы IV Международной научно-практической интернет-конференции «Тенденции и перспективы развития науки и образования в условиях глобализации» – Переяслав-Хмельницкий. – 2015. – С. 30-31.

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В КОНЦЕПЦИЯХ КАПИТАЛИЗМА ВЕРНЕРА ЗОМБАРТА И МАКСА ВЕБЕРА

Урбанаева Е.Г.

ст. преподаватель кафедры социологии и социальной работы,
Иркутский национальный исследовательский университет,
Россия, г. Иркутск

В статье раскрывается общее и особенное в концепциях капитализма В. Зомбарта и М. Вебера в понимании духа капитализма, теории капитализма, капиталистической организации хозяйства, сущности предпринимательского духа, идеального типа предпринимателя, факторов, способствующих становлению капитализма.

Ключевые слова: дух капитализма, мещанский дух, предпринимательский дух, идеальный тип предпринимателя, капиталистическая организация хозяйства.

Дух капитализма. У В. Зомбарта понятие духа капитализма шире, чем у М. Вебера. Под понятием «дух» М. Вебер понимает «совокупность этических или этически окрашенных норм, регулирующих весь уклад жизни» [1, с. 74]. Для В. Зомбарта хозяйственная этика есть лишь часть духа хозяйственной жизни. Под духом хозяйственной жизни он понимает «все вообще психическое, т.е. в этом смысле духовное, проявляющееся в области хозяйственной жизни» [2, с. 8].

Характерные черты «духа» капитализма по М. Веберу: приумножение своего капитала как самоцели, кредитоспособность и добропорядочность, нажива при полном отказе от наслаждения, даруемого деньгами, ориентация на приобретательство (денег) законным путем, следование своему призванию, рациональное использование капитала посредством внедрения его в производство, рациональная капиталистическая организация труда, сдержанность и скромность, ощущение хорошо «исполненного долга в рамках своего призвания», рационализация на основе строгого расчета, планомерного и трезвого, направленного на реализацию поставленной перед ним цели. Данные черты отличают «дух» капитализма от «безудержного, свободного от каких бы то ни было норм приобретательства, которое существовало на протяжении всего исторического развития» [1, с. 78]. Таким образом, М. Вебер противопоставляет дух капитализма любым способам добывания денег, прежде всего авантюризму и спекуляции.

Для В. Зомбарта, наоборот, именно авантюризм и спекуляция способствовали формированию капиталистического духа, способствовали развитию в психике человека тех черт, которые необходимы для формирования капиталистического духа (нажива путем насилия, точнее разбой на больших дорогах, морской разбой; нажива путем волшебства – кладоискательство, алхимия в особенности в XVI в; нажива путем использования духовных способностей (изобретательности, прожектерство в Англии, Франции, в XVI – XVII вв.); нажива путем использования денежных средств – частная ссуда денег, биржевая игра. Для него капиталистический дух рождается из стремления и жажды золота (присущей для всех слоев населения), превратившегося со временем (начиная с позднего средневековья) в жажду денег как всеобщего товарного эквивалента, менового и платежного средства. Более того, у В. Зомбарта разбойники и спекулянты являлись в качестве одних из основных типов капиталистических предпринимателей. Он также приводит в пример Б. Франклина, но для иллюстрации мещанских добродетелей, характеризующих мещанский дух. Для него мещанский дух (счет, благоразумие, осмотрительность) есть составная часть капиталистического духа, куда входит также и предпринимательский дух (жажда денег и приключения).

Теория капитализма. Концепция капитализма В. Зомбарта во многом полемизирует с концепцией М. Вебера в вопросах сути и истоков капитализма, но общим для них является их противопоставление концепции капитализма К. Маркса, поскольку они рассматривали не экономические факторы развития капитализма, а культурно-этические и религиозные. Одно из отличий состоит в том, что В. Зомбарт находил зрелый капитализм прежде всего во Флоренции в XV веке, М. Вебер в XVI веке прежде всего в Германии.

На вопрос «Является ли капиталистический дух создателем капиталистической организации?» и у М. Вебера, и В. Зомбарта прослеживается одинаковый ответ. В. Зомбарт пишет в своем произведении прямо: «Поставить вопрос так точно – значит уже дать на него ответ: так как организации суть дело рук человеческих, то человек и «дух» его должны существовать заранее» [2, с. 339]. У М. Вебера мы лишь можем домыслить, что у него примерно такой же ответ, поскольку у него понятие истинного капитализма охватывает не любую форму капитализма, существующую где бы то ни было в настоящее время, а только западноевропейский и американский капитализм. «Капитализм существовал в Китае, Индии, Вавилоне в древности и в средние века». Но этот капитализм отличается от современного капитализма именно отсутствием «духа капитализма». Согласно М. Веберу лишь дух капитализма делает капитализм истинным, который является рациональным капитализмом, основанным на получении прибыли мирным путем, исключительно посредством обмена, а какими-нибудь грабительскими или обманными путями.

Основным препятствием развития капитализма и у М. Вебера, и у В. Зомбарта является традиционалистский образ жизни, который раскрывается прежде всего в отношении к труду вообще (без любви к труду, не будет работать, пока не заставят).

Капиталистическая организация хозяйства и у М. Вебера, и у В. Зомбарта в целом похожа. Но у В. Зомбарта ее понимание шире и носит более общий характер, чем у М. Вебера. У М. Вебера она представляет собой промышленное буржуазное предприятие с техническими средствами производства и рационально разработанным правом и управления на основе твердых формальных правил. А В. Зомбарт выделяет лишь основные характеристики предприятия (вообще): 1) существование дальновидного плана; 2) длительное совместное действие нескольких лиц; 3) подчиненность одной воле. Предпринимательский дух проявился согласно В. Зомбарту в таких формах организации предприятия, как военный поход, землевладение, государство и церковь. Общими характеристиками капиталистической организации хозяйства для обоих мыслителей являются планомерность, организованность, рациональность, калькуляция, отчетность.

Сущность предпринимательского духа. Под предпринимательским духом В. Зомбарт понимает «совокупность всех душевных качеств, которые необходимы для успешного выполнения предприятия» [2, с. 59]. По В. Зомбарту успешному предпринимателю необходимо быть одновременно по духу завоевателем, организатором и торговцем, а у Вебера этому способствуют бережливость, молитва, профессиональная деятельность.

М. Вебер, как и В. Зомбарт считал, что человек изначально предрасположен к капиталистической деятельности, правда М. Вебер объяснял обусловленность его хозяйственного мышления, этоса определенной религиозной направленностью (а не биологической наследственностью), а В. Зомбарт считал, что буржуазность существует в крови.

Представления об идеальном типе предпринимателя. У Зомбарта носителем капиталистического духа является конкретный народ – евреи, которые обладают необходимыми качествами (бережливость, расчётливость, стремление к деньгам), ведущими к успеху предпринимательской деятельности, у М. Вебера носителем капиталистического духа являются люди определенного вероисповедания – протестанты, а не конкретный народ.

Факторы, способствующие становлению капитализма. М. Вебер выделял в качестве фактора, способствующего становлению капитализма – один – протестантскую этику. Для В. Зомбарта кроме религиозного фактора (любой религии), на становление и развитие капитализма повлияли также философия, техника, государство, переселения, открытие золотых и серебряных приисков.

Список литературы

1. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990.
2. Зомбарт В. Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь / Перевод с нем. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 624 с.

СЕКЦИЯ «ВОЕННОЕ ДЕЛО»

УПРАВЛЕНИЕ КАРЬЕРОЙ ОФИЦЕРА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

Пиунов В.В.

старший преподаватель, кандидат военных наук,
Военная академия РВСН им. Петра Великого, Россия, г. Балашиха

Хайбуллин И.Ф.

преподаватель, кандидат военных наук,
Военная академия РВСН им. Петра Великого, Россия, г. Балашиха

Макаров Д.В.

научный сотрудник, кандидат технических наук,
Военная академия РВСН им. Петра Великого, Россия, г. Балашиха

Дмитриев А.С.

преподаватель, Военная академия РВСН им. Петра Великого,
Россия, г. Балашиха

В данной статье описаны методологические подходы к процессному и факторному управлению карьерой офицера.

Ключевые слова: карьера, офицер, управление карьерой, методология, методологические подходы.

В современных геополитических условиях особенности карьеры русского офицера предъявляют соответствующие и специфические требования к содержанию управления. Основываясь на системном подходе, анализируя содержание карьеры и механизма управления карьерой необходимо рассмотреть концептуальные положения, имеющие методологическое значение для формирования системы управления карьерой офицера.

Концепция управления карьерой офицера представляет собой совокупность ориентиров, приоритетов, принципов, подходов к реализации целенаправленного воздействия на развитие управленческой карьеры, базирующихся на понимании сущности карьеры офицера.

В управлении можно выделить объектно-предметные связи. Это позволяет определить предмет управления через одну из сторон объекта управления, на которую направлено воздействие. Относительно управленческой карьеры предметом управления, прежде всего, должны быть состояния карьеры, а именно, динамика и статика карьерного процесса (рисунок).

Управление динамикой и статикой карьеры реализуется посредством прямого и опосредованного воздействия.

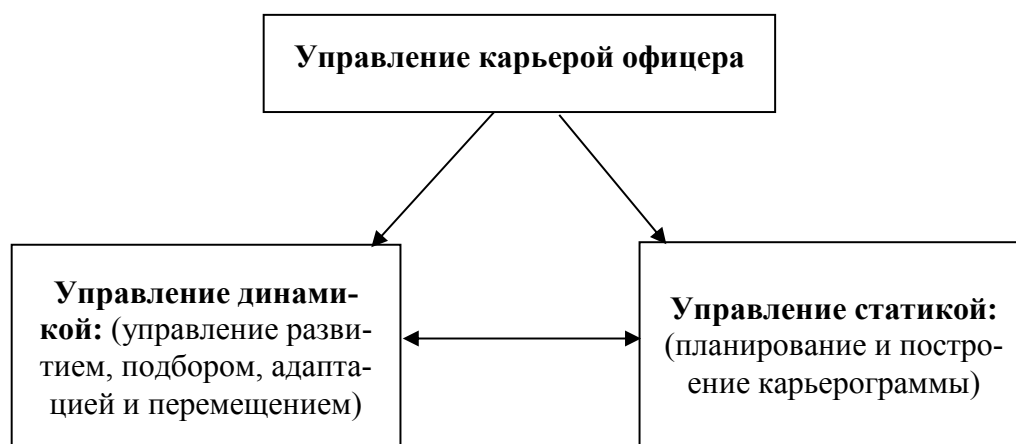

Рис. Основные направления воздействия на карьеру офицера

Каждый из компонентов карьеры, в свою очередь, представляет собой сложный объект. При формировании управленческого воздействия на карьеру офицера целесообразно учитывать следующие два уровня управления:

- управление совокупным процессом развития и продвижения военных кадров;
- управление индивидуальной карьерой офицера.

Выделяются следующие направления процессного управления карьерой офицера:

- а) управление общим карьерным развитием офицера: управление зарождением, развитием, угасанием карьеры;
- б) управление внутриорганизационным развитием: управление стадиями вхождения, становления офицера и служба, уход в запас;
- в) управление внутридолжностным циклом: управление стадиями вхождения в должность, становления в должности, должностного совершенствования, максимизации должностного состояния, выхода офицера из должности.

Процессное управление карьерой офицера должно учитывать закономерности развития карьерного процесса в зависимости от возраста офицера, его общей выслуги или стажа в определенной должности. Знание временной модели периодизации карьеры позволяет не только рационально использовать благоприятные периоды в развитии офицера, но и прогнозировать точки и периоды кризисов на различных уровнях карьеры. В этой связи управление карьерой офицера должно быть антикризисным. При управлении должностной карьерой офицера нельзя не учитывать особенности тех или иных явлений, оказывающих непосредственное или опосредованное влияние на ее становление и развитие. Управление карьерой офицера требует, по мере возможности, воздействия на факторы, связанные с личностью субъекта карьеры. Управление карьерой офицера должно воздействовать на движущие силы карьеры, то есть быть направлено на пробуждение потребностей (в успехе и власти, самоуважении, уважении и самовыражении, в структурировании войскового опыта, в развитии), ценностей (самореализации, профессионализма, независимости) и связанных с ними мотивов (честолюбия, стремления к более интересной работе), развития и продвижения офицера, а также способствовать формированию у него адекватного образа карьерного пути.

Помимо подсистем, на уровне подсистем управления персоналом организации существуют несистемные объекты, элементы и волевые акты, выступающие средой для системы управления карьерой офицера. Совокупность этих компонентов условно можно назвать внутренними факторами.

Второй уровень среды, содержит подсистемы и элементы системы управления военной организацией. Средой для системы управления военной организацией являются системы управления материально-техническим обеспечением, силами и средствами, связью, социальным развитием военнослужащих и др. Компоненты этого уровня среды относятся к внутриорганизационным факторам.

Компоненты макроуровня (третьего выделенного уровня) т.е. внешние факторы.

Таким образом, система управления карьерой офицера функционирует в сложной, динамичной, многоуровневой среде, испытывая на себе влияние множества факторов и, в свою очередь, оказывая воздействия на среду.

Одним из главных предметов этого факторного управления карьерой офицера должно быть карьерное пространство. В силу особой значимости данного условия для развития управленческой карьеры управление карьерным пространством может быть выделено в качестве отдельного направления.

Список литературы

1. Анненков В.И., Барчан Н.Н., Моисеев А.В., Киселев Б.И. Государственная служба: Организация управленческой деятельности: Учеб. пособие. М., 2010.
2. Управление карьерой государственного служащего / под общ. Ред. Профессора Анненкова В.И. Учеб. пособие. М: Учебный центр ОАО «Газпром», 2014.

ЭКСПЕРТНЫЕ СИСТЕМЫ И БЕЗОПАСНОСТЬ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

Солод А.А.

преподаватель, кандидат военных наук,
Военная академия РВСН им. Петра Великого, Россия, г. Балашиха

Солод С.А.

доцент кафедры, кандидат технических наук,
ФГБОУ ВПО «КубГТУ», Россия, г. Краснодар

Фоломеев Ю.Н.

старший научный сотрудник, кандидат военных наук, доцент,
Военная академия РВСН им. Петра Великого, Россия, г. Балашиха

Капустин С.И.

старший научный сотрудник,
Военная академия РВСН им. Петра Великого, Россия, г. Балашиха

В статье обоснована эффективность применения экспертных систем и представлены процедурные цепи принятия решения, с учетом гибких стратегий управления.

Ключевые слова: экспертные системы, безопасность военной службы.

В настоящее время сохраняются устойчивые негативные тенденции в области обеспечения безопасности военной службы (ОВВС). Подтверждением этому является высокий уровень травматизма и гибели личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации.

Задача снижения гибели и травматизма личного состава на современном этапе развития ВС РФ является весьма сложной, причем ее решение может быть получено различными способами. Одним из направлений, представляющих нам наиболее продуктивным, является совершенствование системы управления безопасностью военной службы (БВС).

В то же время, наиболее важным и сложным моментом в этом направлении является описание процессов, протекающих в управлении безопасностью военной службы. Главное практическое и реальное применение здесь получила технология искусственного интеллекта, сформировавшаяся в середине семидесятых годов прошлого века и получившая материальное воплощение в виде экспертных систем или инженерии знаний.

Экспертная система – это программа, которая заменяет эксперта в той или иной области [1,2]. Экспертные системы предназначены, главным образом, для решения практических задач, возникающих в слабо структурированной и трудно формализуемой предметной области (например, БВС). Это были первые системы, которые привлекли внимание потенциальных потребителей продукции искусственного интеллекта.

Цель исследований по экспертным системам состоит в разработке программ, которые при решении задач, трудных для эксперта-человека, получают результаты, не уступающие по качеству и эффективности решений, получаемых экспертами [1].

Оценка уровня БВС в ВС РФ является весьма актуальной и сложной задачей. Опасные ситуации, выступающие в качестве непосредственной предпосылки, реальной возможности, риска несчастного случая, аварии, катастрофы, формируются под влиянием большого количества факторов.

Во время проведения исследований установлено, что многие проблемы управления БВС можно решить с помощью автоматизированных систем управления, использующих гибкие стратегии управления [3].

Нам представляется, что разнообразие реализуемых процедур, возможных источников возникновения ситуаций и объектов воздействия, выбираемых во внешней и внутренней средах, может быть унифицировано, упорядоченно путем введения понятия элементарного цикла ситуационного управления, т.е. цикла разрешения ситуации.

Под элементарным циклом понимается операционная цепь, связывающая источник ситуации во внутренней или внешней среде системы с одним из выбираемых объектов воздействия. Цикл управления считается элементарным в том смысле, что вся процедура управления ограничивается единичными (однократными) направленными преобразованиями в системе управления БВС, будь то непосредственно воздействие на объект управления или воздействие на производственный объект с целью получения дополнительной информации. При этом информационные процессы включают операции

по сбору, переработке и распределению данных, необходимых и достаточных для выработки и реализации решений по ситуации. Организационное воздействие выступает как форма реализации управленческих решений, как волевых актов, осуществляемая с использованием определенных методов управления [2].

Последовательный перебор всех возможных связей между подсистемами и внешней средой по признаку "один источник ситуации – один элементарный цикл управления – одно воздействие" дает полный набор элементарных циклов ситуационного управления. При этом воздействие, осуществляемое системой управления, может основываться на комплексе решений различного характера.

В процессе разрешения опасных ситуаций, т.е. при реализации воздействия с целью перевода системы в желаемое состояние, выбор способа целесообразной деятельности следует осуществлять, исходя из следующих вариантов:

- источник ситуации и объект воздействия находятся внутри системы;
- источник ситуации – во внешней среде, а объект воздействия – во внутренней;
- источник ситуации может находиться, как вовне, так и внутри системы, а объект воздействия во внешней среде.

Выбор определенного вида деятельности в процессе управления, направленного на реализацию одного из возможных вариантов связей между источником возникновения ситуации и объектом воздействия, представляет собой самую общую принципиальную характеристику стратегии разрешения ситуации (или стратегии управления).

Таким образом, под стратегией управления мы понимаем принятие предварительного решения о выборе объекта управленческого воздействия.

Определение сложности относится к организационной форме "траекторий", связывающих под системы внутренней и внешней среды в процессе разрешения ситуаций. Под траекторией подразумевается определенным образом направленная и связанная последовательность действий системы управления. Каждой форме траектории соответствуют свои информационные процессы и решения в виде организационно-распорядительной документации, методы их осуществления.

Операционные цепи обоснования и принятия всех возможных управленческих решений по переводу системы в желаемое состояние с учетом всех взаимодействующих при этом факторов вряд ли в обозримой перспективе могут быть разработаны. Однако выбор эффективной процедуры и цепи, свойственных ей операций вполне может и должен быть поставлен в зависимость от источника и признаков опасных ситуаций, а также от специфики выбираемого объекта воздействия. При таком подходе процесс решения ситуационных задач управления отображается не различным сочетанием отдельных творческих, логических и технических операций и объектов их приложения, а совокупностью взаимозависимых этапов оценки ситуации, выбора стратегии ее разрешения, выработки и реализации решений по обеспечению безопасности военной службы.

Список литературы

1. Интернет портал <http://www.u69.ru/management.htm/>.
2. Попов Э.В. Системы общения и экспертные системы [текст]. М.: «Радио и связь», 1990.
3. Окань И.Н., Фоломеев Ю.Н., Макаров Д.В., Илюшина И.Л. Системный подход в управлении безопасностью военной службы. Сб. науч. трудов по материалам VI Междунар. науч.-практ. конференции 30 сент. 2015 г. Белгород. – № 6, часть VI.

ОСОБЕННОСТИ ЧАСТЕЙ И СОЕДИНЕНИЙ КАК ОБЪЕКТОВ УПРАВЛЕНИЯ

Хайбуллин И.Ф.

преподаватель, кандидат военных наук,
Военная академия РВСН им. Петра Великого, Россия, г. Балашиха

Макаров Д.В.

научный сотрудник, кандидат технических наук,
Военная академия РВСН им. Петра Великого, Россия, г. Балашиха

Дмитриев А.С.

преподаватель, Военная академия РВСН им. Петра Великого,
Россия, г. Балашиха

Григорьев С.М.

старший научный сотрудник, кандидат военных наук, доцент,
Военная академия РВСН им. Петра Великого, Россия, г. Балашиха

В статье приводятся актуальные особенности частей и соединений ВС РФ, как объектов управления, их важность и специфика.

Ключевые слова: объект военного управления, особенность.

Особенности частей и соединений, как объектов управления, не исчерпываются составом и структурой обстановки, характеризующей их состояние. Им присущи ряд других особенностей, обуславливающих определенную специфичность управления повседневной деятельностью и войсками в целом. Некоторые из них имеются и в организациях других сфер деятельности, но в том-то и дело, что специфичность управления формируется ими вместе, в конкретном сочетании.

На первом месте следует поставить главное отличие, **особенность**, которая **присуща** в той или иной мере **только силовым государственным структурам**. Сущность этой особенности заключается в особой миссии военной организации государства и повышенных требованиях к военнослужащим, обеспечивающих их объединение духом государственной идеи и патриотизма, их способность на жертвы во имя Отечества вплоть до самоотречения, а также в особых трудовых, служебных и личных взаимоотношениях военнослужащих.

Воинский труд, как интегрированная характеристика деятельности, отношений и поведения военнослужащего, представляет собой процесс его самореализации в качестве субъекта военно-профессиональной деятельности, повседневных отношений и собственного развития, который обеспечивает получение совокупных результатов **военной службы, являющейся особым видом федеральной государственной службы** [1]. Поэтому законы и иные нормативные правовые акты, содержащие нормы трудового права не распространяются на военнослужащих при исполнении ими обязанностей военной службы [2]. Во время исполнения обязанностей военной службы военнослужащие обязаны выполнять общие обязанности военнослужащих, свои должностные и специальные обязанности, приказы и приказания командиров и начальников, в том числе и в случаях связанные с рисками.

На характер управления повседневной деятельностью войск оказывают существенное влияние такие явления как непрерывность многих ее процессов (несения боевого дежурства, службы войск) и выраженная цикличность (повторение многих важных задач и мероприятий в каждом периоде обучения и месяце).

Субъектам военного управления необходимо постоянно учитывать возможность негативного влияния на эффективность воинского труда следующих блокаторов:

- авторитарное понимание и реализация принципа единоначалия;
- экстенсификация отдельных сторон воинского труда вместо их оптимизации;
- недооценка активного влияния на него всего комплекса условий и факторов.

Вторая особенность военной организационной системы – более высокая степень централизации и относительно более сложная и развитая иерархия.

Основным принципом военного строительства и военного управления является единоначалие с более широкими правами в отношении подчиненных с одновременным возложением на командиров и начальников ответственности за результаты деятельности.

Единоначалие и высокая степень централизации в определенной степени ограничивают свободу субъектов управления в принятии решений и действиях, но это вовсе не освобождает их от ответственности за исполнение и результаты, необходимости проявления творчества в границах решений старших начальников. Естественный приоритет организационно-распорядительных методов управления только усиливает необходимость их умелого сочетания с социально-психологическими и финансово-экономическими методами [3].

Третья особенность – действующая система укомплектования, при которой в воинских частях и соединениях ежегодно обновляется 25-30% личного состава, а также отсутствие возможности в мирное время делать то, что необходимо на войне – воевать. В этот период воинские части и соединения только учатся воевать.

В связи с этой особенностью педагогическая и чисто учебная составляющая занимают в деятельности военных руководителей всех уровней значительное место.

Четвертая особенность военной организационной системы – ее сравнительно высокая техническая оснащенность. По разнообразию вооружения и военной техники, физических принципов их конструирования и действия военные организационные системы превосходят организации других сфер деятельности. Все это вместе взятое придает управлению повседневной деятельности выраженное техническое и технологическое содержание. Особенности эксплуатации и технического обслуживания систем вооружений во многом определяют содержание и последовательность подготовки и проведения многих основных мероприятий поддержания боевой готовности.

Пятая особенность – социальное и коммунальное обеспечение, отношение к социальной и экономической инфраструктуре. Значительная часть воинских частей и соединений Вооруженных Сил дислоцируется отдельными гарнизонами, оторванными от больших и малых городов. В этих условиях на командиров воинских частей и соединений возлагается большая совокупность управленческих забот социальной и хозяйственной направленности, мало характерной для руководителей иных организаций. Обеспечение людей теплом, электроэнергией, хлебом, торговыми и другими коммунальными услугами, заготовка и создание условий для хранения зимних запасов овощей и продовольственных товаров, а также горюче-смазочных материалов требуют от командиров много усилий и времени. Хозяйственная деятельность командира и органов управления, подразделений и частей превращается в этих условиях в существенный фактор поддержания боевой готовности, но одновременно – чувствительный отрыв личного состава от боевой учебы.

Таким образом, изменения, происходящие в мире и Российской Федерации, существенные особенности военной организационной системы в целом и управления войсками в частности, особенности целей, задач, условий и средств управления частями и соединениями в мирное время оказывают непосредственное влияние на требования к военным руководителям, содержание и специфику процесса управления повседневной деятельностью войск.

Список литературы

1. Федеральный закон "О воинской обязанности и военной службе" от 28.03.1998 г. N 53-ФЗ.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. N 197-ФЗ.
3. Шипунов В.Г., Кишкель Е.Н., Основы управленческой деятельности: управление персоналом, управленческая психология, управление на предприятии. – М., 2000 г.

ТРЕБОВАНИЯ К ВОЕННЫМ РУКОВОДИТЕЛЯМ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Хайбуллин И.Ф.

преподаватель, кандидат военных наук,
Военная академия РВСН им. Петра Великого, Россия, г. Балашиха

Макаров Д.В.

научный сотрудник, кандидат технических наук,
Военная академия РВСН им. Петра Великого, Россия, г. Балашиха

Дмитриев А.С.

преподаватель, Военная академия РВСН им. Петра Великого,
Россия, г. Балашиха

Чумаченко А.П.

преподаватель, кандидат военных наук, доцент,
Военная академия РВСН им. Петра Великого, Россия, г. Балашиха

В статье рассматривается вопрос актуальных на сегодняшний день требований к военным руководителям различного уровня.

Ключевые слова: военный руководитель, управление.

Требования к военным руководителям отражаются теми качествами, которыми они должны обладать. Их можно разделить на общие, которым должны соответствовать современные руководители любых сфер деятельности, и частные – для военных руководителей [2].

К общим относятся требования их ориентации на системы (системный подход), человеческий фактор, исполнение, перспективу, неопределенность при принятии решений.

Ориентация на системы и системный подход обусловлена сложностью и динамичностью современной обстановки, исследовательским характером управленческой деятельности. И именно системный подход способен вооружить современного руководителя методологическими средствами, обеспечивающими ему возможность глубокого анализа объектов управления, их окружающей среды и управленческих ситуаций; выявления проблем и поиска вариантов их решений; выбора и реализации лучшего из них [1].

Человеческий фактор всегда имел в управлении большое значение, ведь оно осуществляется человеком и в интересах человека, и, поскольку человек существо общественное, управление есть функция социальная. В тройственном объекте управленческого труда (информация, люди, ресурсы) человек всегда стоит на первом месте. Но вместе с научным прогрессом и технологизацией общества, его дальнейшей структуризацией и демократизацией изменился человек, возросли его образовательный, интеллектуальный уровни и общественная активность, а также склонность к сопротивлению любой власти.

Вместе с тем в российском обществе происходят и ряд негативных явлений – его дальнейшая имущественная дифференциация, падение нравственности и духовности, ухудшение физического состояния и снижение уровня образования молодежи.

В этих условиях особенно актуально понимание руководителем важности благоприятной атмосферы в коллективе, поддержки людей и их сплоченности общими интересами, использования их профессионального потенциала, постоянной заботы о людях.

Ориентация на исполнение принятых решений предполагает, что каждое из них завершается выявлением и исполнением тех практических действий, которые изменит ситуацию и состояние объекта управления в нужном направлении.

Способность видеть перспективу и ее глубина у разных людей не одинакова: один смотрит в будущее на 5–10 лет вперед, а другие и месяц вперед обозреть не способны. А руководителю-управленцу это необходимо, в условиях стремительных изменений предвидение может уберечь от многих опасностей. Умение прогнозировать траекторию развития военной организации, овладение знаниями и навыками управления рисками – обязательное условие успеха управленческой деятельности, а в условиях неопределенности – в особенности.

Частные требования к военному руководителю, командирам воинских частей и соединений, целесообразно разделить на три группы: духовно-нравственные, военно-профессиональные, особые личностные (рисунок).

Рис. Частные требования к военным руководителям (командирам соединений и частей)

Управленческая деятельность командиров одна из самых сложных и по сути своей сильно отличается от других: командиру в течение дня приходится выполнять сотни разнородных операций, касающихся всех сторон деятельности воинской части. Он выступает в роли руководителя и исполнителя, а потому он должен быть профессиональным военным (моряком, танкистом, связистом, ракетчиком) и профессиональным управленцем. Профессия управленца, таким образом, оказывается профессией в профессии [1].

Можно смело утверждать: не может быть успешным военным руководителем офицер, не обладающий достаточными волевыми качествами – настойчивостью в достижении поставленных целей, выдержкой и самообладанием в экстремальных ситуациях, смелостью и мужеством в опасности. И следует подчеркнуть одно тривиальное, но очень актуальное требование: умение командира точно, просто и кратко излагать свои мысли, ставить и доводить до подчиненных задачи. Мысль командира, его приказание и задача во всякой обстановке должны быть выражены настолько ясно и просто, чтобы никто не мог их воспринимать двусмысленно, толковать двояко. Это умение должно вырабатываться им целенаправленно и постоянно.

Список литературы

1. Шипунов В.Г., Кишкель Е.Н., Основы управленческой деятельности: управление персоналом, управленческая психология, управление на предприятии. – М., 2000.
2. Атаманчук Г.В. Теория государственного управления. Курс лекций. – М.: Юрид. лит., 1997.

Подписано в печать 12.04.2016. Гарнитура Times New Roman.

Формат 60×84/16. Усл. п. л. 8,14. Тираж 100 экз. Заказ 106.

ООО «ЭПИЦЕНТР»

308010, г. Белгород, ул. Б.Хмельницкого, 135, офис 1

ИП Ткачева Е.П., 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а